

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СВЕТ И ТЕНИ

«ЭРЫ МАКРОНА»

МОСКВА
ИЕ РАН
2019

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

**СВЕТ И ТЕНИ
«ЭРЫ МАКРОНА»**

**Доклады Института Европы
№ 362**

**Москва
ИЕ РАН
2019**

УДК 323/327(44)"2017/2019"

ББК 66.2(4Фра)

С24

Редакционный совет:

**Ал.А. Громько (председатель),
Е.В. Ананьева (шеф-редактор), Ю.А. Борко,
В.В. Журкин, М.Г. Носов, В.П. Фёдоров**

Ответственный редактор В.Я. Швейцер,
редакторы Е.В. Дрожжина, Н.С. Плевако, С.М. Фёдоров

Рецензенты:

Кухарчук Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук
Мироненко Виктор Иванович, кандидат исторических наук

Тема НИР 0191-2019-0006

«Эволюция партийной системы, электоральные тенденции,
формирование и деятельность органов законодательной
и исполнительной власти в странах – членах Евросоюза»

В подготовке материалов к печати принимал участие В.С. Грибовский

Свет и тени «эры Макрона» = Light and Shadows of the «Macron Era» [сб. ст.] / [отв. ред. В.Я. Швейцер]. – М. : Ин-т Европы РАН, . – 128 с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 362). – Парал. тит. л. англ. – ISBN 978-5-98163-131-3.

Настоящий сборник статей продолжает исследовательский проект, посвящённый эволюционным процессам на партийно-политическом пространстве Европы начала XXI в.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

ISBN 978-5-98163-131-3

© ИЕ РАН, 2019

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

**LIGHT AND SHADOWS
OF THE «MACRON ERA»**

**Reports of the Institute of Europe
№ 362**

**Moscow
IE RAS
2019**

Аннотация

Авторский коллектив рассматривает важные направления политики президента Франции Э. Макрона. Особое внимание уделено конфликту с движением «жёлтых жилетов», показано отношение к «эре Макрона» основных политических объединений современной Франции. Важное место занимает тема функционирования Европейского союза, прежде всего в экономическом и социальном аспектах, миграционная политика, взаимоотношение ЕС с США, роли и места Франции в военно-политической системе Запада. Анализируются также российско-французские отношения на нынешнем этапе.

Abstract

The authors explore important directions of the French President E. Macron's policy. The conflict with the movement of «yellow vests» and the attitude to the «era of Macron» of the main political organisations of modern France are scrutinized. An important place is occupied by the theme of the European Union functioning, primarily in the economic and social aspects, migration policy, the EU's relationship with the US, the role and place of France in the military-political system of the West. The authors analyze Russian-French relations at the present.

СОДЕРЖАНИЕ

От Научного Совета «Партийно-политические системы Европы XXI века».....	7
Рубинский Ю.И. Франция: мини- или макси-кризис?	8
Часть I. «Жёлтые жилеты»: этапы протестного движения.....	8
Часть II. «Большие дебаты».....	15
Часть III. Международный контекст.....	21
Часть IV. Специфика Франции.....	25
Часть V. Есть ли выход из тупика?	39
Нарочницкая Е.А. Партийно-политический ландшафт Франции после выборов 2017 г.	44
Фёдоров С.М. Европейский проект Макрона и вопросы суверенитета.....	55
Яковлев П.П. Макрон и европейская армия: геополитический контекст и международная реакция.....	60
Канинская Г.И. Сумерки «голло-миттерандизма»: взгляд из Франции.....	66
Трофимова О.Е. Миграционная политика Макрона: новые реалии и изменение подхода.....	74
Клинова М.В. Развитие промышленного и человеческого капитала во Франции.....	81
Черноуцан Е.М. Особенности реализации инновационной политики Э. Макрона: возвращение дирижизма?.....	89
Уварова М.А. Реформа высшего образования 2018: за и против.....	98
Сидоров А.С. Эра Макрона и время де Вилье?.....	103
Оленченко В.А. Э. Макрон и Прибалтика.....	109
Каргалова М.В. Внешняя и внутренняя политика Э. Макрона: социальный аспект.....	114
Швейцер В.Я. «Макронизация»: французский эксклюзив или европейская закономерность.....	117

CONTENTS

From the Scientific Council «Party-political systems of Europe of the XXI century».....	7
Rubinsky Yu.I. France: Mini- or Maxi-Crisis?	8
Part I. «Yellow Vests»: the Stages of the Protest Movement.....	8
Part II. «Big Debates».....	15
Part III. International Context.....	21
Part IV. French Specificity.....	25
Part V. Is there a Way out of the Impasse?	39
Narochnitskaya E.A. Party-political Landscape of France after Elections – 2017.....	44
Fyodorov S.M. European Macron Project and Sovereignty Issues.....	55
Yakovlev P.P. Macron and the European Army: the Geopolitical Context and International Reaction.....	60
Kaninskaya G.I. The Twilight of Gaullo-Mitterrandism: a View from France.....	66
Trofimova O.E. The Macron Migration Policy: New Realities and Changing Approaches.....	74
Klinova M.V. The Development of Industrial and Human Capital in France.....	81
Chernoutsan E.M. Features of the Implementation of the Innovation Policy of E. Macron: the Return of Dirigisme?.....	89
Uvarova M.A. Higher Education Reform 2018: Pros and Cons.....	98
Sidorov A.S. The Era of Macron and the Time of de Villiers?	103
Olenchenko V.A. E. Macron and the Baltics.....	109
Kargalova M.V. Foreign and Domestic Policy of E. Macron: the Social Aspect.....	114
Schweizer V.Ya. «Macronization»: French Exclusive or European Pattern (Instead of Conclusion).....	117

От Научного совета «Партийно-политические системы Европы XXI века»

Приход к власти во Франции после президентских и парламентских выборов 2017 г. Э. Макрона и созданной им партии «Вперёд, Республика!» вызвал большой общественный интерес. В рамках регулярных встреч учёных-обществоведов и членов НС «Партийно-политические системы Европы XXI века» новейшей французской проблематике были частично или полностью посвящены материалы сборников, выходящих в серии «Доклады Института Европы»¹. Учитывая значимость перемен, происходящих в современной Франции, НС организовал 30 ноября 2018 г. круглый стол экспертов-европеистов, посвящённый «эре Макрона». Эта же тема была глубоко освещена в докладе руководителя Центра французских исследований ИЕ РАН д.и.н. Ю.И. Рубинского на заседании Учёного совета Института Европы 25 февраля 2019 г. В предлагаемый читателю сборник включены исследовательские материалы специалистов-франковедов.

¹ См.: «Выборы во Франции 2017: итоги и перспективы» (ДИЕ №347, 2017 г.); «Европа 2017: партии, выборы, власть» (ДИЕ №353, 2018 г.); «Партии и движения политической альтернативы в современной Европе» (ДИЕ №357, 2018 г.).

ФРАНЦИЯ: МИНИ- ИЛИ МАКСИ-КРИЗИС?

Часть I. «Жёлтые жилеты»: этапы протестного движения

Бурные события, потрясшие Францию в ноябре-декабре 2018 г. и январе-марте 2019 г., выглядят парадоксальными во многих отношениях – по времени и формам, причинам и возможным последствиям.

Они начались в тот момент, когда страна готовилась встретить традиционные праздники – Рождество и Новый год.

Однако на сей раз предпраздничное настроение оказалось явно испорченным. В субботу 17 ноября транспортные магистрали заняли 282 тыс. людей в жёлтых жилетах². Не согласные с намеченным правительством повышением акцизов на бензин и дизельное топливо, они перекрывали движение автотранспорта, блокировали заправочные станции и склады горючего. В течение зимы 2018–2019 гг. демонстрации повторялись каждую субботу, налицо был социальный кризис общегосударственного масштаба.

Массовость демонстраций «жёлтых жилетов» постепенно сокращалась: 24 ноября их было, по данным МВД, 166 тыс., 1 декабря – 136 тыс., 8 декабря – 138 тыс., а к Рождеству и Новому году ещё меньше – 32-39 тыс. В то же время их требования постоянно радикализировались. Они касались повышения покупательной способности, низких зарплат и пенсий, пересмотра налоговой системы и всей экономической политики правительства. Неудивительно, что основным требованием стала как отставка правительства, так и уход президента Э. Макрона. Всё большую популярность приобретали лозунги из арсенала прямой демократии – проведение «Референдумов гражданской ини-

* Рубинский Юрий Ильич, д.и.н., г.н.с. Отдела страновых исследований, руководитель Центра французских исследований ИЕ РАН.

² Светоотражающий жёлтый жилет входит во Франции в обязательный комплект средств обеспечения безопасности водителя на случай аварии.

циативы» (RIC) для обсуждения местных и общегосударственных проблем.

Пример «жёлтых жилетов» подал сигнал представителям иных недовольных властью категорий населения – учащимся лицеев и студентам, протестовавшим против ужесточения правил приёма в университеты, медсёстрам, водителям санитарных автомашин и даже полицейским, требовавшим улучшения условий труда.

На протяжении ноября и декабря 2018 г. опросы отмечали устойчивое сочувствие «жёлтым жилетам» явного большинства общественного мнения – порядка 70-71% респондентов, причём для 78% их требования отвечали интересам всего французского общества, а 84% признавали движение «народным»³.

Между тем ситуация на улицах и дорогах накалялась. В ряды мирных «жёлтых жилетов» влились немногочисленные, но агрессивные группы экстремистов ультраправого или левацкого толка, прозванные «громилами» (les casseurs), а также просто уголовные элементы из неблагополучных пригородных зон с высоким уровнем безработицы, наркомании, преступности. Банды хулиганов с чёрными повязками на лицах били стёкла, ломали объекты коммунальной инфраструктуры, поджигали автомашины, грабили магазины и рестораны, бросали в полицейских и жандармов булыжники и бутылки с зажигательной смесью («коктейли Молотова»). Со своей стороны правоохранители широко применяли для разгона толпы дубинки, слезоточивый газ, светошумовые гранаты, травматические пули, сносили бронемашинами баррикады.

«Жертвой» этих беспорядков не раз оказывался центр Парижа – Елисейские поля, площадь Этуаль с Триумфальной аркой, ставшей объектом актов вандализма, и прилегающие улицы, где расположены основные правительственные учреждения – дворец президента, резиденция премьер-министра, палаты парламента. Аналогичные инциденты, сопровождавшие демонстрации «жёлтых жилетов», происходили во многих крупных городах – Лионе, Тулузе, Дижоне, Бордо, Кане, Страсбурге, Сент-Этьене и т.д.

³ Le Figaro. 7 décembre 2018.

Выдержка и профессионализм сил правопорядка позволили избежать массового кровопролития – за три месяца погибли 11 человек, ставших жертвами ДТП. Тем не менее, численность раненых с обеих сторон и арестованных с привлечением виновных к суду оказалась достаточно внушительной и неуклонно росла: 15 ноября она составила, соответственно, 40 и 72, 24 ноября уже 84 и 307, 1 декабря 263 и 630, 8 декабря 118 и 1220 человек и т.д.⁴ Всего же за три месяца (ноябрь 2018 – февраль 2019 г.) общее количество обвинительных приговоров достигло 1796, в отношении ещё 1300 задержанных были возбуждены уголовные дела.

Правительство колебалось: если министр внутренних дел К. Кастанер обвинял демонстрантов в мятеже против республики и демократии, а его коллега, министр бюджета Б. Дарманен, сравнивал их с нацистами 1930-х гг. («под жёлтыми жилетами скрываются коричневые рубашки»), то премьер-министр искал почву для переговоров.

Однако поскольку у «жёлтых жилетов», связанных между собой главным образом через социальные сети, не было ни организационной структуры, ни общепризнанных авторитетных лидеров, как и чёткой программы требований, попытки наладить диалог с ними оставались безрезультатными. Приглашённые в резиденцию премьер-министра Отель Матиньон отдельные «жилеты» навлекли со стороны их более радикальных товарищей обвинения в предательстве.

Столь же напрасными оказались и посреднические усилия оппозиционных партий, профсоюзов, организаций гражданского общества. Хотя лидеры крайне-правого «Национального объединения» (бывш. «Национального фронта») М. Ле Пен и левачкой «Непокорённой Франции» Ж.-Л. Меланшон поддержали протестное движение, осудив лишь его насильственные эксцессы, им не удалось направить события в политическое русло, превратив протест в свой дополнительный ресурс перед выборами в Европарламент (26 мая 2019 г.). Требования Ле Пен о роспуске парламента и проведении досрочных выборов с изменением избирательной системы на основе пропорционального

⁴ BBC. URL: <https://www.bbc.com/news-europe-46502585>.

представительства власть решительно отвергла и они не нашли заметного отклика среди «жёлтых жилетов».

Ещё беспомощнее выглядели аналогичные жесты бывших системных партий – республиканцев (Л. Вокье) и социалистов (О. Фор), потерпевших сокрушительное поражение на выборах 2017 г. и ещё далеко не оправившихся от его последствий. Резолюция недоверия («порицания») кабинету министров, внесённая левыми фракциями – социалистами, коммунистами, «Непокорённой Францией» в нижнюю палату парламента – Национальное собрание 5 декабря, не прошла, собрав всего 194 голоса против 358 президентского большинства⁵.

Страна напряжённо ждала объяснений от первого лица – президента Макрона, популярность которого стремительно падала, причём радикальное крыло движения избрало главу государства объектом острых личных нападок, приобретавших порой оскорбительный характер⁶.

* * *

Однако на протяжении первых трёх недель кризиса президент держался в тени, возложив на премьер-министра Э. Филиппа ответственность за мониторинг событий, контакты с общественностью, парламентом, СМИ. Возможно, он вспомнил о тактике генерала де Голля в ходе событий мая-июня 1968 г., когда аналогичную роль играл тогдашний премьер-министр Ж. Помпиду.

Э. Макрон явно рассчитывал на благоприятный момент, когда пик протестного движения останется позади, а ситуация на улице будет взята под контроль. Такой момент настал, по его оценке, после четвёртой по счёту субботней мобилизации «жёлтых жилетов» 8 декабря, оказавшейся менее массовой, чем предыдущие. В понедельник 10 декабря глава государства пригласил в Елисейский дворец членов правительства, председателей палат парламента, лидеров политических партий, социальных партнёров – предпринимательских ассоциаций и профсоюзов,

⁵ Le Figaro. 7 décembre 2018.

⁶ За все 60 лет истории Пятой республики рейтинг доверия был ниже 18% только у непосредственного предшественника Э. Макрона – Ф. Олланда в самом конце его провального 5-летнего мандата.

выслушал их мнения и выступил по телевидению с обращением к нации.

Речь президента была выдержана в подчёркнуто драматизированной тональности. Решительно осудив акты насилия, сеющие анархию и хаос в политических целях, и предупредив о своей решимости не допускать таких эксцессов впредь, Э. Макрон признал обоснованными многие причины недовольства, которые накопились за последние 40 лет. Он напомнил, что они дают себя знать не только во Франции, но и во всём мире и никак не могли быть устранены за 1,5 года его правления. Переложив тем самым основную ответственность на своих предшественников и внешние обстоятельства, президент выразил сочувствие наиболее уязвимым в социальном плане слоям населения (в частности, одиноким матерям, многие из которых участвовали в демонстрациях). Ограничившись этой скромной самокритикой, он перешёл к главному – частичному удовлетворению требований протестующих. Речь шла о четырёх конкретных мерах, которые вписываются в рамки объявленного им в стране «чрезвычайного социально-экономического положения»:

1. работающие лица, члены семей которых имеют доход ниже минимальной зарплаты, получают ежемесячную прибавку в размере 100 евро, причём её выплата освобождается от налогов и сборов;

2. от них освобождаются также сверхурочные часы, превышающие по длительности узаконенную 35-часовую рабочую неделю;

3. глава государства призвал работодателей выплатить своим рабочим и служащим новогоднюю премию, с которой не будут взиматься налоги, как и обязательные отчисления в фонды соцстраха;

4. пенсионеры, чей доход не превышает 2 тыс. евро в месяц, не будут обязаны выплачивать намеченное ранее правительством повышение ставки «обязательного социального сбора» (CSG), за счёт которого финансируется система соцзащиты.

Подтверждена также отмена мер, которые ущемляли права автомобилистов под предлогом заботы об экологии, что послужило детонатором протестов: отменены до конца 2019 г. новые

акцизы на топливо, аннулировано ужесточение правил техосмотра, введены льготы для тех водителей, кто вынужден ездить на работу далеко от места жительства и т.д.

Поскольку стоимость всех этих мер для бюджета в 2019 г. оценивается в сумму порядка 10-11 млрд евро, а это рискует увеличить его дефицит, часть средств предполагалось получить за счёт более жёсткой борьбы с уклонением от налогов, особенно иностранными интернет-корпорациями, уходящими от налогов в офшоры – Gafa (Google, Apple, Facebook, Amazon)⁷. Выдвинутые предложения правительство конкретизировало в предельно сжатые сроки – за 10 дней и направило на рассмотрение парламента.

Поскольку среди «жёлтых жилетов» набрала популярность идея дополнить существующую представительную демократию прямой – через проведение «референдумов гражданской инициативы» (RIC), то в период с 15 января по 15 марта 2019 г. на местах – в мэриях городов проводились дискуссии с участием представителей власти, социальных партнёров – предпринимателей и профсоюзов, организаций гражданского общества и всех желающих, в т.ч. отобранных по жребию «жёлтых жилетов». Составленные в ходе таких дискуссий «тетради жалоб» с предложениями реформ должны обобщаться в регионах, а затем будут доведены до сведения парламента и органов исполнительной власти с целью определить их целесообразность и материальные возможности реализации⁸.

Основой для таких дискуссий, объединённых пышным названием «великих дебатов» (*le grand débat*) для заключения между властью и обществом «нового национального договора», стало открытое письмо президента всем гражданам, опубликованное 13 января 2019 г.⁹ В нём выделялись четыре ключевые темы: экологический переход, налоговая система, реорганизация госслужбы, демократия и гражданство. «Мы переживали ис-

⁷ Le Monde. 10 décembre 2018.

⁸ Термин «тетради жалоб» был заимствован из эпохи начала Великой французской революции 1789 г., когда их направляли депутатам Генеральных Штатов по сословиям.

⁹ Le Monde. 10 décembre 2018.

торический момент для нашей страны. Благодаря диалогу, уважению, участию мы добьемся успеха!» – заключил Э. Макрон.

Речь главы государства, которую смотрели 21 млн телезрителей – 40% всех взрослых граждан, вызвала бесспорный интерес, но неоднозначную реакцию. Согласно опросам, 55% респондентов ещё высказывались за продолжение протеста, но уже почти половина – 45% предпочитала искать выход из кризиса путём переговоров¹⁰.

Некоторому снижению активности «жёлтых жилетов» способствовали не только праздничные дни, когда общественная жизнь страны всегда замирает (т.н. «перемирие кондитеров» – *la trêve de confiseurs*). Внимание от протестов отвлек теракт исламского экстремиста Шерифа Шеката – 29-летнего французского гражданина арабского происхождения, который открыл 2 декабря огонь на рождественском базаре в Страсбурге, убив 5 и ранив 13 человек. На место преступления срочно прибыл сам президент, предупредивший о приоритетном значении борьбы против терроризма (два дня спустя Шекат, у которого уже было 27 уголовных судимостей, погиб в перестрелке с полицией).

На этом фоне тональность выступлений президента заметно ужесточилась: назвав протестующих «злой толпой», он выразил сожаление, что слишком много французов хотят жить лучше, однако не готовы прилагать для этого серьёзные усилия. В традиционных новогодних пожеланиях французам 31 декабря Э. Макрон подчеркнул свою решимость пресечь любые посягательства на республиканский порядок и продолжить намеченные реформы, в том числе такие сложные и потенциально конфликтные, как перестройка системы пенсионного обеспечения и госслужбы¹¹.

Между тем в отношении радикалов протестного движения усиливались репрессивные меры: 2 января был арестован и привлечён к суду водитель-дальнобойщик Э. Друэ, которого обвинили в нарушении порядка проведения демонстраций (предварительное согласование с префектурой цели, маршрута, числа участников). МВД инициировало принятие парламентом зако-

¹⁰ Le Figaro. 11 décembre 2018.

¹¹ Le Monde. 2 janvier 2019.

на, который возлагает на нарушителей порядка («громил») материальную ответственность за нанесённый ими ущерб и предусматривает составление списка лиц, которым запрещено участие в любых массовых, даже легальных уличных акциях. Причём решение об этом должен принимать не суд, а представитель исполнительной власти – префект в административном порядке. Этот проект вызвал не только критику оппозиции, но и определённые сомнения среди правящего большинства, 50 депутатов которого воздержались от его одобрения¹².

Тем не менее, протестное движение не затихало: очередная, девятая по счёту субботняя мобилизация 12 января снова собрала по всей стране 84 тыс. человек, причём главным местом её проведения был избран уже не Париж, а небольшой старинный город Бурж. По-прежнему случались, хотя и реже, отдельные акты насилия – взлом ворот министерства по связям с общественностью, руководителя которого Б. Гриво пришлось эвакуировать, СМИ широко показали кулачный поединок бывшего боксёра-профессионала К. Деттингера с жандармами на мосту через Сену, за что зачинщик попал под суд, и т.п.

К концу января 2019 г. между властями и «жёлтыми жилетами» сложилось определённое равновесие сил – численность демонстрантов, как и противостоявших им сил правоохранителей стабилизировалась на уровне 50-80 тыс. с каждой стороны в ожидании политической развязки кризиса.

Часть II. «Большие дебаты»

На следующий день после очередной, девятой по счёту субботней мобилизации «жёлтых жилетов», прошедшей в сравнительно ограниченном масштабе, – 13 января 2019 г. президент опубликовал открытое письмо ко всем соотечественникам, в котором предложил провести в стране «большие дебаты» об условиях «нового национального контракта» между властью и обществом.

Э Макрон предупредил, что «большие дебаты» не являются

¹² Конституционный совет отменил часть статей этого закона, сочтя их противоречащими гражданским правам. MTS RUS Wi Fi, 27.01.2019.

ни выборами, ни референдумом, ввиду чего заведомо исключают пересмотр уже принятых парламентом законов по реформированию существующей социально-экономической модели Франции. Он добавил, что любое применение силы к представителям власти или СМИ будет решительно пресекаться. Затем Э. Макрон сформулировал повестку дня будущих дискуссий в виде 35 вопросов, разбитых на 4 главных раздела:

1) налоговая система и государственные расходы на управление, оборону, общественные функции (образование, медицину, науку, культуру и т.д.), инвестиции и социальную помощь неимущим;

2) структура государственной службы и местных органов власти, оптимальные формы и лимиты их необходимой децентрализации;

3) экология – борьба с потеплением климата, защита окружающей среды и биоразнообразия, в том числе путём перехода на новые источники энергии с учётом потребностей семей в традиционных видах топлива для автотранспорта и отопления с учётом различий материального положения, образа жизни семей и требований международной конкуренции;

4) укрепление демократии и гражданственности путём совершенствования системы выборов на всех уровнях – местном, национальном, европейском. Речь может идти о следующем: сокращение количества депутатских мест, изменение баланса между полномочиями палат, ревизия мажоритарной избирательной системы введением в неё дозы пропорциональности, ограничение сроков пребывания на ответственных выборных постах, децентрализация в пользу низшего звена – мэров коммун, проведение референдумов по местным вопросам, дополнение выборных лиц представителями ассоциаций граждан, в том числе определённых по жребию, при принятии решений.

Предложено также обсудить вопросы гражданства – сохранение конституционного права на убежище, усиление мер по интеграции мигрантов во французское общество, ежегодное ограничение парламентом численности принимаемых иностранцев. В тот же контекст вписывается и возможность ревизии закона 1905 г. об отделении церкви от государства (с учётом но-

вого фактора ислама)¹³.

Стремясь обеспечить доверие к прозрачности и беспристрастности «больших дебатов», результаты которых призваны послужить основой нового «национального договора», президент поручил заниматься организационной стороной коллегии из 5 авторитетных гарантов, отобранных председателями палат парламента при содействии министров по делам «территориальных коллективов», т.е. местных органов власти. Именно на них сделана основная ставка при проведении дискуссий на местах в течение двух месяцев – с 15 января по 15 марта 2019 г. в каждом из регионов страны¹⁴.

Их результаты будут суммироваться и передаваться для обсуждения конкретных мер в обе палаты парламента.

С тем, чтобы повысить интерес общественности к «большим дебатам», президент решил открыть их лично, встретившись в спортзале небольшого нормандского городка с мэрами 600 коммун пяти соседних департаментов и ответив на их вопросы. Дискуссия, которая продолжалась 7 часов подряд, велась без предварительно согласованной повестки дня – президент отвечал на самые различные, порой достаточно острые темы, как местного, так и более широкого характера. Аналогичные встречи глава государства проводил в следующие дни в разных регионах и в различных форматах, в том числе узком составе с участием не только мэров, но и представителей организаций гражданского общества и рядовых граждан. Премьер-министр и другие члены кабинета также подключились к «большим дебатам»¹⁵.

Хотя эти мероприятия вызвали достаточно широкие отклики в СМИ и политических кругах, реакция на них, как и на предыдущие выступления главы государства в ходе кризиса, оказалась противоречивой.

Тон критике задали лидер ультраправого «Национального объединения» М. Ле Пен, которая обвинила президента в неспособности ответить на законные требования протестного движе-

¹³ Le Monde. 14 janvier 2019.

¹⁴ Le Monde. 16 janvier 2019.

¹⁵ Общее число всех участников «больших дебатов» составила 1,5 млн, число «тетрадей жалоб» 16 тыс., в стране было проведено 10,3 тыс. дискуссионных собраний.

ния, настаивая на полном запрете иммиграции, свёртывании евроинтеграции, роспуске парламента, проведении досрочных выборов по системе пропорционального представительства. Не менее жёсткой оказалась реакция на противоположном фланге – лидера левацкой «Непокорённой Франции» Ж.-Л. Меланшона, который давно требует отмены действующей Конституции и создания парламентской Шестой республики. Несколько более умеренными, но также в целом негативными были оценки представителей прежних системных партий левого и правого центра – социалиста О. Фора и республиканца Л. Вокье.

Конструктивнее выглядела реакция представителей органов местного самоуправления, в том числе Ассоциации мэров Франции, оппозиционное большинство которой положительно восприняло жесты Э. Макрона в адрес коммун, а также структур гражданского общества – бизнеса (МЕДЕФ) и реформистского крыла профсоюзов. Основные их претензии касались объёма конкретных уступок материального плана, предложенных президентом 10 января 2019 г., способности этих мер реально поднять покупательную способность наиболее уязвимых в социальном плане слоёв населения и сократить безработицу.

Согласно данным опроса, проведённого Центром Odexa Dentsu 16 и 17 января 2019 г., почти все респонденты слышали о «больших дебатах», но более половины – 64% оценивают их скептически, лишь треть (35%) верят, что их результатом станут полезные для страны меры, ещё меньше (29%) надеются на независимость от власти при их проведении и столько же сами намерены участвовать в них лично¹⁶. Среди предложенных президентом в открытом письме вопросов для обсуждения подавляющее большинство граждан (82%) выдвигают на первый план налоги и государственные расходы, 59% интересуется организацией госслужбы, 56% – демократия и гражданство, 40% – экология, 51% желали бы продолжать движение «жёлтых жилетов», тогда как 49% предпочли бы его прекратить.

Согласно опросу, проведённому авторитетным Институтом по изучению общественного мнения (ИФОП) 24 и 25 января 2019 г., 66% респондентов сочли, что в итоге протестного дви-

¹⁶ BFM TV. 18 janvier 2019.

жения стиль правления Э. Макрона не изменился, тогда как 34% придерживались противоположного мнения. Среди наиболее желательных изменений стиля назывались прежде всего необходимость уделять «большее внимание заботам рядовых французов» (86%), «избрать иную манеру общения» с гражданами в ходе контактов при поездках по стране (80%). В целом рейтинг главы государства, упавший к началу кризиса «жёлтых жилетов» до минимума (23%), к концу января 2019 г. повысился на 8 п.п.

Таким образом, кризис доверия между властью и обществом, назревавший за полтора года пребывания Э. Макрона у власти, ещё далеко не преодолен¹⁷, что откровенно признавал и сам президент. В ряде своих публичных выступлений он констатировал тот факт, что Франция глубоко расколота по разным критериям, которые, как правило, не совпадают – социальным, политическим, культурным, наконец, географическим. Напомнив, что корни этого раскола уходят в далёкое прошлое и в то же время отражают многие мировые тенденции наших дней, глава государства провозгласил основной задачей оставшихся трёх лет своего президентского мандата восстановление конструктивного диалога между властью и обществом и тем самым единства нации на основе её общих республиканских ценностей.

Следует отметить, что помимо поисков оптимальных организационных форм «больших дебатов» власти предпринимали активные меры по нейтрализации протестного движения с тем, чтобы углубить размежевание радикального крыла «жёлтых жилетов» и их умеренной части, готовой выдвинуть список своих кандидатов на выборах 26 мая 2019 г. в Европарламент, оттянув на себя часть протестного электората от НФ или «Непокорённой Франции».

Наряду с этим поощряются конкурирующие с «жилетами» движения провластного характера – в частности, экологи, которые поддерживают меры по ограничению выброса автотранспортом парниковых газов в атмосферу в соответствии с Парижским соглашением 2015 г. (что и послужило поводом для движения «жёлтых жилетов»). В данной связи часть депутатов президентской партии «Вперёд, Республика!» предложила даже

¹⁷ Le Journal du Dimanche, 27 janvier 2019.

восстановить акцизы на бензин и дизельное топливо, размер которых зависел бы от доходов и расстояния от места жительства водителей до их работы.

Другим примером той же тактики служила проведённая в Париже в воскресенье 27 января 2019 г. демонстрация «в защиту свобод и государственных институтов», на которую собрались со всей страны 10,5 тыс. людей с красными шарфами. Это были главным образом мелкие торговцы, чья выручка серьёзно пострадала из-за демонстраций «жёлтых жилетов» в предпраздничные дни накануне Рождества и Нового года, на которые приходится обычно 20% их годовой розницы.

По мере того, как численность «жёлтых жилетов» сокращалась, стабилизовавшись на уровне в среднем 30-40 тыс. по стране, среди них усиливалось влияние экстремистов. Это особенно проявилось в субботу 16 марта 2019 г., когда 1,5 тыс. радикалов в чёрных повязках разгромили, ограбили и сожгли 80 банков, магазинов, кафе на Елисейских полях, в том числе знаменитый ресторан «Фукетс».

В ответ президент, премьер-министр и министр внутренних дел объявили о запрете впредь любых демонстраций и митингов в центре Парижа, Тулузы и Бордо, ужесточении мер в отношении зачинщиков беспорядков, в том числе превентивных, и использовании армейских подразделений антитеррористической операции «Часовой» (sentinel) для охраны правительственных зданий. Эти жёсткие меры оказались действенными – во время следующей, 17-й субботы центр столицы был почти пустым, а в провинции эксцессы «громил» сведены к минимуму.

В тот же контекст вписывается активизация борьбы против антисемитизма. Тенденция к росту количества инцидентов антисемитского характера, наблюдающаяся во многих странах ЕС, во Франции особенно заметна – в частности из-за того, что в ней сосуществуют самые многочисленные в Евросоюзе еврейская диаспора (600 тыс.) и мусульманская община из числа арабов-иммигрантов (3,5 млн). В таких условиях инерция исторических прецедентов («дело Дрейфуса», режим Виши) усугубляется влиянием израильско-палестинского конфликта на Ближнем Востоке.

Злобные антисемитские нападки на философа М. Финкелькраута одного из «жёлтых жилетов» – француза, перешедшего в радикальный вариант ислама, – вызвала широкий резонанс среди демократической общественности, собравшей массовый митинг протеста на площади Республики. Активная поддержка властями и лично президентом мер по борьбе с этими тревожными тенденциями способствовала дискредитации и изоляции движения «жёлтых жилетов».

В итоге в январе-марте 2019 г. численность демонстрантов ни разу не достигала первоначальных значений. Она колебалась от максимума – 84 тыс. (19 января) до минимума – 38 тыс. 9 марта. Аналогичная тенденция прослеживалась в опросах общественного мнения.

Центр тяжести политической жизни явно смещался от социального кризиса к кампании перед выборами в Европарламент, где основную роль играли уже политические партии большинства и оппозиции. К середине февраля доля сторонников продолжения мобилизации «жёлтых жилетов» снизилась до 43%, а тех, кто предпочитает её прекратить, повысилась до 56%, что свидетельствовало о заметном сдвиге общественных настроений к нормализации обстановки. Тем не менее, 25% всё ещё поддерживали «жилетов»: 33% симпатизировали им, тогда как враждебность им выражали лишь 15, а оппозицию 16%¹⁸.

III. Международный контекст

События во Франции вписываются в гораздо более масштабные процессы, выходящие далеко за пределы её национальных границ. Речь идёт о противоречивых последствиях глобализации и научно-технической революции на основе информатики, развернувшихся в мире на рубеже XX–XXI вв. и вступающих ныне в новый этап.

Массированные трансграничные потоки товаров, капиталов, людей, которые подняли международное разделение труда на более высокий уровень, способствовали росту мирового ВВП. Благодаря этому сотни миллионов людей в ряде развивающихся

¹⁸ Rendez-vous BFM TV, 13 février 2019.

ся стран, совершивших беспрецедентный модернизационный прорыв, преодолели крайнюю нищету, пополнив ряды среднего класса. В то же время в странах т.н. «золотого миллиарда» – США, ЕС, Японии аналогичные социальные категории, составляющие там большинство самодостаточного населения, испытывают растущие трудности.

По мере утечки капиталов, технологий, производств реального сектора экономики в бывший «Третий мир» в поисках дешёвой рабочей силы, менее обязывающих социальных и экологических норм основная масса среднего класса постиндустриальных стран Запады сосредоточилась в сфере услуг. Между тем стремительная автоматизация и роботизация этой сферы не требуют более высокой профессиональной подготовки, как прежде. Основную массу рабочих мест там предоставляют теперь такие области экономики, как строительство, коммунальное хозяйство, транспорт, учёт и контроль, уборка, охрана, уход за больными, детьми, стариками и т.п., для чего подходят неквалифицированные иммигранты.

В результате перелив излишней рабочей силы из промышленности в сферу услуг, как ранее из сельского хозяйства в индустрию во время промышленных революций XIX–XX вв., затрудняется. Соответственно, покупательная способность доходов многих представителей среднего класса постиндустриальных государств стагнирует, а порой даже сокращается. В то же время структура их семейных бюджетов существенно изменилась – в ней появились новые статьи расходов, без которых работа, отдых, повседневная жизнь становятся крайне затруднительными (Интернет, мобильная связь, личный автотранспорт и т.д.). Это отражается и на таком важном аспекте жизненного уровня как доступ младшего поколения к высшей школе и тем самым возможности повысить материальный и моральный статус («социальному лифту»). Отныне обладание университетским дипломом отнюдь не гарантирует высокооплачиваемую работу, да и просто занятость. В ходе опросов представители среднего класса постиндустриальных стран всё чаще опасаются, что их дети будут жить хуже, чем они сами.

На протяжении десятилетий эти тенденции смягчались раз-

буханием объёма потребительского кредита банками и страховыми компаниями. Благодаря этому представители среднего класса со скромными доходами получали доступ к дорогостоящим предметам длительного пользования – недвижимости, автомобилям, престижным брендам бытовой техники, модным аксессуарам, путешествиям, коллегам для детей и т.д. Однако с конца первого десятилетия XXI в. такая система становится всё менее эффективной, а зачастую и рискованной. Тяжёлый удар по ней нанесла «Великая рецессия» – финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., начавшийся с краха пирамиды ипотечного кредитования в США и получивший глобальный размах. Превратив малообеспеченные вторичные и третичные долговые обязательства в объект биржевых спекуляций, частные банки создали реальную угрозу цепной реакции банкротств сначала своих клиентов, а затем и самих себя по примеру крупнейшего банка «Леман бразерс» с непредсказуемыми последствиями.

Правительствам «двадцатки» ведущих промышленных и развивающихся стран удалось предотвратить повторение катастрофы типа «Великой депрессии» 1929–1933 гг. путём конверсии долгов частных банков в государственные (что увеличило суммарный объём всех долгов до поистине астрономической цифры – 178,3 трлн долл. США в 2018 г.). Однако прежние условия кредитования, а вместе с ними покупательная способность, образ жизни, социальный статус части среднего класса оказались под вопросом.

Между тем узкая прослойка международной финансово-технократической элиты, успешно вписавшаяся в процессы глобализации, извлекла из них беспрецедентные выгоды, резко углубившие социальное расслоение. Если в 2012 г. на долю 1% самых богатых людей планеты приходилось 46% личных активов, то в 2016 г. состояние 6% их превысило имущество беднейшей половины человечества – 3,6 млрд людей¹⁹.

По оценке неправительственного центра «Оксфам» (Oxfam), 26 богатейших людей планеты владеют такой же собствен-

¹⁹ См. Ю.И. Рубинский. Судьбы гуманитарного прогресса. Доклады ИЕ РАН №325. М., 2016 г.; Washington Post. August 27, 2015.

стью, как 3,8 млрд наименее зажиточных. Только в одном 2018 г. состояние 1100 миллиардеров увеличилось на 900 млрд долл., т.е. по 2,5 млрд в день, тогда как доходы 2,8 млрд людей сократились на 11%, причём финансовая элита укрывала тогда же от налогов 7,6 трлн долл.

В сочетании с деградацией материальных условий и социального статуса средних слоёв эти контрасты способствовали эрозии многих их традиционных ценностей. Неудивительно, что если прежде эти слои служили самой прочной опорой западных либеральных демократий, то теперь они превращаются в фактор дестабилизации общества. Катализатором их протеста стал массовый наплыв иммигрантов из развивающихся мусульманских стран Ближнего Востока, Африки в ЕС или Латинской Америки в США. Они не только конкурируют с коренным населением стран приёма на рынке труда и в доступе к соцзащите, но и порождают у него опасения за свою национально-культурную идентичность.

Все эти факторы объясняют рост влияния массовых национал-популистских движений крайне-правого, а иногда и левацкого толка. Их харизматические лидеры, которые выступают под лозунгами антиглобализма и евроскептицизма, культивируют ностальгию по иллюзорному «золотому веку» прошлого, призраку былого имперского величия, в котором средний класс чувствовал себя достаточно комфортно.

Общим знаменателем всех подобных движений служит отторжение политических элит, глубоко дискредитированных коррупционными скандалами и ценностным релятивизмом постмодерна, прикрываемого лицемерной политкорректностью «единого мышления». Именно это объясняет такие масштабные политические события, как успех на референдуме сторонников брекзита – выхода Великобритании из ЕС или избрание Д. Трампа президентом США, которые привели к ревизии прежних основ трансатлантических отношений в рамках НАТО и всего «либерального миропорядка», созданного после 1945 и 1991 гг. в итоге Второй мировой и холодной войн.

Те же причины облегчили приход к власти в ряде посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы, пре-

жде всего Вишеградской группе – Польше, Венгрии, Чехии, Словакии, а также в Австрии и Италии радикальных сил, бросающих вызов общепринятому либерал-глобалистскому дискурсу и деятельности брюссельской бюрократии. Их влияние растёт даже в «твёрдом ядре» ЕС – франко-германском тандеме, Нидерландах, Скандинавских странах, где их единомышленники активно и порой небезуспешно конкурируют с системными партиями европейского «мейнстрима» – христианскими демократами, либералами, социал-демократами.

Это выражается, прежде всего, в решительном отказе национал-популистов принимать по квотам ЕС определённое количество мигрантов. Более того, под вопросом для них оказываются даже такие базовые ценностные критерии принадлежности к западной цивилизации, как разделение властей, независимость правосудия, права этнических, религиозных, сексуальных меньшинств и т.д. (т.н. «нелиберальные демократии»).

Убедительным доказательством международного измерения социального кризиса 2018–2019 гг. во Франции стал её острый конфликт с правительством соседней Италии, где к власти пришёл блок национал-популистских евроскептиков. Конфликт начался со споров об ответственности за массовый наплыв иммигрантов из Африки через Средиземное море и французских планов модернизации ЕС, приобретая ярко выраженный внутриполитический аспект. Так, вице-премьер Италии, лидер популистской партии «Движение 5 звёзд» Ди Майо встретился с группой французских «жёлтых жилетов» и публично поддержал их нападки на политику президента Э. Макрона. В ответ французский посол в Риме был демонстративно отозван в Париж.

IV. Специфика Франции

Своеобразные формы, которые приобрело протестное движение во Франции, обусловлены двумя причинами – спецификой её национальной политической культуры и характером проблем, с которыми столкнулась страна на рубеже XX–XXI вв.

За 240 лет, прошедших после Великой французской революции 1789 г., страна перепробовала все возможные типы госу-

дарственного строя – абсолютную и конституционную монархии, две бонапартистские империи, пять республик – три парламентские, президентскую и нынешнюю полупрезидентскую. Каждый из них создавался в итоге очередной революции, военного переворота, массовых движений (революции 1830, 1848, 1870, Парижская коммуна, Народный фронт 1936 г., создание в 1958 г. Пятой республики в результате мятежа части армии в Алжире) и закреплялся очередной конституцией, по количеству которых Франция, безусловно, держит рекорд Гиннеса.

Тем не менее, эта внешняя турбулентность скрывала преемственность многих традиционных черт социальной жизни страны: недаром великий французский социолог А. де Токвиль считал, что даже после революции 1789 г. страна сохраняла многие черты старого монархического порядка. Гарантией такой преемственности служила строго централизованная административная система, почти неизменно сохранявшаяся при всех режимах. Каждый из них был вынужден так или иначе учитывать идейное наследие Просвещения и революции 1789 г., воплощённые официальным девизом «Свобода, Равенство, Братство», хотя бражды правления фактически оставались в руках кадровой бюрократии, тесно связанной с правящей элитой.

Несмотря на высокий профессионализм чиновничьей касты, серьёзным недостатком её вертикальной структуры оказывалась тенденция к политизации любых, даже второстепенных, локальных конфликтов интересов, решавшихся в Париже. В результате они перерастали в общенациональные, приобретали идейно-ценностное измерение, что затрудняло поиски прагматичных компромиссов, являющихся основой англосаксонской или германской политических культур.

Постоянный риск превращения социальных конфликтов в политические не стимулировал, а тормозил назревание преобразований, побуждал власть ограничиваться полумерами или откладывать их на будущее в надежде на то, что со временем они утратят чересчур конфликтный характер. Однако такая тактика (т.н. «иммобилизм») давала обратные результаты – противоречия в обществе накапливались до критической черты, выливаясь в массовые протестные движения, если не очередную смену

режима.

Именно такая ситуация в очередной раз сложилась в конце XX – начале XXI вв., когда под вопросом оказалась своеобразная модель социальной рыночной экономики, которая сложилась в первые послевоенные десятилетия и оказалась ныне неспособной дать ответ на новые вызовы глобализованного внешнего мира.

Наиболее характерной чертой этой неокейнсианской модели была активная роль государства в накоплении капитала и его использовании. До сих пор во Франции через бюджеты всех уровней и фонды соцстраха проходит 57% ВВП – больше, чем в любой стране ЕС. Опираясь на мощный национализированный госсектор в инфраструктурных отраслях (транспорт, связь, энергетика) и контроль над кредитно-денежной политикой, государство определяло административно-правовые рамки предпринимательской деятельности, отношения социальных партнёров – работодателей и профсоюзов, прежде всего трудовое законодательство, оказывало значительное влияние на внешнеэкономические связи.

Важнейшим компонентом этой модели служила весьма продвинутая, хотя и затратная перераспределительная система соцзащиты – пенсий, пособий для инвалидов, многодетных семей и неимущих, а также государственного образования, здравоохранения, поддержки науки и культуры, финансируемая за счёт налогов или обязательных отчислений от прибылей и зарплат в управляемые социальными партнёрами автономные кассы.

Для своего времени она, бесспорно, оправдала себя – за 30 первых послевоенных лет ВВП Франции (среднегодовые темпы роста экономики которой составляли 4-5%) утроился, а её структура радикально изменилась: страна стала одной из ведущих постиндустриальных держав планеты. Важнейшую роль при этом сыграл процесс европейской интеграции, инициатором которого с 1950г. выступила именно Франция, которая остаётся в тандеме с Германией главным мотором евростроительства.

Тем не менее, даже в период становления этой модели – послевоенного «славного тридцатилетия» (1946–1973 гг.), как называл его известный экономист Ж. Фурастье, она не была лише-

на недостатков: гибкая бюджетно-денежная политика подстёгивала инфляцию, обесценивала сбережения, тормозила частные инвестиции. Эти недостатки становились всё более ощутимыми по мере того, как ситуация в мировой экономике с середины 70-х гг. XX в. круто менялась. Резкие скачки цен на энергоносители повысили издержки производства и снизили вдвое среднегодовые темпы роста ВВП постиндустриальных держав Запада, тогда как модернизационный прорыв ряда государств бывшего «Третьего мира» значительно обострил конкурентную борьбу на глобализованном мировом рынке.

Ответом стала т.н. «консервативная революция» Рейгана–Тэтчер: отказ от кейнсианства, крутой поворот к ультралиберальному монетаризму. Он диктовал необходимость существенно пересмотреть роль государства в экономике – приватизацию, обеспечение бюджетно-финансового равновесия путём снижения бюджетных расходов и налогов, прежде всего за счёт социальной сферы. Именно так выглядели основные установки т.н. «Вашингтонского консенсуса», положенного в основу деятельности международных структур «либерального миропорядка» (МВФ, ВБ, ВТО, ОЭСР и т.д.).

В ЕС подобные реформы – дерегулирование хозяйственной жизни, бюджетно-финансовое оздоровление – провели лейбористы в Великобритании («Третий путь» Т. Блэра) и социал-демократы в Германии («новый центр» Г. Шрёдера), что позволило этим и другим странам Северной Европы с меньшими издержками пройти «Великую рецессию» 2008–2009 гг.

Между тем во Франции эти реформы явно затянулись, что повлекло за собой всё более ощутимые макроэкономические последствия. Послекризисный период был отмечен у неё затяжной стагнацией, среднегодовые темпы роста ВВП колебались в пределах 1,2-1,5%, бюджет сводится с хроническим дефицитом, а торговый баланс – с крупным пассивом (в 2018 г. порядка 60 млрд евро). Это ведёт к неуклонному разбуханию госдолга, объём которого превысил 1 трлн евро (98,6% ВВП).

Высокий уровень налогов и обязательных отчислений в кассы соцстраха, по которым страна лидирует в ОЭСР, стимулирует деиндустриализацию – утечку капиталов и производства за

рубеж. Вес обрабатывающей промышленности в ВВП Франции снизился за четверть века вдвое, достигнув 11% – гораздо меньше, чем в соседней Германии. Самой острой социальной проблемой страны остаётся занятость: численность полностью безработных достигает 3,5 млн человек, с частично безработными – 6,5 млн (9-9,5%) самодеятельного населения, а у молодёжи этот процент вдвое больше²⁰.

По всем этим показателям положение в соседних средиземноморских странах – должниках Южной Европы – Италии, Испании, Португалии, Греции заметно хуже. Однако риск перехода Франции во «вторую лигу», утраты ею престижного ранга одной из немногих держав с глобальными интересами и ответственностью глубоко травмировал французское общество. Реакцией народных «низов» и значительной части среднего класса стала постепенная утрата интереса к политике – абсентеизм на выборах или голосование «белым бюллетенем» (против всех).

В конце 2018 г. в ходе опроса общественного мнения об отношении французов к политике позитивные чувства испытывали только 17% респондентов, тогда как негативные – 81%. При этом 37% отвечали, что они испытывают к ней недоверие, 32% – отвращение, 8% – скуку и только 9% проявляли к ней интерес, а 5% – надежду²¹. Если доверие к мэру своей коммуны оказывают более половины (58%) избирателей, а к депутату парламента от своего округа – 38%, то к премьер-министру лишь – 25%, а к президенту республики всего 23%²².

Прямым отражением кризиса доверия граждан к существующим государственным институтам служит тенденция к поляризации сил – голосованию за популистские партии на крайних флангах политического поля. На выборах разных уровней – президентских, европейских, местных ультраправое «Национальное объединение» (бывший «Национальный фронт») М. Ле Пен получает до 27,5% голосов, левацкая «Непокорённая Франция» Ж.-Л. Меланшона – 11-12%. Несмотря на то, что при мажоритарной системе их представительство в парламенте и местных ор-

²⁰ L'Economie française 2018. La Découverte, Paris, 2017. P. 31-77.

²¹ Центр CEVIPOF, BFM-TV 14 décembre 2018.

²² CEVIPOF, BFM-TV 14 décembre 2018.

ганах самоуправления весьма ограничено, конкуренция экстремистов дестабилизировала системные партии правого и левого центра, периодически сменявшиеся у власти и в оппозиции на протяжении последних десятилетий – республиканцев и социалистов.

Их программы, а главное, практическая деятельность отличались по существу лишь поисками разных способов половинчатого, частичного реформирования прежней социально-экономической модели с учётом интересов электората каждой (промышленники, торговцы, крестьяне, ремесленники – с одной стороны, лица наёмного труда, особенно в сфере услуг – с другой). Поскольку жёсткие условия глобализации и европейской интеграции сводили свободу манёвра этих правительств к минимуму, итоги их деятельности приносили всё большее разочарование.

Это стало особенно очевидно для двух предыдущих президентов – республиканца Н. Саркози (2007–2012 гг.) и социалиста Ф. Олланда (2012–2017 гг.), мандаты которых совпали с «Великой рецессией» и её последствиями. Неспособность обоих обеспечить успешный выход из кризиса дискредитировала систему в целом: по мере роста протестного голосования за популистов на обоих флангах социалисты и республиканцы в борьбе за большинство зависели отныне не от колеблющихся избирателей мелких центристских группировок, а от электората экстремистов слева или справа. Соответственно, центробежные тенденции переносились внутрь каждой из системных партий, раскалывая их на соперничающие фракции во главе с амбициозными лидерами. Неудивительно, что в таких условиях Н. Саркози потерпел на первичных, отборочных выборах неудачу в попытке переизбраться на второй срок, а Ф. Олланд был вынужден заранее отказаться от такой попытки с учётом катастрофически низкого уровня своих рейтингов.

Кризис партийно-политической системы Пятой республики, являвшийся следствием неспособности её элит своевременно обеспечить постепенную смену исчерпавший себя социально-экономической модели, predetermined результаты президентских и парламентских выборов 2017 г., где обе системообразу-

ющие партии потерпели сокрушительный разгром, поставив под вопрос их дальнейшее существование.

Наиболее характерной чертой этих выборов стала поголовная смена кадрового состава верхнего эшелона политических элит – с авансены были сметены три поколения бывших президентов, премьер-министров, депутатов, партийных функционеров. В новом составе нижней палаты – Национального собрания возрастной, гендерный профессиональный состав которого радикально обновился, 75% депутатов никогда прежде не избирались, а зачастую являются не профессиональными политиками, а технократами – выходцами из чиновничества, деловых кругов, структур гражданского общества.

Олицетворением этой смены поколений стал новый, восьмой по счёту президент Пятой республики Э. Макрон – в прошлом инспектор финансов, успешный инвест-банкир, министр экономики и цифровых технологий в правительстве президента Ф. Олланда. Самый молодой за последние полтора столетия во Франции 39-летний глава государства претендовал на преодоление традиционного раскола политического поля на два лагеря, объявляя себя «прогрессистом» – «и левым и правым», полным решимости модернизировать страну.

Многие положения его автобиографической и программной книги, опубликованной в ходе предвыборной кампании под амбициозным заголовком «Революция», были действительно проведены в жизнь²³. За полтора года пребывания в Елисейском дворце президент и назначенное им правительство Э. Филиппа провели через парламент 77 крупных законопроектов, вносящих существенные перемены во все стороны жизни французского общества. Радикально пересмотрены Трудовой кодекс, налоговая система, управление инфраструктурными госмонополиями, особенно железнодорожным транспортом, где усилилась роль частного капитала, реорганизованы народное образование, прежде всего высшее, приняты меры по борьбе с коррупцией, терроризмом, правила предоставления убежища иммигрантам. На очереди стоят масштабные реформы системы пенсионного обеспечения, страхования от безработицы, госслужбы, наконец, ча-

²³ Emmanuel Macron. Révolution. OX-éditions, Paris, 2016.

стичная ревизия действующей Конституции 1958 г. – сокращение на треть числа парламентариев, объёма их законотворческой деятельности и т.д.

Все эти преобразования стали возможны благодаря двум факторам – дальнейшему укреплению властной вертикали Пятой республики, вершиной которой является президент, объявивший себя «Юпитером» – повелителем богов на древнегреческом Олимпе, и ликвидации прежней биполярной партийно-политической системы. Её сменила безраздельная монополия президентской центристской партии «Вперёд, Республика!», получившей абсолютное большинство в Национальном собрании – 313 из 577 мест, а с примкнувшей к ней центристской «Современной демократией», перебежчиками от социалистов и республиканцев – 350-370. Депутаты большинства, целиком обязанные своим избранием президенту, как правило, послушно голосуют за все меры, предложенные правительством.

Однако события показали, что те особенности Э. Макрона, которые помогли ему прийти к власти, стали причинами прогрессирующего сужения социальной базы президента, роста оппозиционных настроений, проявлением которых и стал кризис «жёлтых жилетов»²⁴.

Наибольшие выгоды от пересмотра фискальной политики (отмена налога на крупные состояния – ISF, плоская шкала налога на прибыль, ревизия Трудового кодекса, урезавшая права профсоюзов и т.д.) получили предприниматели, менеджеры высшего и среднего звена, лица свободных профессий крупных мегаполисов, которые успешно вписались в процессы глобализации и европейской интеграции. Именно среди этих привилегированных категорий элиты и верхнего слоя среднего класса находится наибольшее понимание либерал-глобалистский дискурс главы государства.

Однако они составляют не более четверти всего избирательного корпуса, т.е. результата Э. Макрона в ходе первого тура президентских выборов 2017 г. Между тем неизбежную цену за

²⁴ См. Юрий Рубинский. Франция: итоги и перспективы. РСМД, Глобальный прогноз 2019–2024 гг., Западная Европа. URL: <https://russiancouncil.ru/2019-westeuropa>.

последствия разрыва с прежней экономической моделью приходится нести социально уязвимым «народным» слоям и основной массе среднего класса. Это, прежде всего, пенсионеры, молодёжь, рабочие и служащие, проживающие в небольших населённых пунктах и сельской местности, особенно в депрессивных регионах Северо- и Юго-Востока страны, Центрального массива, которые переживают глубокую структурную ломку уходящих в прошлое традиционных отраслей промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг.

Конфликт интересов этих «двух Франций» – завтрашней и вчерашней, верхов и низов, города и деревни имеет под собой объективную почву. Его смягчение, амортизация служит важнейшим критерием политической адекватности государственного руководства при любом режиме, а особенно во Франции с учётом её истории и культуры. Бесспорным симптомом кризиса доверия между обществом и только недавно обновлённой, казалось бы, властью оказалась тенденция к неуклонному снижению, хотя и с определёнными колебаниями, рейтинга доверия президенту, динамика симпатий и антипатий к нему. Эта кривая берёт начало от 67% активной поддержки после победы на выборах в июле 2017 г., затем проходит через средние показатели порядка 35-45 и круто падает в декабре 2018 г. до минимума – 23%²⁵.

К марту 2019 г., когда подходили к концу «большие дебаты», рейтинг повысился до 31%, но он остаётся ниже, чем у предшественников Э. Макрона в Елисейском дворце в соответствующий период их первого мандата.

Этот негативный тренд не случаен. Он отражает не только разочарование итогами практической деятельности президента за первые полтора года из его 5-летнего мандата, но и противоречивую оценку стиля правления и личных качеств Э. Макрона. Большинство респондентов вне зависимости от политических взглядов признают за ним высокий интеллект, солидное образование – не только экономическое, но и философское, эрудицию и культуру, редкую работоспособность, твёрдую реши-

²⁵ Le Figaro. 10 décembre 2018.

мость в борьбе за достижение поставленных целей²⁶. В то же время эти плюсы с лихвой компенсируются в глазах критически настроенных граждан серьёзными минусами. Среди них чаще всего называют излишнюю самоуверенность и высокомерие, склонность навязывать свои решения без должного учёта позиций оппонентов, порой даже собственных сторонников, а главное – неспособность понять и разделить проблемы и заботы простых людей.

Авторы многочисленных биографий президента отмечают, что он воспитан в духе «меритократии», где каждый человек обязан успеху в жизни только себе, причём его собственный пример должен служить образцом для всех («первый в цепочке альпинистов»). Излишне резкими фразами Э. Макрон не раз больно задевал самолюбие рядовых граждан, с которыми общался в ходе поездок по странам, о чём сам выразил сожаление в речи 10 декабря 2018 г. в разгар движения «жёлтых жилетов». Именно этим, в сочетании с общей тенденцией экономических реформ правительства, порученных выходцам из праволиберальных партий во главе с премьер-министром, он и снискал нелестную этикетку «президента богатых». В данной связи известный аналитик А. Дюамель заметил, что у Э. Макрона недостатки оказываются продолжением его же достоинств, поскольку качества государственного деятеля противоречат требованиям к политике²⁷.

Неоднозначное восприятие большинством граждан личных качеств главы государства усугубляется особенностями стиля его правления. Э. Макрон и его ближайшее окружение – аппарат Елисейского дворца, правительство Э. Филиппа, депутаты правящей партии «Вперёд, Республика!» обязаны победой на выборах 2017 г. прежде всего эффекту «дегажизма» – отторже-

²⁶ Brice Couturier. *Macron, un président philosophe*. L'Observatoire, Paris, 2017; Laurent Bigorgne, Alice Banndry, Olivier Duhamel. *Macron, et en même temps...* Plon, Paris, 2017; Riccardo Bruzzi et Marc Lazar. *La Rrance l'Emmanuel Macron*. PUR. Paris, 2017.

²⁷ Тем самым утрачивается кредитоспособность главного лозунга тактики Э. Макрона в ходе кампании перед президентскими выборами 2017 г. – преодоления традиционной границы между левыми и правыми партиями во имя модернизации страны, необходимой всем её гражданам.

ния прежних политических элит. Между тем состав высшего эшелона новой власти вовсе не является инопланетянами, пришедшими в политику из иного измерения. Они остаются типичными представителям сугубо элитных социальных категорий – кадрового чиновничества, а отчасти и деловых кругов, которые фактически управляли страной при всех режимах. Причём в полупрезидентской Пятой республике вес выходцев из бюрократии и технократии в процессе принятия решений заметно повысился по сравнению со временами парламентских – Третьей и Четвёртой.

Будучи по происхождению, как правило, выходцами из верхнего слоя среднего класса, они формировались в одних и тех же элитных высших учебных заведениях – Политехнической, Центральной, Горной школах, парижском Институте политических наук, а затем Национальной школе администрации (ЭНА) – главной «кузнице кадров» для высшего чиновничества. Набираясь по их окончании опыта в ключевых звеньях госаппарата – Государственном совете, Счётной палате, Генеральной инспекции финансов, корпусе префектов, дипслужбе, многие из «энсархов» нередко уходят в качестве советников и консультантов либо в политику через кабинеты (секретариаты) министров, либо в частный сектор, где зарплаты и прочие доходы несравненно выше. Причём они продолжают числиться в резерве своей соответствующей госслужбы, получая порой даже повышение в классе (ранге) по выслуге лет и льготные пенсии. Именно таков жизненный путь большинства членов нынешнего правительства, премьер-министра и самого президента.

Естественно, что характерное для Франции органическое сращивание элит администрации, политики и бизнеса способствует формированию у них кастового духа, вертикально-иерархическую культуру господства и подчинения. Она резко контрастирует с горизонтальной культурой постоянных компромиссов, свойственной горизонтальной культуре традиционной политической элиты парламентских режимов, которая формировалась менее привилегированной частью среднего класса, как правило, из людей свободных профессий – адвокатов, профессуры, учителей, чьи карьеры проходили обычно через последователь-

ные ступени выборов в местные органы самоуправления – муниципальные, департаментские, региональные советы вплоть до парламента и правительства. Причём они обычно сохраняют свои местные мандаты десятилетиями как гарантию переизбрания и канал связи с местной элитой – «нотаблями».

Радикальная смена в ходе выборов 2017 г. поколений и кадрового состава прежних политических элит новыми отнюдь не застраховала их преемников-технократов от морального износа, падения популярности в глазах граждан, которые дали себя знать гораздо скорее, чем можно было ожидать. К началу 2019 г. положительное мнение о деятельности ключевых министров – образования (М. Бланкер), экономики и финансов (Б. Ле Мэр), здравоохранения (А. Бюзен) колебалось в пределах всего 21-26%, а внутренних дел (К. Кастанера), труда (М. Пенико), бюджета (Ж. Дарманена), экологии (Ф. де Рюжи) лишь 13-25%. Немногим более высоким остаётся рейтинг премьера Э. Филиппа (32%)²⁸.

Кризис доверия был связан не только с разочарованием итогами их конкретной деятельности в соответствующих областях, а власти в целом и её вершины – президента: на фоне дальнейшего усиления при Э. Макроне властной вертикали вся полнота ответственности за издержки реформаторского курса сосредоточивалась на «Юпитере» – фигуре главы государства. Ни премьер, ни отдельные министры не могли разделить её, выступая в роли громоотвода, «щита» Э. Макрона перед лицом недовольства тех или иных категорий населения, чьи интересы ущемлялись переменами, как это бывало при прежних президентах.

Ситуацию усугубляло демонстративное игнорирование Э. Макроном после его прихода в Елисейский дворец промежуточных эшелонов, связующих звеньев между властью и гражданами – выборных органов местного самоуправления и организаций гражданского общества. Мэры 35357 коммун Франции, более половины из которых (18717) – мелкие, с населением менее 500 жителей, представляют собой немалую силу – доверие им выражают в ходе опросов более половины респондентов, тогда как президенту менее четверти²⁹. Проведённые налоговые реформы, осо-

²⁸ Le Figaro. 4 janvier 2019.

²⁹ BFM TV. 15 janvier 2019.

бенно отмена жилищного сбора, финансирующего местные бюджеты, больно ущемила интересы коммун. Неудивительно, что большинство мэров и их ассоциация поддерживают оппозиционные партии, особенно правоцентристских республиканцев, контролирующих верхнюю палату парламента – Сенат.

Не более уважительно нынешний глава государства относится и к сотням тысяч организаций гражданского общества – социальным, правозащитным, культурным, религиозным и пр. При принятии конфликтных законопроектов соответствующие министры (труда, образования, здравоохранения, экологического транзита и т.д.) проводят предварительные консультации между социальными партнёрами, прежде всего предпринимателями и профсоюзами, хотя последнее слово остаётся за правительством и послушным ему большинством президентской партии в Национальном собрании.

Персонализация власти, её сосредоточение в руках президента придаёт непропорционально большой общественной резонанс любым мелким конфликтам, в том числе личным, в непосредственном окружении главы государства – аппарате Елисейского дворца. Именно так произошло после того, как телохранитель Э. Макрона – А. Беналла по собственному почину принял участие 1 мая 2018 г. в силовом разгоне студенческой демонстрации в Латинском квартале, где были пострадавшие. Видеозапись этого эпизода, попавшая в СМИ и социальные сети, вызвала громкий скандал. Поскольку санкции в отношении виновника оказались поначалу сугубо символическими (он даже сохранил диппаспорт, которым пользовался в поездках по коммерческим делам частной охранной фирмы), дело приобрело политическое измерение: министру внутренних дел Ж. Колону, префекту полиции, генсеку Елисейского дворца пришлось давать объяснения перед парламентскими комиссиями по расследованию, в том числе в Сенате, где президентская партия остаётся в меньшинстве.

В ответ Ж. Колон демонстративно подал в отставку, вернувшись на свой прежний пост мэра Лиона, причём даже предварительно не согласовал её ни с премьером, ни с самим президентом. Между тем Ж. Колон был в своё время первым из лидеров

правящей тогда соцпартии, который поддержал кандидатуру Э. Макрона на пост президента и активно содействовал его победе. Такой же жест повторил за ним популярный министр по делам экологического транзита И. Юло в знак протеста против уступок влиятельному лобби охотников.

Комиссия Сената по расследованию «дела Беналла» предала прокурору свои заключения, обвинив в даче ложных показаний не только бывшего охранника президента и его сообщника, но и ключевых сотрудников Елисейского дворца – генсека, шефа кабинета и генерала-начальника службы безопасности президента.

В ответ премьер-министр Э. Филипп демонстративно отказался отвечать на вопросы сенаторов, а председатель нижней палаты парламента – Национального собрания Р. Ферран, близкий к президенту Э. Макрону, бойкотировал обычную встречу со своим коллегой в верхней палате, что было расценено как объявление «политической войны» на вершине власти.

Прерогативы Сената в действующей Конституции 1958 г. ограничены, хотя Сенат сохраняет законодательную инициативу и способен затруднить намеченную Э. Макроном частичную ревизию основного закона без референдума, для которой требуется $\frac{3}{5}$ голосов всех парламентариев.

В результате Э. Макрон был вынужден публично взять вину за действия своего бывшего охранника на себя и провести частичную реорганизацию правительства, где усилились министерства по связи с «территориальными коллективами», т.е. органами местного самоуправления. Мэрам обещан большой учёт интересов коммун в налоговой политике, а структурам гражданского общества – усиление роли Экономического, социального и экологического совета (ЭСЭС), где они представлены на сугубо консультативных правах³⁰.

Более того, президент приступил к перетряске кадрового состава команды Елисейского дворца с тем, чтобы заменить прежних соратников по предвыборной кампании 2017 г. – моло-

³⁰ Le Figaro. 4 janvier 2019. Аналогичную форму общения главы государства с общественностью уже практиковали ранее Ф. Миттеран и Н. Саркози перед очередными выборами – в первом случае с успехом, во втором неудачно.

дых технократов, показавших себя компетентными экспертами в своей специальности, но явными дилетантами в политике.

Однако все эти меры, обнаружившие серьёзные трещины в структуре властной вертикали, оказались явно недостаточными, что убедительно показало движение «жёлтых жилетов». Отсюда, президент решил идти дальше – он пытается сочетать жёсткие меры по наведению порядка с поисками новых форм диалога с обществом как необходимого условия успешного завершения остающихся трёх лет первого мандата и подготовки к его возобновлению на второй срок в 2022 г.

V. Есть ли выход из тупика?

Главным козырем президента в поисках выхода из социального кризиса является слабость и разобщённость оппозиции, явно неспособной пока противопоставить ему достаточно кредитоспособную альтернативную программу и единого общепризнанного лидера.

Самой сильной фигурой на крайне правом фланге остаётся М. Ле Пен, заметно улучшившая свой имидж после поражения на выборах 2017 г. Список кандидатов её партии «Национальное объединение» на выборах в Европарламент в мае 2019 г. имеет шансы получить равное количество голосов с президентской партией «Вперёд, Республика!» или опередить её, заняв первое место (как уже было на предыдущих евровыборах 2014 г.). Тем не менее, тактический блок М. Ле Пен с лидером ультралевой «Непокорённой Франции» Ж.-Л. Меланшоном (по образу соседней Италии) по существу исключён из-за непримиримых идеологических и личных разногласий – она может привлечь на свою сторону лишь часть левацкого протестного электората аналогичного социального профиля.

Ещё более глубокий разброд перед выборами в Европарламент царит среди бывших системных партий – социалисты по существу распались на несколько соперничающих фракций, а лидер республиканцев Л. Вокье сталкивается с влиятельными конкурентами внутри собственной партии. Неудивительно, что рейтинги доверия к ним не превышают 5-6% для первых и 12-

14% для вторых³¹.

Несмотря на значительный размах движения «жёлтых жилетов» и сочувствие ему большинства общественного мнения страны, оно оказалось неспособным стать самостоятельной политической силой и создать условия для «макси-кризиса», следствием которого были бы смена государственного строя, Конституции, правил игры и состава всего политического класса. Итоги предыдущего кризиса такого масштаба, произошедшего в 1958 г. с военным путчем в Алжире, приходом к власти генерала де Голля и созданием режима Пятой республики, отнюдь не перечёркнуты. Это убедительно показали ещё полвека назад бурные события мая-июня 1968 г., которые изменили лишь нравы общества, но отнюдь не голлистский режим. Таким образом, ныне дело ограничится, скорее всего, лишь частичной ревизией действующего Основного закона, которая лишь подтвердит его изначальные принципы.

Напротив, процесс смены поколений, персонального, социального, профессионального обновления правящей элиты, а вместе с ней и партийной системы, начатый президентскими и парламентскими выборами 2017 г., далеко не закончен. С учётом успехов и неудач нынешнего президента он будет продолжаться как минимум до окончания его текущего 5-летнего мандата в 2020 г., если не дольше. Тем не менее, вопреки эрозии популярности и авторитета Э. Макрона у него нет каких-либо юридических или политических оснований для досрочного ухода из Елисейского дворца.

Предстоящие 2-3 года будут, скорее всего, посвящены проведению в жизнь оставшихся пунктов программы модернизации прежней социально-экономической, а отчасти и партийно-политической модели, с которой он пришёл к власти (перестройка системы пенсионного обеспечения, страхования от безработицы, госслужбы, частичная ревизия Конституции). Тем не менее, свобода действий президента ограничена уроками социального кризиса и сокращением в его итоге материальных возможностей).

В данной связи президент будет, видимо, пытаться миними-

³¹ Le Figaro. 31 février 2019.

зировать на выборах в Европарламент (26 мая 2019 г.) и в муниципальные советы (март 2020 г.) издержки своей партии «Вперёд, Республика!». Для этого упор будет сделан на диалоге с органами местного самоуправления, прежде всего мэрами, социальными партнёрами из гражданского общества – патронатом, профсоюзами и их представителями в Сенате или Социальном, экономическом и экологическом совете (СЭЭС).

В поисках наиболее подходящей формы завершения «больших дебатов», которые подвели бы черту под движением «жёлтых жилетов», президент не исключает проведение референдума, на который были бы выдвинуты несколько вопросов, причём их отбор и формулировка остаются за ним самим. На первый план среди них выдвигается уже запланированная частичная ревизия действующей Конституции, уже давно запланированная и отложенная только из-за нынешнего кризиса.

После евровыборов не исключена смена не только ближайшего окружения президента в Елисейском дворце, но и очередное реформирование правительства, в том числе уход премьер-министра Э. Филиппа. До сих пор взаимодействие между двумя вершинами исполнительной власти было достаточно эффективным, однако высокие профессиональные качества премьера-технократа могут оказаться недостаточными для решения главной политической задачи – подготовки к президентским выборам 2020 г., где Э. Макрон будет добиваться второго мандата.

Многие представители оппозиции не без основания обвиняют его в том, что президент по существу использует «большие дебаты» как фактически предвыборную кампанию с целью повторить удачный для него сценарий 2017 г., причём без каких-либо юридических и финансовых ограничений, предусмотренных для этого законом.

Речь идёт об очередном поединке во втором туре с лидером ультраправого «Национального объединения» М. Ле Пен, где ему была бы обеспечена поддержка избирателей не только умеренных правых партий и центристов, но и всего расколотого, ослабленного левого фланга.

Экономические последствия социального кризиса 2018–2019 гг. для Франции выглядят сравнительно ограниченными, но тем-

пы роста ВВП имеют мало шансов достигнуть намеченного ранее правительством на 2019 г. уровня 1,7% и останутся в лучшем случае на рубеже 2018 г. (1,5%), если не ниже (порядка 1%). Этому способствует и общая понижительная тенденция на мировых рынках на фоне торговой войны между США и КНР.

Льготы, обещанные президентом 10 декабря 2018 г., обойдутся бюджету в 10-11 млрд евро, принеся $\frac{3}{4}$ французских семей дополнительный доход от снижения налогов и обязательных отчислений порядка 450 евро в год. Примерно столько же принесли большинству рабочих и служащих добровольные новогодние премии, которые выплатили персоналу по предложению президента 75% работодателей. Однако это не сулит весомого увеличения покупательной способности, потребительского спроса и инвестиций предприятий, поскольку их ожидания направлены скорее на экономию расходов на случай ухудшения конъюнктуры. Уровень безработицы за период правления Э. Макрона несколько снизился, составив в феврале 2019 г. 8,8% самодельного населения, хотя он ещё далёк от обещанного президентом к концу его мандата цели в 7%.

В то же время вполне вероятен рост бюджетного дефицита, способного вновь пробить установленный Пактом стабильности и роста ЕС потолок 3% ВВП, а также дефицита торгового баланса, во многом зависящего от колебаний цен на импортную нефть в связи с кризисом в Венесуэле, конфронтацией США с Ираном и их торговой войной с КНР.

Социальный кризис 2018–2019 гг. способен нанести заметный ущерб внешнеполитической деятельности Э. Макрона. Его убедительная победа на президентских и парламентских выборах 2017 г. восприняли на Западе как чуть ли не поворотный пункт в борьбе европейцев против волны национал-популизма, евроскептицизма и антиглобализма, которая захлестнула многие страны Центральной и Восточной Европы, Австрию, Италию, а в известной мере даже США и Великобританию.

Сам Э. Макрон активно способствовал этим надеждам своими широкомасштабными планами модернизации не только Франции, но и всего Евросоюза – решения его долговых и миграционных проблем, выравнивания бюджетных, налоговых, со-

циальных параметров еврозоны, укрепления европейской оборонной идентичности. Притязания нового президента Франции на лидерство в этом процессе подкреплялись внутривнутриполитическими трудностями главного партнёра – канцлера ФРГ А. Меркель на фоне трудного процесса выхода Великобритании из ЕС (брекзита).

Очевидно, что в свете событий, связанных с «жёлтыми жилетами» эти притязания во многом девальвируются. Подписание 22 января 2019 г. в Ахене нового франко-германского договора о сотрудничестве отнюдь не компенсирует ущерб, нанесённый авторитету Э. Макрона социальным кризисом, наглядно показавшим пределы его возможностей не только в собственной стране, но и в Европе.

Президент подчёркивает свою решимость сохранить военный бюджет Франции на запланированном уровне, но дополнительные расходы ставят под вопрос планы создания «европейской армии» и затрудняют действия его собственных вооружённых сил в приоритетных для Парижа регионах – на Ближнем и Среднем Востоке (Сирия, Ирак, Афганистан), в Африке (Ливия, Мали, ЦАР). В таких условиях в диалоге Э. Макрона с Д. Трампом, где французский президент пытался выступать в роли представителя всего Евросоюза, его позиции выглядят ещё более уязвимыми.

Влияние всех этих факторов на российско-французские отношения может быть разноплановым. В ближайшей перспективе проверкой на прочность может стать кампания перед выборами в Европарламент (май 2019 г.), в ходе которой Париж без особых доказательств обвиняет Москву в поддержке национал-популистских евроскептиков из Вишеградской группы (В. Орбан), Италии (М. Сальвини) и в самой Франции (от М. Ле Пен до «жёлтых жилетов»).

Нельзя исключить и некоторые издержки в связи с настроенной реакцией Парижа на развитие событий в Сирии с учётом решения Д. Трампа вывести американский контингент. Оно поставило под вопрос судьбу курдского меньшинства и остатков французского экспедиционного корпуса в составе антитеррористической коалиции, а также на активизацию политики

России в ряде стран Африки (Ливия, Судан, ЦАР) или острого кризиса в Венесуэле.

Шансы для позитивных перемен в подходах Парижа к украинской проблематике и санкционной политике ЕС нивелируются лидерством Германии в «нормандском формате», особенно с учётом внутривнутриполитических проблем А. Меркель и перспектив её ухода с политической авансцены. Это убедительно показали противоречивые манёвры французской дипломатии в ЕС по вопросу о строительстве газопровода «Северный поток – 2», которые подтвердили ограниченную эффективность франко-германского тандема на основе нового Ахенского договора от 22 января 2019 г.

Тем не менее, все эти негативные факторы отнюдь не понижают шансы на оживление российско-французского диалога. Социальный кризис не поколебал твёрдой решимости Э. Макрона обеспечить своей стране и себе лично видную роль в формировании нового многополярного миропорядка, который приходит на смену прежнему «либеральному» с центром в США. Независимо от дальнейшей политической судьбы нынешнего президента он останется для нас важным партнёром и собеседником по проблемам европейской безопасности, ситуации на Ближнем Востоке, в Африке как минимум до 2022 г.

*Е.А. Нарочницкая**

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ФРАНЦИИ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ 2017 г.

Избирательный цикл 2017 г. очевидным образом привёл не только к масштабному обновлению политической элиты Франции, но и к слому партийно-политической системы, просуществовавшей с некоторыми вариациями более полувека. По крайней мере была полностью разрушена несущая бипартийная конструкция этой системы. Обе главные силы, попеременно правив-

* Нарочницкая Екатерина Алексеевна, к.и.н., в.н.с. ИЕ РАН, директор Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, главный редактор журнала «Перспективы. Электронный журнал».

шие страной с 1970-х гг., – правоцентристское объединение «Республиканцы» и левоцентристская Социалистическая партия (СП), – лишились ключевого положения, как во власти, так и в оппозиции. Впервые в истории Пятой республики ни один из кандидатов крупных системных партий не прошёл во второй тур президентских выборов. Главой государства был избран представитель нового поколения, 39-летний Э. Макрон, опиравшийся на собственное движение, позиционируемое как альтернатива традиционному политическому классу. Именно это движение, преобразованное в партию «Вперёд, Республика!» (ВР), завоевало абсолютное большинство мест в Национальном собрании и стало ядром президентского большинства.

Новая партийно-политическая конфигурация, возникшая к середине лета 2017 г., определялась следующими главными элементами:

- прочная монополия макроновского большинства в исполнительной власти и в нижней палате парламента;
- глубокий кризис идентичности и дезинтеграционные процессы, охватившие как СП, так и «Республиканцев»;
- деморализация и трения в лагере Национального фронта (НФ);
- подъём в левой части спектра нового оппозиционного полюса в лице «Непокорённой Франции» Ж.-Л. Меланшона;
- динамика изменений, поставившая на повестку дня разных политических сил задачи перегруппировки, пересмотра идеологии, ребрендинга, поиска новой тактики и новых лиц, создания новых альянсов и т.п.

В каких же направлениях и насколько существенно изменился этот поствыборный ландшафт за первые полтора года «эры Макрона»? И можно ли говорить о кристаллизации во Франции некой новой, относительно стабильной партийно-политической «матрицы», сменившей прежнюю?

Принципиальное значение в этой связи имеет, в первую очередь, динамика внутривнутриполитических позиций самого Э. Макрона, чья фигура – ядро поствыборной конфигурации. На волне электоральных побед 2017 г. популярность молодого хозяина Елисейского дворца взлетела настолько, что заговорили о «мак-

рономании». В течение почти года французского президента считали европейским (и западным) лидером, имеющим «самые сильные позиции внутри страны»³². Однако с лета 2018 г. его рейтинг устремился вниз, а политическая ситуация во Франции начала накаляться и выходить из-под контроля власти. Помимо недовольства реформами, этому способствовали скандальное «дело Беналлы» и коммуникативные ошибки Э. Макрона. К ноябрю 2018 г. популярность главы государства упала до уровня 21-26%, что было даже ниже, чем у его предшественника Ф. Олланда спустя такой же срок после избрания³³. Фактически электоральная база Э. Макрона сузилась до тех скромных масштабов, которыми она ограничивалась в первом туре президентских выборов.

Но особенно обращает на себя внимание нарастание ярко выраженных антимакроновских настроений. Согласно опросу от 21-22 ноября 2018 г., из 73% французов, придерживающихся «плохого мнения» о президенте стране, 44% имеют о нём «очень плохое мнение»³⁴. Даже те, кто симпатизирует Э. Макрону, вынуждены признать, что первоначальная «иррациональная эйфория» перешла в свою противоположность, в столь же «иррациональную критику»³⁵.

Одним из следствий радикализации протестных настроений стало спонтанно вспыхнувшее движение «жёлтых жилетов», которое, несмотря на связанные с ним беспорядки, в целом пользуется поддержкой большинства французов. Акции «жёлтых жилетов» отличаются от обычных социальных протестов выдвижением политических лозунгов определенного рода, в том числе требования отставки Э. Макрона. Последнее особенно знаменательно, так как в Пятой республике статус главы государства до сих пор был почти «сакрален», и тема ухода всенаро-

³² Мировой порядок Жака Аттали. URL: <http://expert.ru/expert/2018/23/mirovoj-poryadok-zhaka-attali/> (15.01.2018).

³³ См. напр.: Emmanuel Macron encore moins populaire que François Hollande, selon notre sondage. URL: <https://www.rtl.fr/actu/politique/emmanuel-macron-en-core-moins-populaire-que-francois-hollande-selon-notre-sondage-7795678625> (15.01.2018).

³⁴ Ibid.

³⁵ «Emmanuel Macron est très courageux», estime Frédéric Mitterrand sur RTL. URL: <https://www.rtl.fr/actu/politique/frederic-mitterrand-emmanuel-macron-est-tres-courageux-7795672031> (15.01.2018).

дно избранного президента, в тех редких случаях, когда её поднимали, прежде никогда даже не обсуждалась³⁶. Теперь это табу, похоже, разрушено: идея «отставки Макрона», хотя и не стоит в политической повестке дня, становится тривиальным элементом общественного и экспертного дискурса.

Второй важнейший вопрос партийно-политической действительности сегодняшней Франции заключается в том, насколько успешной и прочной является конструкция правящей партии «Вперёд, Республика!» – однозначный ответ не просматривается.

К факторам силы ВР относятся её доминирование в Национальном собрании, а также слабость либо маргинальность и раздробленность оппозиции. Крупный козырь ВР – поддержка генеральных установок макронизма влиятельными экономическими, административными и культурными элитами. Переход на сторону Э. Макрона многих социалистов, центристов и правых был не просто прагматическим бегством в стан победителя, а выражением мировоззренческой близости. Будучи ядром президентского большинства, «Вперёд, Республика!» может рассчитывать на поддержку союзников – имеющих солидные каналы влияния и прочно занимающих свою нишу «Демократического движения» Ф. Байру и других сил центра и правого центра. Кроме того, в активе макроновской партии неисчерпанная аура новизны; претензия на нечто большее, нежели обычный центризм; и владение «передовыми» политтехнологиями, сыгравшее не последнюю роль в успехе этого политического «стартапа» в 2017 г.

Однако у «маршистов», как иногда называют партию во Франции, есть и слабые стороны, главной среди которых является неукоренённость в территориальных сообществах и местных органах управления. По этой причине правящая партия крайне слабо представлена и в Сенате, где у неё всего 23 мандата из 348. Другим фактором, заставляющим сомневаться в её будущем, является разочарование среди участников этого партийного проекта. Гражданский молодёжный костяк макроновского

³⁶ Единственным президентом Пятой республики, ушедшим в отставку, был Ш. де Голль, сделавший это по собственной воле после провала на референдуме 1969 г. своего проекта территориальной реформы.

движения сколачивался под речи о подлинно демократическом объединении нового типа, свободного от пороков «старого мира». Реальность же оказалась скорее противоположной этому идеалу.

На фоне традиционных партий «Вперёд, Республика!», если и выделяется, то не меньшим, а бóльшим централизмом, жёсткой дисциплиной, минимумом дискуссий, нацеленностью на поддержку президента и правительства. В этом смысле ВР нередко уподобляют придворным кругам при абсолютистской монархии, компартиям образца 1950-х гг. или армейским структурам. Недовольство внутрипартийными порядками ощущается как в низовых организациях, так в депутатской фракции, откуда периодически прорываются жалобы на пренебрежение со стороны исполнительной власти, критика выстроенной Э. Макроном «вертикали» и правительственных решений, несогласие с кадровыми назначениями по принципу личной преданности и клановой принадлежности. Один из индикаторов неблагополучия на этой почве – претензии, высказанные в сентябре 2018 г. вице-председателем парламентской комиссии по делам культуры Ф. Дюма, которая, покидая в знак протеста фракцию «маршистов», даже сравнила её с «Титаником»³⁷. Так или иначе, полагать, что «Вперёд, Республика!» надолго стала заметной силой на французском политическом поле, было бы преждевременно.

В левой части партийного спектра ситуацию определяли три ключевых обстоятельства. Во-первых – закат европейской социал-демократии – некогда крупнейшего европейского политического течения, которое отстаивало одну из двух левых альтернатив капитализму, весьма способствовало его социализации, а к концу XX в. превратилось в один из столпов западной системы и её неolibерального глобалистского курса. Продолжился распад «миттерановской» Социалистической партии, чьи ряды покидали очередные депутаты и сенаторы, мэры и члены региональных советов, партийные функционеры. Одни переходили

³⁷ Raulin N. La députée Frédérique Dumas quitte LREM. «On a le sentiment d'être sur le «Titanic». URL: https://www.liberation.fr/france/2018/09/17/la-deputee-frederique-dumas-quitte-lrem-on-a-le-sentiment-d-etre-sur-le-titanic_1679251 (15.01.2018).

в том или ином статусе в макроновское большинство, как М. Вальс, а до него Ж. Коллон, К. Кастанер и десятки прочих. Другие искали своё место у экологов, в объединении Ж.-Л. Меланшона, в минипартиях левого толка. Третьи, как Б. Амон, запускали собственные партийные проекты, множа раздробленность левого лагеря. В разы сократилась численность членов партии, платящих взносы в её бюджет, как и объём государственного финансирования, соразмерный доле полученных голосов. Социалистам пришлось продать свою историческую резиденцию на ул. Сольферино в престижном округе Парижа, где с 1960-х гг. размещалась партийная штаб-квартира.

От полного ухода в политическое небытие партию спасли остатки унаследованного политического капитала: наличие фракций в парламенте (четвёртой по численности в НС и второй в Сенате), разветвлённый аппарат, сложившиеся каналы влияния, узнаваемые имена. 78-й съезд СП в марте 2018 г. поставил задачу «возрождения», однако предпосылки к её выполнению по большей части отсутствуют.

Кризис идентичности, деморализация и идейный разброд далеко не преодолены. На это указывают, среди прочего, пассивность социалистов в парламенте и их противоречивая позиция по отношению к правящему большинству. Почти год понадобился на то, чтобы избрать нового первого секретаря партии. Им стал глава её парламентской фракции О. Фор, представляющий среднюю линию между правым и левым крылом, но его избрание не остановило таяние партийных кадров. В идеологическом плане новое руководство признало как необходимость «пересмотреть основы доктрины», так и, фактически, неготовность обсуждать концептуальные вопросы. По словам О. Фора, социалистам предстоит сначала «без спешки выслушать французов и провести серьёзную работу»³⁸. Что касается электоральной базы СП, то она к началу 2019 г. так и не приобрела тенденции к восстановлению и в лучшем случае слегка превышает 5%-й порог³⁹.

³⁸ Socialistes, Le chemin de la renaissance avec Olivier Faure. URL: <https://www.ps91.fr/wp-content/uploads/2018/02/mot-congres-texte3.pdf> (15.01.2018).

³⁹ См. напр.: Européennes: le RN en tête des intentions de vote. URL: <https://>

Во-вторых, силой, доминирующей на левой стороне партийного поля, оставалась «Непокорённая Франция». Более того, в первые месяцы «эры Макрона» наблюдался дальнейший подъём этого объединения. Парламентская фракция меланшоновцев, хотя и оказалась одной из самых малочисленных (17 депутатов), отличалась активностью и громкими демаршами. Ж.-Л. Меланшон постоянно находился в фокусе медийного внимания, выступая в роли главного оппозиционного трибуна. Общественную известность приобрела и целая группа его более молодых соратников: Ф. Рюффен, А. Катеннан, Э. Кокрель, Р. Гарридо и др.

Однако шансы «непокорённых» стать ядром консолидации оппозиционного электората и политического противостояния Э. Макрону подрываются их радикальностью. Призывы к «уличной демократии» и особенно brutальные эскапады Ж.-Л. Меланшона, балансирующие на грани адекватности и законности, уже привели к ухудшению и его персонального имиджа и партийного рейтинга⁴⁰.

Кроме того, перспективы «Непокорённой Франции» осложняют выдвинутые против неё обвинения в финансовых злоупотреблениях и разгоревшиеся во второй половине 2018 г. внутренние конфликты, в том числе идейного характера. Как показал, в частности, выход из партии Д. Кузмановича и Ф. Кока, из неё вытесняют сторонников суверенизма, реалистического отношения к иммиграции, относительно классического понимания как левых идеалов, так и более общих ценностей. Между тем именно эти подходы, помимо инновационной формы, отличали до сих пор «Непокорённую Францию» от массы левых ор-

www.lexpress.fr/actualite/politique/europeennes-le-rn-en-tete-des-intentions-de-vote_2053184.html (15.01.2018).

⁴⁰ «Республика – это я!» – кричал, например, Ж.-Л. Меланшон, отталкивая следователей во время обыска в офисе партии в связи с обвинениями в финансовых нарушениях. «La République, c'est moi»: colère noire de Mélenchon pendant la perquisition au siège de LFI. URL: <https://www.bfmtv.com/politique/la-republique-c-est-moi-colere-noire-de-melenchon-pendant-la-perquisition-au-siege-de-lfi-1545785.html> (15.01.2018); Jean-Luc Mélenchon dégringole dans l'opinion et passe derrière Benoît Hamon et Marion Maréchal. URL: <https://www.ladepeche.fr/article/2018/11/01/2898799-melenchon-parmi-les-personnalites-politiques-les-plus-detestees.html> (15.01.2018).

ганизаций. Именно с ними связывали проявленную на выборах 2017 г. способность Ж.-Л. Меланшона найти отклик в широких общественных слоях, что и дало повод трактовать его движение как «левый популизм». Отказ от этой стратегии в сочетании с ростом влияния левацких экстремистов, вроде Д. Обоно, делает движение «непокорённых» заведомо маргинальным и неопасным (а в некотором смысле даже полезным) для Э. Макрона.

В-третьих, тенденция к дезинтеграции не ограничивалась Социалистической партией и движением Меланшона – она определяла состояние всего левого спектра. И без того длинный список мелких организаций левого толка дополнили новые мини-партии: «Поколение.s» Б. Амона, «Бретонские прогрессисты» Ж.-И. Ле Дриана, «Альтернатива для республиканской, экологической и социалистической программы» Э. Мореля и М.-Н. Линеман; «Общественное место» Р. Глюксмана; «Левые радикалы». Попытки же консолидации, прежде всего в преддверии европейских выборов 2019 г., пока почти не имели успеха.

В правом сегменте партийного спектра ключевое значение имело положение в стане «Республиканцев». Эта партия находится в лучшем состоянии, чем социалисты: у неё есть самая крупная фракция в Сенате и сильные позиции «на местах», особенно на уровне мэров коммун, а её электоральный потенциал оценивается в 13-14% (третье место после лепеновцев и «маршистов»). Однако и «Республиканцы» далеко не оправились после своего низвержения в 2017 г. Размежевание и перегруппировки, катализатором которых стали последние выборы, продолжались и здесь.

Часть поддержавших Э. Макрона депутатов, которая открыто примкнула к правящему большинству, была исключена из рядов «Республиканцев» и учредила собственную небольшую партию «Действовать» (Agir). Избрание новым председателем «Республиканцев» Л. Вокье придало основной правой партии более чёткий консервативный профиль с суверенистским уклоном, что вызвало новую серию уходов, в частности, большинства жюппеистов и самого А. Жюппе.

По многим проблемам, включая будущий формат Евросоюза и острейшую тему иммиграции, официальные позиции «Рес-

публиканцев» теперь существенно расходятся с платформой Э. Макрона и, более того, предполагают ту или иную ревизию генеральных ориентиров политики последних десятилетий. По этой причине, но также из-за своих личных качеств и политического стиля, Л. Вокье у многих вызывает неприятие и явно не пользуется благожелательностью ведущих СМИ. Идейные оппоненты либо адепты политкорректности ставят ему в вину «популистский и идентитарный» дискурс в духе М. Ле Пен⁴¹. Волну возмущённых комментариев спровоцировали, например, листовки «Республиканцев» с лозунгом «Чтобы Франция осталась Францией!», хотя 63% французов и 79% партийного электората не нашли в нём ничего шокирующего⁴². Ещё более широкий круг критиков, не исключая относительных единомышленников, упрекают главу «Республиканцев» в твердолобой риторике, увлечении тактикой, отсутствии «государственного мышления» и «неспособности объединять».

Несмотря на ослабление либерального крыла, в составе «Республиканцев» остаются влиятельные жюппеисты, которым во многом ближе философия макроновского большинства, нежели новая линия собственной партии. Неформальными лидерами внутрипартийной оппозиции Л. Вокье считаются В. Кальмель с её движением «Droite Lib'» и В. Пекресс, создавшая уже после выборов 2017 г. собственное движение «Свободные!». Таким образом, главное партийное объединение французских правых сохраняет свою исторически сложившуюся идеологическую неоднородность, что может быть источником как силы, так слабости в зависимости от политического контекста.

Партия антисистемной оппозиции – Национальный фронт М. Ле Пен – оказалась в начале президентства Э. Макрона в противоречивом положении. С одной стороны, избирательный цикл

⁴¹ См. напр.: Calmels enfonce le clou et reproche à Wauquiez d'être «populiste et identitaire». URL: <https://www.ouest-france.fr/politique/les-republicains/soulagee-virginie-calmels-reproche-laurent-wauquiez-d-etre-populiste-et-identitaire-5832475> (15.01.2018).

⁴² «Pour que la France reste la France»: les Français approuvent le diagnostic et l'objectif des Républicains. URL: https://www.republicains.fr/actualites_pour_que_la_france_reste_la_france_francais_approuvent_diagnostic_objectif_republicains_20180615 (15.01.2018).

2017 г. принес беспрецедентный уровень присутствия в политическом процессе. С другой – он подтвердил заведомую ограниченность его электорального роста: «стратегия дедемонизации» не достигла своей цели. Крах завышенных ожиданий, родившихся в ходе президентской кампании, вылился для «маринистов» в глубокое разочарование и болезненную работу над ошибками.

Последовали внутренние конфликты и споры о дальнейшей стратегии; попытки реванша со стороны «старой гвардии» НФ; уход Ф. Филиппо, игравшего в НФ одну из ключевых роль в предыдущие годы; снижение рейтинга партии; сокращение её численного состава; финансовые и юридические проблемы. Тем не менее «маринисты», судя по всему, в основном уже миновали этот кризисный этап.

Весной 2018 г. НФ произвёл ребрендинг, сменив историческое наименование на новое название «Национальное объединение» (НО). Ещё одной демаркационной чертой, призванной отделить партию от её крайне правых истоков, стало лишение Ж.-М. Ле Пена статуса почётного председателя. Из партийной программы был изъят пункт об отказе от евро, а тема выхода из Евросоюза полностью сменилась дискурсом о «новом европейском проекте» – построении «Европы национальных государств»⁴³. Всё это говорило о продолжении курса на демаргинализацию и частичное встраивание в систему.

Наращение политического кризиса в стране во второй половине 2018 г. оказалось благоприятным для партии М. Ле Пен, которая, в свою очередь, выступила с призывом к роспуску Национального собрания. На этом фоне НО – в отличие от леворадикалов Ж.-Л. Меланшона – практически полностью восстановило свой электоральный рейтинг. В декабре большинство опросов сулили Национальному объединению первое место (23-26%) на предстоящих выборах в Европарламент⁴⁴. Впрочем, начавшаяся институционализация «жёлтых жилетов» и их участие в выборах способны внести серьёзные изменения в распределение голосов.

⁴³ См.: Pour un nouveau projet européen: construire une union des nations européennes. URL: <https://rassemblementnational.fr/communiqués/pour-un-nouveau-projet-europeen-construire-une-union-des-nations-europeennes/> (15.01.2018).

⁴⁴ Européennes: le RN en tête des intentions de vote.

Как бы то ни было, партия М. Ле Пен, с её прочным ядерным электоратом, имеет все шансы сохранить то заметное, хотя и специфическое место в политической системе Франции, которого она добилась после 2012 г. Вместе с тем, несмотря на недавний переход к «маринистам» известных республиканцев Т. Марьяни и Ж.-П. Гаро, проклятие крайне правого прошлого продолжает довлеть над НО, обрекая его в ближайшей перспективе на относительную маргинальность.

Что касается других организаций, которые принято располагать между «Республиканцами» и крайне правым флангом, то стоит подчеркнуть, что часть их, прежде всего, сравнительно новые партии «Вставай, Франция!» Н. Дюпон-Эньяна и «Патриоты» Ф. Филиппо, отвергают идентификацию с правыми. Определяя себя как суверенистов и голлистов, они при этом претендуют на соединение правых и левых принципов. Последнее характерно также для Национального объединения и, в другом варианте, для Э. Макрона с его движением. Этот крайне важный феномен, имеющий аналогии в других странах Европы, показывает, что новой ведущей линией политического размежевания становятся иные противоречия, нежели привычная право-левая парадигма, основанная на социально-экономических антитезах⁴⁵.

Не останавливаясь на последнем аспекте, отметим, что все причисляемые к условно правому сегменту организации находятся в решительной оппозиции к макроновскому большинству, имеют множество точек соприкосновения, но остаются раздробленными. Появление ещё одной структуры – «Патриотов» Ф. Филиппо – лишь усилило мозаичность суверенистского лагеря. Некоторое укрепление партии Н. Дюпон-Эньяна и запуск им нового проекта «Влюблённые во Францию», с участием Христианско-демократической партии Ж.-Ф. Пуассона, мало что здесь меняет.

Подводя краткий итог, можно констатировать, что после потрясений 2017 г. в партийно-политическом ландшафте Франции

⁴⁵ См. Нарочницкая Е.А. «Суверенизм» против «глобализма»: выборы 2017 г. через призму идейно-ценностного конфликта. Франция при президенте Эммануэле Макроне: в начале пути. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 152-160.

дальнейшие серьёзные сдвиги не произошли. Продолжались процессы перегруппировки, ребрендинг, множились малые партии, но главные политические игроки и расклад сил между ними остались в целом теми же, что и полтора года назад. Вместе с тем сохранился и переходный, неустойчивый характер этой конфигурации, не позволяющий считать её утвердившейся политической матрицей. Связано это, прежде всего, с неопределённостью перспектив макроновского большинства, чьё политическое преобладание держится на расколе оппозиции, но может быть сметено или поколеблено разворачивающимся на волне гражданских протестов политическим кризисом.

*С.М. Фёдоров**

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЕКТ МАКРОНА И ВОПРОСЫ СУВЕРЕНИТЕТА

План по реформированию Евросоюза или «европейский проект» был важной составляющей предвыборной программы Э. Макрона. Действительно, по сравнению с другими кандидатами, даже с представителем «Республиканцев» Ф. Фийоном, предложения по «перезагрузке» ЕС лидера движения «На Марше», спешно преобразованного после победы на президентских выборах в партию «Вперёд, Республика!», выглядели, пожалуй, самыми полновесными и масштабными. Э. Макрон принадлежал к тем французским политикам, которые видели в евроинтеграции экзистенциальный выбор Франции, с которым она связывает своё будущее, и не представляли, что ему может быть альтернатива.

Отмеченные особенности объяснялись не только ярко выраженным еврооптимизмом Э. Макрона, его желанием вывести Европу из кризисного состояния, в котором она пребывает почти десятилетие, и вернуть Франции позиции политического лидера ЕС, но и неразрывной увязкой курса внутренних реформ с представленным европейским проектом. Так, понимая, что ре-

* Фёдоров Сергей Матвеевич, к.полит.н., в.н.с. Отдела социальных и политических исследований ИЕ РАН.

ализовать свой европейский проект Париж может только в тесной координации со своим главным партнёром по ЕС – Германией, будущий президент Франции писал в своей программной книге «Революция»: «Если мы хотим убедить наших немецких партнёров двигаться вперёд, то нам необходимо срочно самим реформироваться. Сегодня Германия пребывает в ожидании, блокируя значительное число европейских проектов из-за сомнения в нас (...) Не будем забывать, что в Европе есть место для французского лидерства, но для этого мы должны показывать пример»⁴⁶. Очевидно, что Э. Макрон под «примером» подразумевал способность Франции к реформам и модернизации.

Содержательная часть европейского проекта Макрона, впервые представленная в его предвыборной программе, была дополнена и детализирована в целом ряде «европейских речей» президента Макрона, начиная с выступления в Афинах 7 сентября 2017 г. и – особенно – в его программной речи в Сорбонне 26 сентября того же года. Французский лидер продолжал выдвигать новые европейские инициативы, стремясь перейти от слов к делу, на протяжении всего 2018 г. Пожалуй, главной стержневой темой, лежащей в основе его плана перестройки Европы и пронизывающей все выступления президента Макрона по европейской проблематике, стала идея «европейского суверенитета», или «европейской суверенности».

Полагая, что в настоящий период было бы «неправильным противопоставлять Европу и суверенитет», Э. Макрон убеждал соотечественников в том, что «Европа должна служить Франции дополнительной защитой». Вполне разумным выглядел аргумент французского лидера, сводящийся к тому, что современные мировые проблемы – экономические, торговые, военные, геополитические и пр. – европейские страны, даже самые сильные, не смогут решить в одиночку. Следовательно, необходимо усилить и углубить евроинтеграцию, дать новый импульс развитию «единой Европы».

План Макрона по реформированию ЕС предполагал усиление европейской суверенности по пяти направлениям:

⁴⁶ Macron Emmanuel. Révolution (Réconcilier la France). XO Editions, 2017. P. 228-229.

- оборона и безопасность, включая охрану границ и миграционную политику;
- экономика и финансы («Европа экономического роста»);
- защита европейских компаний от нечестной конкуренции в условиях глобализации (главным образом в сфере международной торговли);
- устойчивое развитие и экология;
- цифровые технологии.

Каждое из пяти направлений усиления «европейской суверенности» содержало конкретные меры.

Что же получилось (или не получилось) из задуманного и предложенного для Европы нынешним французским руководством? Насколько удалось продвинуться по пути к «европейскому суверенитету» за прошедшие полтора года после прихода к власти восьмого президента Пятой республики?

Если для ответа использовать цифровые показатели, которые представлены в кратком отчёте «Год спустя после Сорбонской инициативы», размещённом на сайте администрации французского президента в сентябре 2018 г., то картина получается следующая. Из 49 предложений, принятых для реализации европейской программы Франции, 22 инициативы проработаны (*finalisées*) или почти готовы к работе; 18 – находятся в стадии разработки и 9 – готовятся к рассмотрению⁴⁷. Правда, краткое описание программ, содержащееся в документе, даёт основание предположить, что реализация макроновского проекта идёт, мягко говоря, не очень гладко. Речь идёт не только о сроках, возникает немало вопросов по существу.

Во-первых, план Макрона по реформированию Европы изначально предлагался вниманию всех стран – членов ЕС, но постепенно трансформировался лишь в предложения для главного европейского партнёра Франции – Германии. Они были зафиксированы в Мезебергской декларации в июне 2018 г., которую французы квалифицируют как «исторический франко-гер-

⁴⁷ Un an après l'initiative de la Sorbonne. Briefing. Présidence de la République, Septembre 2018. P. 3. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/briefing_point_d_etape_sur_les_avancees_des_chantiers_europeens_cle0ff678.pdf (дата обращения: 20.01.2019).

манский договор». Возникает логичный вопрос: немцы план одобрили, но согласятся ли с ним другие члены Евросоюза?

Во-вторых, нельзя не отметить, что составители Мезебергской декларации изрядно «отредактировали» первоначальные планы французского президента – никакого министра финансов еврозоны, не говоря уже о её парламенте нет и в помине. Более того – бюджет зоны евро немцы уменьшили до десятых долей процента от ВВП, что, по некоторым прикидкам, составляет примерно 30 млрд евро. Париж явно рассчитывал на большее.

Многие меры, упомянутые в декларации, например, гармонизация налогообложения бизнеса, социальной сферы, выдвижение общеевропейских списков на выборах в Европарламент и пр. – отложены на середину следующего десятилетия.

В-третьих, нельзя не обратить внимания на противоречивость идей Макрона по реформированию Европы. В качестве примера сошлёмся на речь французского лидера в Бундестаге 18 ноября 2018 г.⁴⁸ С одной стороны, он призывает Германию «создать современную, эффективную, демократическую суверенность в Европе». Правда, непонятно, что это такое? Вероятно, её можно понимать как призыв к единству действий, позиций по различным вопросам. С другой стороны, из той же речи, несколькими абзацами ниже, мы узнаём, что «европейская суверенность не является синонимом единогласия и единообразия». Макрон выступает за «различные ритмы и круги» интеграции, то есть де-факто за разноскоростную Европу. Однако раньше он настаивал на том, что «Европа – не супермаркет!», обращая эти слова в адрес восточно-европейских стран ЕС.

Отсюда возникает вопрос: а все ли страны ЕС разделяют идеи Макрона о европейском суверенитете? В этом плане показательна история с программой PESCO и, особенно, с инициативой французского президента по созданию европейской армии. Её поддержала – правда, как-то без особого энтузиазма – Ангела Меркель, считая, что нужно двигаться в этом направлении, но буквально через неделю-две эту инициативу «похорошила» Федерика Могерини, выразив, надо думать, коллективное

⁴⁸ См.: Future of the Europe: Emmanuel Macron puts sovereignty at heart of a multi-speed European project. Agence Europe, 19.11.2018. P. 4.

мнение стран – членов Евросоюза.

* * *

Резюмируя, можно прийти к выводу о том, что план Макрона по реформированию Европы пробуксовывает и вряд ли сможет стать «мобилизующим проектом», способным вывести Евросоюз из нынешнего затяжного кризиса, имеющего структурный и институциональный характер.

По сути, европейский проект Макрона – это новая версия старой французской идеи «Европы-державы», которую Париж пытается реализовать на протяжении как минимум полувека. Тем не менее, исходя из исторического опыта, представляется, что даже нынешний кризис трансатлантических отношений не способен сподвигнуть Европу на достижение подлинной, а не декларативной суверенности.

Да и сам термин «европейская суверенность» весьма сомнителен и искусственен с научной точки зрения. Ведь мы привыкли связывать суверенность с государством и нацией. Однако Европа, как известно, не представляет собой ни то, ни другое, а ЕС – всего лишь региональная организация, пусть и весьма успешная с точки зрения интеграционных процессов. В этой связи правильнее было бы говорить, как, например, делает посол Франции в России госпожа Сильви Берманн, о «стратегической самостоятельности» Европы.

В принципе, европейский суверенитет предполагает движение к федерализации, на что ЕС сейчас явно не способен. Также как и не может он допустить откат назад, что чревато непредсказуемыми негативными последствиями: сложности, связанные с брекзитом – лучшее тому доказательство.

Значит ли вышесказанное, что европейские инициативы Макрона потерпели полный крах и принесли ему больше минусов, чем плюсов? Вряд ли такая категоричная оценка объективна. Нельзя не отметить, что благодаря своему европейскому проекту Э. Макрону удалось провести успешную пиар-кампанию и вернуть Франции роль политического лидера Европы, тем более что этому способствовала сложившаяся уникальная политическая конъюнктура – ослабление позиций Ангелы Меркель, брекзит, приход к власти евроскептиков в Италии и других

странах. Движение «жёлтых жилетов» существенно ослабило позиции Макрона как внутри страны, так и на европейской политической сцене. Тем не менее, программа «перестройки» Европы в преддверии европейских выборов мая 2019 г. остаётся востребованной.

Другое дело – насколько идеи продвижения к «европейскому суверенитету», а по сути к федерализации Евросоюза, найдут поддержку и европейцев и, прежде всего, у французского электората. Судя по всему, пока они не вызывают большого энтузиазма, скорее наоборот. Опросы общественного мнения предсказывают уверенную победу евроскептиков и суверенитистов как во Франции, так и других странах ЕС. Нельзя не отметить также, что многие евроскептики всё больше двигаются в сторону еврореалистов. Вряд ли за оставшиеся несколько месяцев до Евровыборов 2019 ситуация изменится коренным образом. Также нельзя исключить, что идеи «европейского суверенитета» прагматика Макрона будут скорректированы и трансформируются в конкретные программы решения острых проблем Европы.

*П.П. Яковлев**

МАКРОН И ЕВРОПЕЙСКАЯ АРМИЯ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕАКЦИЯ

6 ноября 2018 г. президент Франции Эммануэль Макрон в эксклюзивном интервью радиостанции Europe 1 сравнил нынешнее положение в Европе с ситуацией 1930-х гг. (последствия финансово-экономического кризиса и рост националистических настроений) и в очередной раз выступил за формирование «настоящей европейской армии» и создание системы коллективной обороны на европейском континенте. «Мы должны защищаться! От Китая, России и даже от Соединённых Штатов», –

* Яковлев Пётр Павлович, д.э.н., руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки РАН, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова; член НС «Партийно-политические системы Европы XXI века».

заклучил французский лидер⁴⁹.

Следует подчеркнуть, что оборонная инициатива Э. Макрона родилась не на пустом месте и не является оригинальной. Европейские политики регулярно высказывают предложения о создании независимой от США единой армии Европейского союза. Так, еврокомиссар по вопросам бюджета Гюнтер Эттингер заявлял, что мечтает об армии, «которая сообща несёт ответственность за поддержание демократии, прав человека и свободы в Европе и зарубежных миссиях»⁵⁰. Европейскую армию со времён окончания Второй мировой войны пытались создать неоднократно, но каждый раз возникали непреодолимые преграды, планы менялись.

Напомним основные вехи движения за европейскую армию.

1948 г. – «Брюссельский пакт». Этот документ подписали Бельгия, Великобритания, Люксембург, Нидерланды, Франция. Цель – создать оборонительный союз. Учреждение в 1949 г. НАТО ослабило эту инициативу, но окончательно её не похоронило.

1954 г. – на базе «Брюссельского пакта» в расширенном составе возник «Западноевропейский союз» (ЗЕС): военно-политическое объединение, к которому присоединилась Италия, а после 1990 г. – Испания, Португалия и Греция⁵¹. РТС стал первой попыткой создать единые вооружённые силы Европы. Формально союз просуществовал до 2011 г., но, несмотря на отдельные попытки вдохнуть в него жизнь, так и не вышел из латентного состояния и в конечном счёте был заменён структурами Евросоюза.

1987 г. – Франция и Германия приняли решение создать единую механизированную бригаду, которая была развёрнута в 1989 г. в составе 6 тыс. человек в пограничных районах двух стран.

⁴⁹ Macron pour une «vraie armée européenne»: un projet réalisable? 6 novembre 2018. URL: <https://www.europe1.fr/politique/macron-pour-une-vraie-armee-europeenne-un-projet-realisable-3794831>.

⁵⁰ Макрон предложил создать общеевропейскую армию. 6 ноября 2018. URL: <https://ria.ru/20181106/1532176979.html>.

⁵¹ Western European Union. Union de l'Europe Occidentale. URL: <http://www.weu.int/>

В 1992 г. на основе бригады был сформирован Еврокорпус – зачаток общих сил Западной Европы. Правда, в него вошли подразделения ограниченного ряда государств, включая Испанию. Силы корпуса участвовали в миротворческих операциях в Боснии и Косове. Многие западные эксперты стали рассматривать данную структуру в качестве «боевого инструмента ЕС и НАТО», но на уровень управления Евросоюза Еврокорпус никогда не выводили, действуя в рамках договора стран-участниц⁵².

1998 г. – Тони Блэр и Жак Ширак подписали «Декларацию Сен-Мало». Цель – продвижение в выработке Европейской политики безопасности и обороны и формировании вооружённых сил, способных действовать автономно. Декларация послужила отправной точкой для проекта создания «европейского пула военных ресурсов» – военного контингента, подчинённого структурам Европейского союза и потенциально не зависящего от НАТО. Принятие Декларации Сен-Мало стало возможным благодаря позитивному сдвигу, который произошёл в отношении британского правительства Т. Блэра к «европейскому оборонному проекту»⁵³.

1999 г. – принятие Единой концепции европейской политики в области безопасности и обороны (ESDP, с 2009 г. – CSDP). В том же году было решено создать в Евросоюзе Единые силы быстрого реагирования в составе до 15 бригад общей численностью 55-60 тыс. человек. По сути, речь шла о формировании не просто совместных вооружённых сил ряда европейских стран, а именно армии Евросоюза.

Итогом этих решений стало развёртывание с 2005 г. так называемых «боевых групп ЕС» (Battle Groups) – подразделений быстрого реагирования, заступающих на боевое дежурство в разных странах Европы в случае возникновения чрезвычайной ситуации. «Боевая группа» (их к настоящему времени создано 18) представляет собой усиленный батальон численностью 1,2-

⁵² Eurocorps. A Military Tool for Europe and NATO. URL: http://www.ieee.es/Galerias/fichero/OtrasPublicaciones/Internacional/2016/Eurocorps_A_military_tool_for_EU_and_NATO.pdf.

⁵³ Franco-British St. Malo Declaration (04.12.1998). Texte. URL: https://www.cvce.eu/obj/franco_british_st_malo_declaration_4_december_1998-en-f3cd16fb-fc37-4d52-936f-c8e9bc80f24f.html.

2,5 тыс. военнослужащих⁵⁴.

Нынешняя волна оборонного сотрудничества в Евросоюзе началась после 2014 г. и связана с обострением отношений с Россией, а также с изменениями в атлантической политике США, особенно после прихода в Белый дом администрации Д. Трампа.

Ключевым элементом «нового курса» в сфере европейского военного строительства служит так называемое «Постоянное структурированное сотрудничество» («Permanent Structured Cooperation» – PESCO), начатое в 2017 г. PESCO предполагает формирование внутри ЕС структур, отвечающих за совместную оборонную политику. Подчёркивается, что проект не конкурирует с НАТО.

В числе других совместных оборонных инициатив Евросоюза последних лет – Единый фонд обороны (EDF), План оборонных исследований и разработок (EDRP), Общая программа развития оборонной промышленности (EDIDP). По замыслу, все они должны быть увязаны с PESCO и обеспечивать есовские оборонные проекты.

В 2018 г. девять стран (Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Испания, Нидерланды, Португалия, Финляндия, Эстония) поддержали предложение Э. Макрона (сентябрь 2017 г.) о создании европейских сил быстрого реагирования – Европейскую инициативу вмешательства (European Intervention Initiative – EII2).

Декларируемая цель EII2 – расширить возможности стран-участниц совместно осуществлять вооружённые миссии под эгидой НАТО, Евросоюза, ООН или разного рода *ad-hoc* коалиций.

Таким образом, призыв Э. Макрона от 6 ноября стал логичным продолжением усилий европейских государств в военной области.

* * *

Ноябрьское 2018 г. заявление Э. Макрона о целесообразности и необходимости европейской армии подхватила канцлер Германии Ангела Меркель. Оно привлекло широкое международное внимание, прежде всего в Европе, став предметом ак-

⁵⁴ EU Battlegroup. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/world/europe/eu-battlegroups.htm>.

тивного обсуждения в экспертном сообществе и СМИ.

Интриги добавила и резко отрицательная реакция Д. Трампа, который воспринял демарш Макрона как личное оскорбление. В самом деле: европейцы не торопятся увеличивать свои оборонные расходы, участвуя в НАТО, но планируют создавать собственную армию, что, неизбежно, потребует дополнительного финансирования. Получается своего рода квадратура круга.

Анализ и экспертные оценки приводят нас к выводу, что идея европейской армии в нынешних условиях в силу многочисленных трудностей национального и коммунитарного характера не может быть реализована. Однако, несмотря на известную умозрительность поставленной проблемы, развернувшаяся дискуссия представляет существенный интерес, поскольку она затронула ключевые аспекты политики безопасности ЕС, так или иначе связанные с переживаемым Европейским союзом «экзистенциальным кризисом».

Главный вопрос, который ставят зарубежные эксперты, почему идея европейской армии вброшена в информационно-политическое пространство именно сейчас?

По мнению директора Барселонского центра международных отношений (CIDOB) Пола Морильяса, ответ нужно искать в той сложной внутренней и международной обстановке, в которой находится Евросоюз. Макрон и Меркель, отмечает эксперт, хотят «укрыться от растущего евроскептицизма» в тех сферах взаимодействия, где в условиях «дестабилизации европейского проекта» и очевидного «институционального паралича» ещё остаётся «окно возможностей» для развития интеграционных процессов. Лидеры двух крупнейших государств ЕС считают, что европейцы (особенно на фоне миграционного кризиса и вооружённых действий в непосредственной близости от границ Евросоюза) пока не возражают против углубления сотрудничества в вопросах безопасности, но ситуация на глазах осложняется. Под напором популистов это «окно» может захлопнуться, как и многие другие. Отсюда – отчаянная попытка еврооптимистов сыграть на опережение и активизировать усилия в области совместного оборонного и военного строительства⁵⁵.

⁵⁵ Morillas P. El espectro del Ejército europeo. El País. Madrid, 21.11.2018.

Другой важный вопрос: о какой армии говорят Макрон и Меркель? Что они конкретно имеют в виду? Складывается впечатление, что Франция и Германия по-разному видят конкретные задачи европейской армии и пути её формирования. Для Парижа приоритетом является создание (чем быстрее, тем лучше) сравнительно компактного и управляемого из одного центра европейского корпуса, способного к оперативной мобилизации и проведению военной операции быстрого реагирования не только на европейской территории, но и за её пределами, например, в Африке, где Франция порой вынуждена действовать в одиночку. Похоже, французы, чтобы выиграть время, не настаивают на участии в корпусе подразделений всех стран – членов ЕС.

Берлин, в свою очередь, считает критически важным создание (возможно, поэтапно) европейской военной структуры с максимально широким составом участников. В Германии понимают, что это более долгий путь, чем тот, который предлагает Франция, но готовы пойти по нему ради формирования действительно многонациональной армии в рамках Европейского союза. Разумеется, франко-германские разногласия не носят фундаментальный характер, но их наличие затрудняет и без того сложнейшую задачу военного строительства в ЕС.

Ещё сложнее будет договориться с Вашингтоном, который крайне ревниво относится к планам европейцев, и добиться гармонии в отношениях с НАТО. Напомним, что из 29 государств – членов Североатлантического пакта 22 страны – это участники Евросоюза. Как отмечал директор Института изучения конфликтов Хесус Нуньес Вильяверде, вряд ли всем понравится, по существу, дублировать усилия и наращивать расходы в сфере обороны в тот момент, когда у многих европейских стран хватает нерешённых социально-экономических задач⁵⁶. Всё это вместе образует очень тугой узел трудно разрешимых проблем.

В лучшем случае, считает П. Морильяс, «Европа разных скоростей» сможет сформировать «субевропейские» вооружённые силы с участием ограниченного количества стран⁵⁷, то есть,

⁵⁶ Núñez Villaverde J.A. Un ejército europeo...para pasado mañana. November 19, 2018. URL: <https://www.pritfriendly.com/p/g/iBeith>.

⁵⁷ Morillas P. El espectro del Ejército europeo. El País. Madrid, 21.11.2018.

по оценке экспертов, французский вариант развития событий имеет больше шансов на успех.

Полон пессимизма вывод, который сделал эксперт «Атлантического совета»: «любые разговоры о создании, даже на протяжении жизни следующего поколения, полноценной единой европейской армии – это всё болтовня (jaw-jaw), а не реальные дела»⁵⁸.

*Г.Н. Канинская**

СУМЕРКИ «ГОЛЛО-МИТТЕРАНДИЗМА»: ВЗГЛЯД ИЗ ФРАНЦИИ

Одним из мотивов избирательной кампании Э. Макрона было обещание покончить с внешнеполитическим курсом двух предыдущих президентов Пятой республики – Н. Саркози и Ф. Олланда. Как отмечает директор Французского Института международных отношений (ИФРИ) Т. Гомар, уже между 15 и 31 мая Э. Макрон начал действовать очень динамично, взяв на вооружение «дорогой французам» стиль, «сочетающий в себе уверенность, символичность, манёвренность»⁵⁹. По мнению Т. Гомара, намерение Э. Макрона дистанцироваться от двух своих предшественников имеет под собой философскую основу. Дело в том, что, поработав несколько лет ассистентом известного французского философа-феноменолога П. Рикёра, трудившегося в то время над произведением «Время и рассказ», Э. Макрон явно не мог не оказаться под влиянием его взглядов, тогда как Н. Саркози и Ф. Олланд предпочитали опираться на мнения философов-постмодернистов. В ракурсе рикёровской парадигмы, вероятно, и следует рассматривать некоторые широко растиражиро-

⁵⁸ Tigner B. A «European» Army? Eminently Defensible But Not Probable for a Long Time to Come. November 13, 2018. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/>

* Канинская Галина Николаевна, д.и.н., профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

⁵⁹ Gomard T. France : une nouvelle politique étrangère? Politique internationale, №156, été 2017. URL: http://www.politiqueinternationale.com/revue/read2.php?id_revue=156&id=1601&search=&content=texte (дата обращения 08.11.2018).

ванные в медийном пространстве заявления Э. Макрона по вопросам внешней политики. Так, накануне второго тура президентских выборов он провозгласил: «Я хочу вернуться к французской внешнеполитической линии, которую называю голломиттерандистской или ширакистской»⁶⁰. Иными словами, это значило, что Франция будет стремиться принимать самостоятельные решения по внешней политике, как уже не раз бывало во времена президентства Ш. де Голля (1958–1969 гг.), Ф. Миттерана (1981–1988 гг.) и Ж. Ширака (1995–2007 гг.). Если перевести лозунг «ни-ни», с которым Э. Макрон выиграл президентскую гонку, на язык теоретиков международных отношений, то он выльется в формулу известного французского специалиста в этой области Р. Арона: «ни чистый реализм, ни абсолютный морализм»⁶¹. По сути Франция на международной арене в первую очередь будет отстаивать свои национальные интересы.

Вскоре после избрания, за день до поездки в Брюссель на саммит Европейского союза (ЕС) восемь европейских газет опубликовали интервью с Э. Макроном под броским названием: «Европа не супермаркет», и с не менее броскими заверениями. «Я покончу с неоконсерватизмом, привнесённым во Францию в последние десять лет, – провозглашал он. – Демократия не заносится извне без ведома народов. Франция не участвовала в войне против Ирака, что весьма разумно. Но она совершила ошибку, вступив в войну против Ливии»⁶². Тут же Э. Макрон усомнился в целесообразности возвращения Франции в военную структуру НАТО в 2009 г. и неодобрительно отозвался о «неоконсервативных» группах влияния на Н. Саркози и Ф. Олланда, побуждавших выравнивать внешнюю политику Франции на Вашингтон. В то же время в разгар избирательной кампании, выступая 18 марта 2017 г. по вопросам обороны, Э. Макрон твёр-

⁶⁰ Цит. по: Duclos M. Macron, an II – du progressisme en politique étrangère. Blog, Institut Montaigne, 6 Août 2018. URL: <https://www.institutmontaigne.org/blog/macron-ii-du-progressisme-en-politique-etrangere> (дата обращения 10.11 2018).

⁶¹ Цит. по: Courmon B. L'atlantisme est-il un anachronisme? Le nécessaire débat sur l'avenir de la politique étrangère de la France. Revue internationale et stratégique, 2017/4, № 108. P. 24.

⁶² Le Figaro, Le Soir, Le Temps, The Guardian, Corriere della Sera, El Pais, Suddeutsche Zeitung, Gazeta Wyborcza, 21 juin 2017.

до высказался за сохранение Францией собственной «возможности ядерного сдерживания в длительной перспективе», мотивируя это тем, что «в наши дни многие страны наращивают свой ядерный потенциал, а некоторые, не колеблясь, демонстрируют его в целях устрашения»⁶³. В обращении к французским парламентариям 3 июля 2017 г. в Версале на Конгрессе обеих палат Э. Макрон дал ясно понять, что «Франция останется верной всем своим союзам». Однако заметил, что «вчерашние альянсы истощились» и связал с этим обновление, необходимое для Франции⁶⁴.

Говоря о приверженности Э. Макрона символическим, отметим, что рождённый в 1977 г. и потому не служивший по призыву в армии, он не преминул восполнить это использованием военных мотивов в церемонии инаугурации, когда ехал по Елисейским полям на военной машине и посетил раненных бойцов в военном госпитале. Символическим был выбор Лувра местом проведения процедуры вступления на президентский пост. В этот же ряд можно поставить выбор 29 мая 2017 г. Версаля местом встречи с российским президентом В. Путиным по случаю 300-летия со дня визита во Францию императора России Петра I. Там было положено начало так называемому франко-российскому «Трианонскому диалогу». Последовавшее вскоре приглашение американского президента Д. Трампа на национальный праздник Франции 14 июля 2017 г. определённо демонстрировало попытку Э. Макрона сыграть посредническую роль на международной арене.

Большую активность Э. Макрон развернул на европейском направлении, претендуя уже не на посредническую, а на лидирующую роль в дальнейшем углублении «европейского строительства». Своё видение будущего Европы он обрисовал 26 сентября 2017 г., выступая в Сорбонне, что тоже весьма символично, если вспомнить, что толчком к западноевропейской интеграции послужила речь У. Черчилля в университете Цюриха в сен-

⁶³ Цит. по: Courmon B. L'atlantisme est-il un anachronisme? Le nécessaire débat sur l'avenir de la politique étrangère de la France. *Revue internationale et stratégique*, 2017/4, № 108. P. 22.

⁶⁴ Ibid. P. 23.

тябре 1946 г. Текст Э. Макрона назывался «Инициатива для суверенной, единой и демократической Европы»⁶⁵. После патетического вступления на тему о «слабости сегодняшней Европы», длительное время раздираемой внутренними противоречиями, или «европейской гражданской войной» по бюджетным, финансовым и политическим проблемам, Э. Макрон предложил «шесть ключей», необходимых для решения самими европейцами задачи укрепления «европейского суверенитета». Первый – обеспечение безопасности, в том числе и борьба против терроризма; второй – защита границ и социокультурных ценностей; третий – партнёрские отношения с африканскими странами; четвёртый – совместное решение экологических проблем; пятый – инновации в области цифровых технологий; шестой – укрепление «еврозоны» с тем, чтобы сообща решать проблемы безработицы и социальной политики, сбалансировать бюджет и придать Европе «экономическую мощь», чтобы конкурировать с Китаем и США⁶⁶. В своём выступлении Э. Макрон обозначил также несколько конкретных инициатив для ЕС в перспективе на 2019–2024 гг. В частности, он предложил на предстоящих в мае 2019 г. выборах в Европарламент (ЕП) составить единый трансъевропейский список на освобождающиеся после выхода Великобритании из Евросоюза 73 депутатских мест, что явно мыслится как «европеистский» заслон от набирающих силу «националистов». Он прямо высказался за то, чтобы к 2024 г. Европейская Комиссия (КЕС) состояла из 15, а не 30, как сейчас, комиссаров, чтобы к этому же году было открыто около 20 инновационных европейских университетов; здесь же прозвучала мысль об укреплении «европейской стратегической культуры», цель которой состоит в том, чтобы европейцы были способны при необходимости не только самостоятельно вести совместные военные операции, но и планировать их заранее, до возникновения конфликтной ситуации. Причём Э. Макрон допускал участие в таких действиях Великобритании после брекзита.

⁶⁵ Initiative pour l'Europe – Discours d'Emmanuel Macron pour une Europe souveraine, unie, démocratique. URL: <http://www.elysee.fr/declarations/article/initiative-pour-l-europe-discours-d-emmanuel-macron-pour-une-europe-souveraine-unie-democratique/> (дата обращения 30.09.2018).

⁶⁶ Ibid.

После выступления в Сорбонне Э. Макрон предложил европейским партнёрам обсудить возможность создания «Европейской инициативы по интервенции» (Initiative européenne d'intervention – IEI) как координационного центра планирования совместных военных операций и военной подготовки. Первое обсуждение IEI состоялось 25 июня 2018 г. в Париже между министрами обороны 9 стран ЕС (Франция, Германия, Бельгия, Дания, Испания, Эстония, Нидерланды, Португалия, Великобритания) и закончилось подписанием согласительных документов. Э. Макрон очень рассчитывает на поддержку Германией его инициативы, о чём открыто говорил, выступая в бундестаге в ноябре в ходе мероприятий по случаю Дня народной скорби. В одном из городков департамента Мозель 6 ноября 2018 г. Э. Макрон прямо произнёс слова «европейская армия», которые, впрочем, не предполагают «возрождения из пепла» старого проекта Европейского Оборонительного Сообщества (ЕОС), названного для краткости «европейская армия», который Франция же и «похоронила» 30 августа 1954 г., проголосовав «против» в парламенте.

Внешнеполитический курс Э. Макрона вызвал дискуссии в экспертном сообществе. Начало положила опубликованная в журнале «Эспри» (Esprit) статья директора Центра политического и стратегического анализа при Министерстве иностранных дел Франции (CAPS), а также председателя оргкомитета по проведению первого Форума мира в Париже 11-12 ноября 2018 г. Ж. Вайса с весьма красноречивым заголовком: «Прошлое одной глупости. Французские дебаты о внешней политике»⁶⁷. В ней он настаивает на тщетности рассуждений и противопоставлений в XXI в. «голло-миттерандизма» и «французского неоконсерватизма» и предлагает вместо этой дихотомии на выбор восемь построенных на контрверзах бинарных диспозиций для современного внешнеполитического дискурса Франции. Первым пунктом Ж. Вайс выделяет вопрос о финансовых

⁶⁷ Vaïsse J. Le passé d'un oxymore. Le débat français de politique étrangère. Esprit, novembre 2017. ULR: <https://esprit.presse.fr/article/vaïsse-justin/le-passe-d-un-oxymore-le-debat-francais-de-politique-etrangere-39714> (дата обращения 23.11.2018).

возможностях своей страны, подчёркивая, что её внешнеполитический бюджет истощается, тогда как Германия и развивающиеся страны тратят всё больше средств на внешнюю политику. В этой связи он считает, что Франция должна решить для себя или она будет сохранять свои самостоятельные и автономные военные средства, поддерживать свою дипломатическую и культурную политику, обладая статусом постоянного члена Совета Безопасности, или, напротив, признаёт, что не способна «поддерживать данный ей ранг» и сделает ставку на коллективные европейские действия. Второе решение касается места Европы во внешней политике Франции, и надо решить: или делать ставку на ЕС, или относиться к нему с недоверием. Третий выбор должен быть сделан в пользу либо активного военного вмешательства европейцев в международные конфликты, либо устранения от участия в них, равно как и военного присутствия, как мер контрпродуктивных. Четвёртой, пятой, шестой и седьмой темами соответственно должны стать взаимоотношения со странами Африки, Китаем, Россией, Саудовской Аравией, где предстоит определиться с мерой сотрудничества. Наконец, последняя контроверза выводит на проблему «многосторонности» мира и роли ООН. Ж. Вайс подчёркивает, что в своей статье отнюдь не собирался «навешивать обобщающие ярлыки для определения национального интереса», а пытался лишь доказать, что «французские дебаты лишились ясности и простоты 1960-х гг. под ударами сегодняшнего мирового порядка»⁶⁸.

Отношение Ж. Вайса к «голло-миттерандизму» и «заимствованному из Америки французскому неоконсерватизму», в целом поддержал М. Дюкло, отметив, правда, неясность последнего определения и предложив заменить его «сарко-олландизмом»⁶⁹. Однако с твёрдым убеждением в том, что восемь предложений Ж. Вайса открывают перспективу для дальнейшего развития «голло-миттерандизма», как «своеобразного видения, глобальной философии о роли и действиях Франции в меняю-

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Duclos M. Macron, an II – du progressisme en politique étrangère. Blog, Institut Montaigne, 6 Août 2018. URL: <https://www.institutmontaigne.org/blog/macron-ii-du-progressisme-en-politique-etrangere> (дата обращения 10.11 2018).

шемся мире», выступил директор Международного института стратегических исследований (IRIS) П. Бонифас⁷⁰. По его мнению, во внешней политике не стоит проводить чёткую грань между сторонниками и противниками, а помнить о наличии множества нюансов в этой сфере и о том, что важнее «ярлыков» для Франции остаётся приверженность своей специфике и фундаментальным принципам, чтобы «не тащиться в хвосте мировой политики, не имея ориентиров»⁷¹.

Вместе с тем многие специалисты подчёркивают как ограниченность ресурсов Франции для реализации задуманных планов, так и слабости курса Э. Макрона. Упомянутый выше Т. Гомар отмечает, что проблема Э. Макрона кроется в том, что он – европеист, тогда как уже президентские выборы показали, что большинство французов не доверяют ЕС, поэтому в преддверии выборов в Европарламент в 2019 г. ему придётся сильно потрудиться, чтобы вернуть доверие французов. Он акцентирует внимание на том, что население Франции составляет 1% от населения мира, страна обладает около 3% мирового богатства, производит 15% социальных благ, поэтому без европейских партнёров она слишком слаба, тогда как США вполне могут навязать мировому сообществу свои правила игры⁷². Жизнеспособность и целесообразность макроновской «Европейской инициативы по интервенции» аналитики ставят под вопрос в связи с наличием двух других европейских структур: созданного 17 июня 2017 г. Европейского фонда обороны (Fonds européen de défense), предполагающего финансирование в рамках ЕС на ¼ разработок в области обороны ЕС, и «Постоянного структурного партнёрства» (La Coopération structurée permanente – CSP) 25 стран (кроме Дании и Великобритании), сложившегося 8 декабря 2017 г. и предусматривающего их конкретные обязательства в области совместной обороны, по которым разработано уже 17 проектов⁷³.

⁷⁰ Boniface P. Le gaullo-miterrandisme, un concept toujours pertinent. *Revue internationale et stratégique*, 2018/1, № 109. P. 34.

⁷¹ *Op. cit.* P. 28.

⁷² Gomard T. France : une nouvelle politique étrangère? *Politique internationale*, №156, été 2017. URL: http://www.politiqueinternationale.com/revue/read2.php?id_revue=156&id=1601&search=&content=texte (дата обращения 08.11.2018).

⁷³ Maulny J-P. Europe de la défense : où va l'Union européenne? URL: <http://>

В итоговых оценках внешней политики Франции за первые 18 месяцев пребывания Э. Макрона на посту президента даны не очень утешительные заключения по его так называемым «четырёх парям»:

– Ближневосточному, где Э. Макрону не удалось убедить США выходить из соглашения по Ирану;

– Европейскому, в котором не оправдались его надежды на Германию, не произошло сближения со странами Северной Европы и усилился вес «националистов»/антиевропеистов;

– Российскому, «где не удалось продвинуться по Украине, сохраняется риск попасть в ловушку по Сирийской проблеме и приходится, как двуликому Янусу, лавировать между теми, кто считает агрессивным курс В. Путина, и в то же время учитывать мнение тех, кто убеждает, что надо понять русских, и диалог с Россией желателен»;

– наконец, во взаимоотношениях с американским президентом Д. Трампом, который «повернул к поддержке в Европе популистов»⁷⁴.

Можно привести ещё немало примеров сомнительного характера по поводу действий и заявлений Э. Макрона на международной арене, но ограничимся выступлением 10 декабря 2018 г. на конференции по безопасности в Институте Европы РАН госпожи посла Франции Сильви Берманн, в котором она отметила, что пока Э. Макрону «по причине слишком негативной реакции не удалось реализовать проект сильной европейской обороны»⁷⁵. От себя отметим, что с учётом развернувшихся во Франции с ноября 2018 г. острых столкновений по вопросам внутренней политики Э. Макрона на второй план отодвинулись не только проблемы внешнеполитические, но и создаётся впечатление, что возникли серьёзные препятствия по возвращению доверия французских граждан к ЕС на предстоящих выборах в Европарламент в мае 2019 г.

www.iris-france.org/102448-macron-la-nation-et-leurope/

⁷⁴ Duclos M. Macron, an II – du progressisme en politique étrangère Blog, Institut Montaigne, 6 Août 2018. URL: <https://www.institutmontaigne.org/blog/macron-ii-du-progressisme-en-politique-etrangere> (дата обращения 10.11 2018).

⁷⁵ Архив автора.

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА МАКРОНА: НОВЫЕ РЕАЛИИ И ИЗМЕНЕНИЕ ПОДХОДА

Проблемы иммиграции во Франции продолжают оставаться важнейшими вопросами повестки дня в последние годы из-за миграционного кризиса в ЕС. Усиление исламского фундаментализма в мусульманской диаспоре, социокультурная изоляция и отчуждение иммигрантов с арабскими и африканскими корнями, частые теракты – всё это привело к неблагоприятной ситуации во французском обществе. Интеграция иммигрантов во французский социум практически отсутствует на фоне усиления их притока и высокого уровня рождаемости. Происходящие во французском обществе процессы, связанные с миграционным кризисом, и фактическое выдавливание одной цивилизации со своей культурой и религией другой нашли отражение в опросах населения. Таковы были основные причины, подтолкнувшие Э. Макрона, имеющего большинство во французском парламенте, к переходу к более жёсткой миграционной политике. Двое из трёх французов, по некоторым опросам в начале 2018 г., считали, что политика правительства в отношении мигрантов и беженцев слишком мягка, хотя миграционный кризис в ЕС оказывает всё усиливающееся влияние на общую политику Евросоюза. 54% французов выступают против того, чтобы Франция одна несла ответственность за тех мигрантов, которые пересекают Средиземное море.

В предвыборный период на фоне ультраправого Национального фронта Марин Ле Пен миграционная программа Э. Макрона выглядела достаточно умеренной, доброжелательной и гибкой. Кандидат в президенты и гуманный глобалист выступал за мультикультурную толерантность, считал иммиграцию положительным фактором экономического развития, видел в мигрантах перспективу для развития страны, был согласен на приём беженцев по квоте ЕС. Как сторонник евроинтеграции во время

* Трофимова Ольга Ефимовна, к.э.н., с.н.с. Центра европейских исследований НИ ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

избирательной компании Э. Макрон балансировал между национальными интересами и общеевропейскими принципами, между отходом от политики «открытых дверей» в отношении мигрантов, призывом помочь беженцам и введением определённых мер по сдерживанию их притока. Однако постепенно его заявления о необходимости помочь иммигрантам стали жёстче.

По данным Национального института статистики и экономических исследований (INSEE) о втором поколении иммигрантов («Born in France to an Immigrant parent»), их численность составляла в 2015 г. 7,3 млн человек или 11% населения. Из них 45% имеют европейские корни (дети выходцев из Испании и Италии в 1930-е гг. и Португалии в 1970-е гг.) и интегрированы во французское общество. 42% – выходцы из стран Африки (31% из стран Магриба и 11% из стран Африки южнее Сахары). Почти половина из второго поколения (3,3 млн чел.) – те, у кого оба родителя иммигранты, а 3,6 млн – от смешанных браков⁷⁶. Происхождение иммигрантов второго поколения отражает особенности миграционных потоков во Францию в течение целого столетия, в том числе связанные с колониальным прошлым страны и формированием интеграционного союза в Европе. Сложившаяся ситуация с иммиграцией во Францию и её изменения в условиях глобализации и усиления интеграционных процессов в ЕС оказывала большое влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны и находящихся у власти президентов, и Э. Макрон не стал исключением.

Первый шаг в сторону ужесточения миграционной политики Э. Макрона был сделан в июле 2017 г., когда премьер-министр Эдуард Филипп представил предварительный план под названием: «Гарантировать права на убежище и лучше контролировать миграционные потоки», в котором подчёркивалась необходимость депортации нелегальных мигрантов. Это было связано с тем, что в начале миграционного кризиса в 2015 г. поток беженцев во Францию был менее многочисленным, чем в Италию, Грецию, Германию и другие страны ЕС. Затем более или менее стабильный поток мигрантов из стран Северной Африки и Афри-

⁷⁶ INSEE Born in France to an Immigrant parent. INSEE Premiere № 1634, 08.02. 2017. URL: <https://www.insee.fr/en/statistiques/1283070>.

ки южнее Сахары, который составлял примерно 180 тыс. чел. в год, пошёл из Ливии, находящейся фактически в состоянии гражданской войны, и стал расти. По данным ОЭСР уже в 2016 г. Франция приняла 258 900 «постоянных мигрантов», из них 38% (или 98 400 чел.) прибыли в рамках воссоединения семей, что является главным каналом иммиграции в страну. 33,6% (или 86 900 чел.) – граждане ЕС, которые прибывают в рамках свободного передвижения людей, трудовые мигранты составляют 10,8%, по гуманитарным причинам прибыло 9% (или 23 200 чел.) и прочие – 8,7% (или 22 500 чел.). С 2008 по 2016 г. во Франции было выдано 1,9 млн разрешений на проживание сроком на три года, но только 9% из них было связано с экономической миграцией, а 47% – в рамках воссоединения семей⁷⁷.

За 2017 г. приток мигрантов из третьих государств был весьма ощутимым за счёт беженцев из Африки, Азии, Востока, и за 2017 г. во Франции статус беженцев присвоили 36 тыс. мигрантов. Данная цифра практически в два раза больше, чем за 2016 г. По мнению французских и европейских экспертов, беженцы и далее будут в больших количествах прибывать во Францию. Руководство миграционных властей страны отметило, что за 2017 г. было подано более 100 тыс. заявлений от мигрантов о получении статуса беженца. В 2016 г. данное количество не превышало 85 тыс., а за 2012 г. было зарегистрировано не более 60 тыс. прошений о предоставлении статуса беженца⁷⁸.

Вторым шагом Э. Макрона к новой миграционной политике стало проведение в августе 2017 г. по его инициативе и его европейских коллег из Италии, Германии и Испании неформального саммита с участием Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини и лидеров Ливии, Нигера и Чада. Речь шла о центрально-средиземноморском маршруте, по которому незаконно в Европу прибывает более $\frac{2}{3}$ нелегальных мигрантов. Э. Макрон предложил создать в Ливии, Чаде и Нигере специальные центры по оформлению

⁷⁷ OECD Perspectives des Migrations Internationales 2018. OECD Paris 2018. P. 262-263. URL: http://dx.doi.org/10.1787/migr_outlook-2018-fr.

⁷⁸ Какие мигранты едут во Францию: анализ за 2017 г. URL: <https://visabulle.tin.ru/2018/02/15/kakie-migranty-edut-vo-frantsiyu-analiz-za-2017-god/>

документации для дистанционной подачи заявки на получение убежища в ЕС. Однако ни дополнительные меры по ужесточению контроля на южных границах Евросоюза, ни содействие национальным властям стран Африки по обработке прошений об убежище, особенно в Ливии, где небезопасно, не смогли остановить поток массовой миграции. Это привело лишь к некоторому сокращению численности мигрантов, прибывающих через Средиземное море, и появлению нового тренда – изменению главного маршрута: переориентация потока с Италии как самой популярной страны назначения мигрантов на западный маршрут в Испанию. Наиболее эффективной мерой может стать содействие ЕС борьбе с бедностью и безработицей в африканских странах-донорах и создание там новых рабочих мест. Эти планы были отражены ещё в целях Евро-средиземноморского партнёрства и Союза для Средиземноморья, но из-за «арабской весны» их реализация фактически была приостановлена.

Переход Макрона от предвыборных доброжелательных и интеграционных лозунгов, от определённого идеализма к реализму и ужесточению мер в отношении нежелательных мигрантов нашёл отражение в цифрах: доля выдворенных нелегалов в 2017 г. выросла на 14,6% по сравнению с 2016 г., а доля иностранных граждан, которым было отказано во въезде на территорию Франции, выросла на 34%⁷⁹. В январе 2018 г. было выдворено на 29% мигрантов больше, чем в январе 2017 г. Это связано и с тем, что с 2012 г. масштабы системы предоставления убежища увеличились вдвое, как и количество центров срочного размещения. Расходы на поддержание этой инфраструктуры достигли суммы в 4 млрд евро. Только в Париже, по данным министра внутренних дел Франции, на систему срочного размещения мигрантов расходы составляют 930 млн евро.

Самый важный шаг в сторону ужесточения миграционной политики был сделан Э. Макроном в представленном им «Законопроекте о контролируемой иммиграции, эффективном праве беженцев и успешной интеграции», направленном на усиление

⁷⁹ Миграционная политика Эмануэля Макрона в первый год президентства. International Studies. Европа – Июль 2, 2018. URL: <http://internationalstudies.ru/migratsionnaya-politika-emmanuelya-makrona-v-pervyy-god-prezidentstva/>

контроля за миграционными процессами в стране. Основные положения этого закона:

- усиление ответственности за незаконное пересечение границы, включая штрафы (3750 евро) или тюремное заключение;

- сокращение срока подачи заявления на предоставление убежища со 120 до 90 дней после въезда во Францию и ускоренное выдворение с её территории определённых категорий лиц, которым было отказано в предоставлении убежища;

- удвоение продолжительности содержания под стражей нелегальных мигрантов, которым грозит депортация, с 45 до 90 дней;

- искатели убежища могут быть задержаны при пересечении границы сроком не на 45, а на 90 дней. Они будут иметь право меньше раз, чем прежде, подавать заявление на получение убежища, а его рассмотрение длиться не 11, а 6 месяцев.

Этот закон должен уменьшить приток мигрантов и беженцев, претендующих на социальные выплаты. Он был принят 22 апреля 2017 г.; за него проголосовало 228 депутатов Национальной Ассамблеи, против – 139, воздержались 24 парламентария. Его раскритиковала как правая, так и левая парламентская оппозиция: правые «Республиканцы» и крайне правый Нацфронт посчитали проект закона слишком мягким, а левые фракции называли его «античеловечным». Этим законом Э. Макрон снял табу на проблемы иммиграции, но пока неясно, чем закончится диалог «глухих», выступающих за необходимость притока мигрантов с теми, кто видит в ней основную опасность для страны.

Некоторые эксперты, парламентарии и общественные организации считают, что нынешняя миграционная политика Э. Макрона жёстче, чем политика Н. Саркози, возможно самая жёсткая в современной истории страны. Она строится на следующих принципах:

- усиление контроля на границах государств Африки, откуда нелегалы отправляются через Средиземное море для того, чтобы остановить поток ещё на этом этапе;

- два основных направления борьбы с нелегальной миграцией остаются прежними (безопасность и развитие);

- ужесточение мер против тех, кто не получил право на убе-

жище;

– улучшение условий для того меньшинства, которое получит право на убежище.

Количество иммигрантов-нелегалов во Франции в настоящее время составляет около 300 тыс. человек, поскольку страна остаётся привлекательным местом для мигрантов из-за отсутствия разграничения между странами, «признанными безопасными французским офисом по защите беженцев и лиц без гражданства и небезопасными»⁸⁰.

Несмотря на внушительные цифры притока мигрантов, Франция в ЕС не является страной с самым большим количеством иностранцев. Только 12% населения страны – иммигранты, для Великобритании и Испании эта цифра составляет 13%, а в Германии их доля достигла 15%⁸¹. На конец 2017 г. вид на жительство в стране имело примерно 3 млн иностранцев⁸².

Основной риск для французов представляет растущее мусульманское население, численность которого оценивают примерно в 6 млн человек, из них около 500 тыс. активно исповедуют ислам и строго следуют его нормам. Несмотря на исходящую от этой части населения угрозу безопасности трудно провести какую-то прямую зависимость между долей мусульман и угрозой терроризма. Все эти факторы, включая позитивное и негативное влияние притока мигрантов на занятость, уровень безработицы и зарплату, подталкивают Францию к активному переходу от политики «открытых дверей» к большей закрытости общества, так как последствия от роста иммиграции в долгосрочной перспективе могут привести к дальнейшему подъёму национализма и популярности крайне правых партий, таких как Национальное объединение М. Ле Пен, и к значительному устроению государственной миграционной политики Франции.

⁸⁰ Migrants: ce qu'on vous cache. Le Figaro 06.07/ 2018. URL: http://www.lefigaro.fr/international/2018/07/06/01003-20180706ARTFIG00031-migrants-ce-qu-on-vous-cache.php?redirect_premium.

⁸¹ N. Bouzou. Pour une vraie politique migratoire. L'Express 18/01/2018. URL: https://www.lexpress.fr/actualite/societe/pour-une-vraie-politique-migratoire_1976648.html.

⁸² Кто и зачем приезжает во Францию: миграционная статистика за 2017 г. URL: <http://ru.rfi.fr/frantsiya/20180118-kto-i-zachem-priezzhaet-vo-frantsiyu-migratsionnaya-statistika-za-2017-god>.

Таким образом, Франция, один из локомотивов евроинтеграции и страна с высоким процентом мигрантов, фактически развернула свою миграционную политику в сторону ужесточения и ограничения приёма мигрантов. Э. Макрон, конечно, понимает, что продуманная миграционная политика на национальном уровне с учётом нынешней ситуации и настроений французов и одновременно выработка общеевропейской позиции в этой сфере увеличит его популярность. Особенно это важно сейчас, когда в стране идут демонстрации «жёлтых жилетов» и его рейтинг значительно снизился.

В настоящее время в Евросоюзе есть два лагеря – один во главе с Э. Макроном и А. Меркель, поддерживающий в целом контролируемую миграцию, другой – Вишеградская группа, выступающая против нелегальной миграции, с позицией которой сближается по ряду вопросов подход Италии и отчасти Австрии. Наднациональный формат миграционной политики ЕС, которая носит рекомендательный характер, требует очередного пересмотра с учётом новых реалий и роста противоречий с оппозиционными партиями в странах Евросоюза, особенно в преддверии европейских выборов. Возможно, предложения Э. Макрона учредить новые общие ведомства, в том числе в сфере предоставления права на убежище, а также внести изменения в систему защиты границ ЕС, могут стать вкладом в формирование общей европейской политики.

Последние события во Франции показали слабые стороны глобального «проекта Э. Макрона», который, несмотря на свою искусственность, был информационно удачно преподнесён электорату на выборах стоящими за ним французскими олигархами. Идеи Э. Макрона были очевидны – проведение реформ жёсткой экономии, предпринятые ещё предшествующими правительствами, безусловно, скажутся на экономическом и социальном положении населения и в среднесрочной перспективе приведут к закату социального государства во Франции.

Введение чрезвычайного экономического и социального положения стало ответом на 25 требований, выдвинутых «жёлтыми жилетами», которые выглядели явно нереальными. На этом фоне интерес к иммиграционной программе Э. Макрона и реше-

нию проблем беженцев стал снижаться, особенно, если учесть тот факт, что среди «жёлтых жилетов» мало выходцев из стран Африки. Однако среди их требований имеются: установление достойных условий жизни для тех, кто подал прошение на получение статуса беженца; немедленная отправка обратно в свои страны тех, кому отказано было в статусе беженца; проведение серьёзной политики в отношении иммигрантов – кто хочет жить во Франции, должен стать французом, знать её язык, историю и законы. Эти требования мало отличаются от положений миграционной политики Э. Макрона.

После теракта в Страсбурге, совершённого местным жителем из семьи выходцев из Марокко, активисты «жёлтых жилетов» предположили и сошлись во мнении, что он был инсценирован французскими властями, чтобы отвлечь внимание от намеченного на 15 декабря 5-го раунда протестов. Тем не менее, в любом случае и при любом исходе событий Э. Макрону предстоит ужесточить свою политику и подход к борьбе с терроризмом и радикальными исламистами, которая пока недостаточно эффективна. И всё же серьёзного влияния на настроения манифестантов и их активность страсбургский теракт вряд ли окажет.

*М.В. Клинова**

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ВО ФРАНЦИИ

Среди крупнейших экономик мира по объёму ВВП рейтинг Франции с 1960-х гг. неуклонно снижался: со 2-го (после США) на 7-е (после Индии) место. По ВВП по паритету покупательной способности даже крупнейшая экономика Европейского союза – ФРГ – только на 5 месте, Франция – на 9. В условиях трансформации хозяйственного миропорядка страны ЕС рискуют быть отодвинутыми на периферию мировой экономики. По прогнозам *PricewaterhouseCoopers* и других аналитических центров, к 2030 г. Франция покинет первую десятку крупнейших эконо-

* Клинова Марина Вилениновна, д.э.н., в.н.с. Центра европейских исследований НИ ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

мик мира.

Французский экономист К. Сент-Этьенн в своей книге «Держём создать Европу наций. Вызов новому президенту» (2018 г.) связывает проблемы ЕС за последние 20 лет с «интеллектуальным и стратегическим провалом во Франции», поскольку именно Франция – основная движущая сила европейского строительства. Прозвучало предостережение, что без неотложных стратегических мер в экономике нынешние европейские подростки будут де-факто жить в своих ставших развивающимися странах ещё до окончания учёбы в университетах в 2025 г.

Спад 2008–2009 гг., последовавший бюджетно-долговой кризис еврозоны выявили изъяны ряда направлений экономической политики, в т.ч. их координации в ЕС. Как реакция на упадок европейской экономики в предвыборной программе 2017 г. Э. Макрона прозвучал призыв «построить Европу, которая нас защищает».

В плане Макрона – «Европа, которая защищает европейцев» – предложено выработать общеевропейский ответ на вызовы XXI в. (безопасности, миграции, противоречий в торговле, цифровизации). «Мы нуждаемся в Европе... Европа делает нас более сильными»⁸³. Европейское строительство опирается на двойственную логику: наднациональную на договорной основе и на межгосударственное сотрудничество. Соответственно, президент Франции считает неправомерным противопоставлять Европу и суверенитет, как происходит в последнее десятилетие в представлении политиков-популистов и части населения.

Избрание Э. Макрона внушило экспертному сообществу надежду, что при условии восстановления конкурентоспособности экономики Франции позиции её в мире, а с ней и в целом ЕС, смогут укрепиться. Бывший президент Франции Ф. Олланд в своей книге «Уроки власти» (2018 г.) в качестве залога успеха выделил доверие к Макрону инвесторов, предпринимателей, которые ценят прилагаемые им усилия для продвижения продукции отечественных производителей за национальные границы⁸⁴.

⁸³ Le programme d'Emmanuel Macron pour l'Europe. Une Europe qui protège les Européens. URL: <https://en-marche.fr/emmanuel-macron/le-programme/europe>.

⁸⁴ Hollande F. Les leçons du pouvoir. P.: Éd. Stock, 2018. P. 329.

Такой посыл особенно важен в обстановке, когда в 2017 г. дефицит торгового баланса Франции составил 50 млн евро.

Реалии экономики таковы: снизилась доля товарного экспорта Франции в товарном экспорте еврозоны за 10 лет с 13,3 до 11,7% (63 млрд евро). 81% из этих 63 млрд евро (51 млрд евро) – продукция обрабатывающей промышленности. Налоги на производимую во Франции продукцию выше, чем в ФРГ и Италии: на 2016 г. – 72 млрд евро или 3,2% ВВП против 1,5% ВВП в Италии и 0,5% ВВП в ФРГ. Налоги на производство во Франции в 2007–2016 гг. росли быстрее ВВП: +19,9% – налоги и +14,2% – ВВП.

Задача восстановить конкурентоспособность экономики связана с необходимостью её модернизации в условиях глобальных вызовов третьей промышленной революции, начавшейся ещё в 1980-х гг. и связанной с компьютеризацией. Одна из опасностей, как для отдельной страны (Франции), так и для всего интеграционного объединения ЕС – усиление технологического разрыва с США, а в перспективе – и с их основным конкурентом, Китаем.

Во Франции технологический разрыв связан с накопившимися в экономике проблемами с 1990-х гг. Французскую ситуацию 1990-х гг. можно сравнить с немецкой, которую эксперты ФРГ впоследствии сами назвали «потерянным десятилетием», в отличие от США, где активно развивалась информационно-коммуникационная техника (ИКТ).

В 2010-х гг. во Франции под влиянием «зарплатной инфляции» возросли издержки и цены на продукцию обрабатывающей промышленности средней и повышенной технологичности, которую страна в основном производит. Если сравнивать с ФРГ, то с 2007 г. рабочая сила во Франции дороже, и тенденция сохраняется, что ухудшило конкурентные возможности на внешних рынках (в том числе на региональных рынках ЕС).

Государство во Франции упустило время для крупных вложений в информатизацию и роботизацию. В итоге сегодня компании Франции не представлены в списке мировых лидеров в новейших технологиях (кроме фармацевтики – развитой во Франции отрасли наивысшей технологичности). Государство не

смогло сдерживать рост государственных расходов: государственный долг Франции к 2018 г. составил 98,5% ВВП.

Перед государством во Франции стоит задача сократить свои расходы. Оно намерено постепенно снижать налоги на трудовые и имущественные доходы, что призвано поддержать рост экономики и сделать его более инклюзивным. Экономический рост в условиях усиления контроля над госрасходами вкупе со снижением ряда субсидий (на жильё и поддержание занятости) поможет удержать дефицит госбюджета ниже 3% ВВП, в соответствии с критериями ЕС. Дополнительные усилия потребуются для сокращения неэффективных и неприоритетных расходов, чтобы получить возможность снижать ряд налогов и стимулировать тем самым устойчивый рост экономики, повышение эффективности инвестиций.

В условиях третьей промышленной революции сократились преимущества в виде экономии на новых видах продукции обрабатывающей промышленности. Изменилась и структура предпринимательского сектора – возросла роль малых и средних предприятий (МСП), что стало достаточно неожиданным для экспертного сообщества. В 1970–1980-х гг. многие авторитетные учёные полагали, что на международных рынках могут быть конкурентоспособны только крупные компании. В 1990-х гг. дерегулирование и приватизация обострили конкуренцию, облегчив доступ на рынки новых компаний, в том числе зарубежных МСП.

Экономист Вито Танзи, специалист по роли государства в экономике, выделяет роль новых технологий, методов управления, глобализации и других перемен в повышении эффективности современных рынков и их способности удовлетворять большинство человеческих потребностей. Вместе с тем, подчёркивает он, рынки стали «потенциально менее справедливыми». Налицо конфликт между эффективностью, инновациями и справедливостью. В этих условиях, когда на крупных предприятиях множатся временные контракты⁸⁵, занятость приобретает неустойчивый характер, локомотивами создания рабочих мест ста-

⁸⁵ Во Франции сегодня это одна из особенностей, позволяющая частично сократить безработицу.

ли МСП. Они играют всё более важную роль в производственных цепочках и субподрядных отношениях.

На фоне глобализации сравнительные преимущества переместились в предпринимательскую деятельность, основанную на знаниях. По мере развития ИКТ производства переносят в страны и регионы, где издержки меньше, а продажи приносят максимальную прибыль. В технически передовых странах остаются «мозговые центры», а менее научно- и более трудоёмкие операции переносят в развивающиеся экономики – там ниже зарплаты и социальные расходы. Создаются трансграничные цепочки создания стоимости.

Крупные компании осуществляют делокализацию производства. Так, в 1999–2010 гг. *Peugeot Citroen* (PSA) увеличил выпуск автомобилей на 700 тыс. шт. (прирост объёма производства на 25%), а производимых во Франции – снизил на 450 тыс.⁸⁶, тем самым сократив занятость, повысив норму безработицы внутри своей страны. Во Франции с международной конкуренцией связаны 63% сокращений рабочих мест в промышленности⁸⁷.

Франции предстоит серьёзная работа по подъёму промышленности. Потребность в её поддержке связана с тем, что 68% экспорта Франции осуществляют промышленные предприятия; на страну приходится 3,5% мирового экспорта продукции обрабатывающей промышленности. $\frac{2}{3}$ промышленного экспорта направлено в Европу (ФРГ – главный торговый партнёр).

Для государства во Франции сложность состоит в отходе от традиционной индивидуальной поддержки «национальных чемпионов» (связь которых с производством внутри страны ослаблена)⁸⁸ к поощрению кооперации между национальными компаниями, в том числе через производственные «цепочки» (*filières*). Политику поддержки «цепочек» по отраслям обрабатывающей промышленности государство проводит через 16 стратегических комитетов (*Comités stratégiques de filière*, CSF) при возглавляемом премьер-министром Национальном совете промышленно-

⁸⁶ Artus P., Gravet I. *La crise de l'euro*. P.: Armand Colin, 2012. P. 30.

⁸⁷ Lefebvre M., Pestieau P. *L'État-providence*. Défense et illustration. P.: PUF, 2018. P. 221.

⁸⁸ *Quel modèle d'État stratège en France?* Sous la dir. de Ph. Bance. P.: PUHR, 2016. P. 47.

сти Франции (CNI). При нём действует Исполнительный комитет, определяющий и курирующий направления работы.

Задача комитетов – зафиксировать в соответствующих контрактах отраслевые задачи, взаимные обязательства государства и бизнеса, разработать предложения по конкретным действиям и следить за их исполнением. В числе приоритетов CSF – авиа-, автомобиле-, судостроение, добывающая и пищевая промышленность, деревообработка, переработка, производство предметов роскоши, утилизация отходов и др. Так, в задачи комитета по переработке отходов (CSF Valorisation des déchets) входит развитие робототехники и искусственного интеллекта для оптимизации сортировки отходов.

В каждый комитет входят представители участвующих в производственных цепочках предприятий, профсоюзов, различных связанных с данной отраслью структур, эксперты. Наряду с ежегодными пленарными заседаниями в рамках комитетов действуют в сокращённом составе бюро и рабочие подгруппы, отвечающие за определённое направление работы. При каждом CSF создаются комитеты по экспорту.

В июле 2018 г. Национальный совет промышленности создал ещё две структуры для поддержки работы комитетов – Национальный совет цифровизации (CNI numérique) и Национальный совет промышленности (CNI International), курирующий международные аспекты производственной деятельности. В цели первого входит ускорение перестройки французской промышленности путём цифровизации; в задачи второго – объединить государственных и частных производителей, чтобы стимулировать экспорт, повысить долю сделанных во Франции компонентов в марке «*made in France*»; интернационализация деятельности промышленных МСП с разработкой и применением стратегии производственных цепочек.

С 2017 г. реализуется инициатива «Французская фабрика» (La French Fab) по продвижению новейших технологий в промышленности. Ожидается, что в 2018–2021 гг. государство вложит свыше 150 млн евро в поддержку перехода МСП к «промышленности будущего». В том же 2017 г. государство приняло Большой инвестиционный план (Grand plan d'investissement,

GPI) вложения 57 млрд евро в структурные реформы и в развитие по направлениям: низкоуглеродная экономика, поддержка занятости, повышение конкурентоспособности через инновации и цифровизация.

В этих условиях возрастают требования к качеству человеческого капитала, всё больше востребован высокообразованный, профессионально подготовленный персонал. Получил распространение неологизм *интеллектуальная сила* (*cerveau-d'œuvre*) как важнейший фактор производства вместо *рабочей силы* (*main-d'œuvre*). Применяется и другой неологизм, который ввёл в научный оборот бразильский экономист Г. Шварц – «*икономика*». Буква «и» означает симбиоз, интеграцию интеллекта, информатики, интернета, инноваций. Неологизм Шварца усовершенствован в условиях нынешней волны глобализации, на новом этапе промышленной революции (4.0): «предпринимательская *икономика*». Это связано с установлением взаимосвязей отраслевых агентов через ИКТ, систему цифровых платформ, которые снижают транзакционные издержки.

Для успешного развития *предпринимательской экономики* частному бизнесу необходима поддержка государства не только в промышленности, но и в развитии человеческого капитала. Во Франции на повестке дня – налаживание более тесной кооперации промышленности и Министерства национального образования в контексте привлечения интереса молодёжи к работе на производстве. В 2012–2017 гг. было создано свыше 300 тыс. рабочих мест для низкоквалифицированной молодёжи 16–25 лет, в т.ч. с ограниченными возможностями, и 70% расходов на эти цели взяло на себя государство.

Чтобы получать помощь от государства, предприниматель обязан организовать обучение молодого работника. Правда, специалисты отмечают крайне низкую отдачу затрат на профессиональную подготовку. И в ЕС в целом положение не лучше: 40% предпринимателей не могут нанять персонал с нужными навыками для работы в инновационной экономике. По данным Европейской комиссии (ЕК) на январь 2018 г., 44% работников не имели базовых навыков работы в цифровой среде⁸⁹.

⁸⁹ De nouvelles mesures pour stimuler les compétences clés et les aptitudes nu-

Предприниматели как спонсоры обучения молодёжи предпочитают краткосрочную подготовку, нужную для выполнения функций на конкретном рабочем месте. Зачастую бывает и так: предприятия, особенно самые мелкие, вынуждены своими налогами оплачивать подготовку, которая может не пригодиться для работы на них. Тем самым усиливается неравенство доступа к профессиональному образованию, а на выходе – недостаток мобильности работников, их способности в случае необходимости сменить род работы. Такие возможности предоставляет лишь длительное или общее образование.

С признанием важности цифровизации, а с ней и знаний для роста экономики и для европейской интеграции, возрастает роль отдельных направлений политики государства – его расходов на НИР, защиту интеллектуальной собственности, и главное – инвестиций в человеческий капитал. Реформы профессиональной переподготовки взрослых, пенсионного обеспечения призваны путём повышения качества человеческого капитала стимулировать рост экономики в долгосрочной перспективе, расширить возможности поддержки занятости⁹⁰.

Внешний фактор – развитие мировой торговли, и внутренний – продолжение реформ налоговой сферы и рынка труда, должны поддержать во Франции экспорт, частные и государственные инвестиции. Для того чтобы просто удержать существующие позиции в мировой экономической «табели о рангах», Франции, как и её партнёрам по ЕС, предстоит приложить немалые усилия. Здесь свою роль призвана сыграть поддержка государства.

Президент Э. Макрон спешит провести необходимые Франции экономические реформы. Благодаря оптимистичным ожиданиям бизнеса, устойчивому внешнему спросу, темпы прироста ВВП Франции, по оценкам ОЭСР, могут составить 2% в 2018 г. После ряда лет сокращений рост государственных инвестиций, экспорта ЕК предполагается повышение глобального

mériques, ainsi que la dimension européenne de l'enseignement. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-18-102_fr.htm.

⁹⁰ France. OECD Economic Outlook. 2018. Iss. 1. Preliminary Version. P. 144. URL: <http://www.oecd.org/eco/outlook/economic-forecast-summary-france-oecd-economic-outlook.pdf>.

спроса и сокращение безработицы (с 9,4% в 2017 г. до 8,9% в 2018 г.). Однако темп и даже приоритеты реформ может сбить волна популизма вроде социально-сетевое движение «жёлтых жилетов»⁹¹, которая уже нанесла прямой ущерб экономике страны (косвенный предстоит ещё оценить) в миллионы евро.

Можно сказать, что во Франции появление в 2018 г. «жёлтых жилетов», как и движения Макрона «Вперёд, Республика!» в 2017 г., закрепляет новое явление политической жизни, связанное с переносом центра тяжести политической борьбы из партийной среды в сферу интернета.

*Е.М. Черноуцан**

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ Э. МАКРОНА: ВОЗВРАЩЕНИЕ ДИРИЖИЗМА?

Развитие науки и инноваций – стратегический приоритет государственной политики президента Э. Макрона. Именно с успехами Франции в новых высокотехнологичных областях XXI в. связывают экономический рост и промышленное возрождение страны.

Инновационная политика Э. Макрона – амбициозна и парадоксальна. На всех этапах её реализации проявляется симбиоз нелиберальных и дирижистских идей молодого президента. В центре внимания Э. Макрона – выбор национальной научно-технологической стратегии и модели развития Франции. Перед ним стоит решение многих актуальных для страны задач: серьёзное отставание Франции от мировых лидеров по ряду направлений передовых технологий, несовершенство механизма стимулирования инновационной деятельности промышленных предприятий (особенно малых и средних), приватизация крупных

⁹¹ См. подробнее: Клинова М.В. «Жёлтые жилеты» – чёрные лебеди Макрону. Президент Франции платит по счетам предшественников. Независимая газета. 02.12.2018. URL: http://www.ng.ru/kartblansh/2018-12-02/3_7453_kartblansh.html.

* Черноуцан Елена Михайловна, к.э.н., с.н.с. НИ ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, доцент Московского государственного лингвистического университета.

научноёмких компаний, создание эффективно работающих кластерных структур, активизация стартапов, борьба с «утечкой умов» из страны и пр.

В новых геополитических условиях усиления тенденций экономического протекционизма (политика Д. Трампа, Китая и др.) и раскола Европейского союза (брекзит и др.) Э. Макрон вынужден усилить дирижистскую составляющую своей политики. «Второй период «Тридцати славных лет», – справедливо отмечает профессор Лозаннского Университета С. Гарелли, – закончился. С падения Берлинской стены мир в течение тридцати лет узнал беспрецедентное открытие мировых рынков. Сегодня открывается новая эра – эра экономического дирижизма»⁹². На повестке дня правительства Франции – активизация политики технологического протекционизма. В частности, Э. Макрон – один из инициаторов усиления налоговой нагрузки на американские компании группы *Gafa* (*Google, Apple, Facebook, Amazon*). С 1 января 2019 г. во Франции вводится налог на торговый оборот данных компаний, что, по оценкам экспертов, должно принести в казну Франции около 500 млн евро⁹³.

Э. Макрон, как и все президенты Пятой Республики, – верный последователь дегаллевского курса национальной безопасности (экономической, энергетической, технологической и пр.) и его важнейшего принципа – стремления к тому, чтобы наиболее передовая промышленная технология была под прямым контролем государства. Развитие ядерных технологий как основа энергетической независимости и конкурентоспособности Франции – ключевой приоритет инновационного курса Э. Макрона. Франция была и остаётся «ядерной монархией»⁹⁴, несмотря на резкое снижение интереса в Западной Европе к атомной энергетике. Согласно планам Э. Макрона, доля ядерной энер-

⁹² Garelli Stéphane. Et maintenant, l'ère du dirigisme. URL: <https://www.letemps.ch/economie/lere-dirigisme> (дата обращения 23 декабря 2018 г.).

⁹³ Google, Apple, Facebook, Amazon et les autres géants du numérique seront taxés dès 2019. URL: <https://www.gouvernement.fr/google-apple-facebook-amazon-et-les-autres-geants-du-numerique-seront-taxes-des-2019> (дата обращения 15.01.2019 г.).

⁹⁴ Первая страна в мире по доле ядерной энергетики в электробалансе страны и вторая (после США) по количеству ядерных станций.

гии в электробалансе страны должна снизиться к 2035 г. только до 50%. (2019 г. – 75%)⁹⁵. По оценкам экспертов, в 2019 г. ожидается возрастание доли государства в капитале крупнейшей компании *Électricité de France (EDF)*, на конец ноября 2018 г. она составляет – 83,7%⁹⁶.

Программа приватизации крупных компаний, реализуемая правительством Э. Макрона, по сути означает новый этап взаимоотношений между государством и частным капиталом. Как в годы правления Ф. Миттерана или Ж. Ширака, государственная власть берёт в свои руки сам ход приватизации, определяет условия, структуру капитала и механизм передачи активов, и рассматривает этот процесс не как идеологический, а как рабочий инструмент экономической политики для повышения эффективности национального хозяйства в данных конкретных исторических условиях⁹⁷.

Например, использование приватизации как инструмента активизации инновационного процесса. В начале 2018 г. был создан специальный «Фонд для развития инноваций и промышленности» (*Le Fonds pour l'innovation et l'industrie*) в 10 млрд евро, основная цель которого – финансовая поддержка инновационной деятельности частных компаний (особенно стартапов) за счёт доходов государства, полученных в результате приватизации от продажи своих долей в компаниях, а также за счёт дивидендов от участия государства в предприятиях с государственным капиталом (*Airbus, EDF, Renault, Safran* и др.).

⁹⁵ Le Billon VéroniqueNucléaire: le virage à pas comptés d'Emmanuel Macron. URL: <https://www.lesechos.fr/industrie-services/energie-environnement/0600226983634-macron-trace-sa-feuille-de-route-pour-le-nucleaire-et-les-energies-vertes-2225125.php> (дата обращения 04.01.2019 г.).

⁹⁶ Montée de l'État au capital d'EDF: la décision sera prise «courant 2019». URL: <https://www.latribune.fr/entreprises-finance/industrie/energie-environnement/edf-doit-reflechir-a-une-evolution-de-sa-structure-dit-de-rugy-798943.html> (дата обращения 04.01.2019 г.).

⁹⁷ Национализация крупных компаний и институт государственных предприятий также являются во Франции важными инструментами государственной научно-технологической политики, особенно в условиях экономических кризисов или структурной перестройки хозяйства. Во времена «Тридцати славных лет» именно на государственные предприятия возлагалась роль инициатора модернизации промышленного производства и технологических перемен в стране.

Не стоит также забывать, что в современных условиях «экономики знаний» и цифровых технологий важнейшим элементом государственной промышленной и инновационной политики становится защита экономической и технологической информации (*l'intelligence économique*), а также кибербезопасность. И даже тот факт, что более 90% её находится в открытом доступе (Интернет, конференции, публикации и пр.) она требует протекционистских мер со стороны государства, которое не только выступает как защитник, но и обеспечивает для предприятий доступ к информационному пространству (знаниям, технологиям, *noу-hаu*). Эти области – в центре особого внимания правительства Э. Макрона.

Франция и во времена правления Э. Макрона остаётся страной «целеориентированного» (*mission-oriented*)⁹⁸ типа научно-технологического развития, в которой основные национальные усилия концентрируются на специальных государственных стратегических крупномасштабных программах. Именно с реализацией этих программ тесно увязывается решение проблем национальной безопасности, экономического развития, престижа и развития научно-технологического потенциала страны.

В период своей министерской деятельности, когда Э. Макрон возглавлял Министерство экономики, промышленности и цифровых технологий (2014–2016 гг.), верх одерживали его неолиберальные идеи. Следуя, неоклассическому подходу, где ключевая роль государства – создание оптимальных условий для рыночных отношений, свободы конкуренции и предпринимательства, он проводит ряд конкретных мер по стимулированию инновационной активности частного бизнеса⁹⁹. Став президентом, Э. Макрон берёт на вооружение дирижистскую логику «Больших программ» периода «Тридцати славных лет», основанную на целенаправленном административном регулиро-

⁹⁸ Согласно распространённой в западной литературе, классификации Эргаса (Ergas H). См.: Ergas H. *The importance of Technology Policy*. Dasgupta & Stoneman, *Technology Policy and Economic Performance*, Cambridge 1987.

⁹⁹ Например, с апреля 2015 г. во Франции вводится новый режим ускоренной сверхамортизации (*«suramortissement»*), позволяющий списывать предприятиям до 140% стоимости своего старого оборудования и направлять полученные средства на модернизацию основных фондов.

вании национального хозяйства. Именно на основе этой логики были построены новые стратегические научно-технологические и промышленные программы последних десяти лет¹⁰⁰. Данный курс практически полностью поддержал и продолжил Э. Макрон, став президентом.

Правительство Э. Макрона приняло дирижистскую эстафету. В добавление к этим программам оно объявило в начале 2018 г. «Большой инвестиционный план» на 2018–2022 гг. («*Le Grand Plan d'investissement*»), а также разработало стратегический План действий по развитию и трансформации предприятий, т.н. *Le Pacte*¹⁰¹. *Le Pacte*, по замыслу государственных властей, «должен стать новым этапом в экономической трансформации Франции. Его главная цель – сделать предприятия более свободными, лучше финансируемыми, более инновационными и более справедливыми»¹⁰². Один из важнейших пунктов *Le Pacte* – заново определить роль государства в экономике и его основных миссий. Согласно Плану, «усиливается роль государства как защитника национального суверенитета, в связи с этим оно должно остаться в капитале крупных компаний стратегических областей (оборона, ядерная энергетика), также усиливается его регулирующая роль в приватизации, которая должна происходить под его непосредственным контролем»¹⁰³.

Верный принципам дирижизма, Э. Макрон отводит государству ведущую роль в организации, координации, финансировании и реализации новых стратегических программ по инновационной модернизации национального хозяйства. Государство оп-

¹⁰⁰ Речь идёт о долгосрочной инвестиционной программе «Инвестиции в будущее» («*Investissements d'avenir*»), 2010 г. и программе по модернизации промышленности «Новая индустриальная Франция» («*La Nouvelle France industrielle*», 2013).

¹⁰¹ *Le Pacte* (*Le Plan d'action pour la croissance et la transformation des entreprises*) был предложен в октябре 2017 г., одобрен в Парламенте в октябре 2018 г., с начала 2019 г. начнёт действовать.

¹⁰² Bruno Le Maire, Delphine Gény-Stephann. *PACTE, le plan d'action pour la croissance et la transformation des entreprises*. URL: <https://www.gouvernement.fr/action/pacte-le-plan-d-action-pour-la-croissance-et-la-transformation-des-entreprises> (дата обращения 02.12.2018 г.).

¹⁰³ *Les cessions de participations publiques Juin 2018*. URL: <https://www.gouvernement.fr/sites/default/files/contenu/piece-jointe/2018/06/bro-18-24-pacte-privat-web.pdf> (дата обращения 05.10.2018 г.).

ределяет приоритеты и основные точки роста. Если во времена «Тридцати славных лет», когда были заложены основы современного научно-технологического потенциала Франции, локомотивами роста стали такие стратегические секторы, как ядерная энергетика, космос, авиастроение телекоммуникации, то сегодня в планах правительства Э. Макрона – новейшие прорывные технологии XXI в. (цифровые технологии, искусственный интеллект, наноэлектроника пр.). Кроме того, приоритетными становятся технологии, которые должны способствовать решению основных социально-экономических проблем, стоящих перед Францией: изменение климата, загрязнение окружающей среды, медицина будущего, освоение новых видов энергии, новые виды транспорта, освоение цифровых технологий и др. Особо важное место среди приоритетных направлений занимают цифровые технологии. Именно в этом Франция, несмотря на значительные успехи и достижения в таких областях как математика и инженерные науки, имеет много нерешённых проблем.

Среди инструментов реализации стратегических планов и приоритетов правительства Э. Макрона особое место занимают специализированные инновационные кластеры, т.н. «полюса конкурентоспособности» (далее ПК)¹⁰⁴, которые начали формироваться во Франции с 2004 г. На сегодняшний день (конец 2018 г.) их 66, они охватывают практически все секторы национального хозяйства от традиционных до новейших. Главная цель данных сетевых структур – создать благоприятную среду для активизации взаимодействия между основными участниками инновационного процесса (или инновационной «экосистемы»).

Опыт Франции в области ПК – весьма нехарактерен для развитых индустриальных стран. Вдохновившись успехом калифорнийской модели Силиконовой долины (*Silicon Valley*), меж-

¹⁰⁴ В официальной трактовке ПК (*les rôles de compétitivité*) – это объединение на определённой территории различного рода предприятий (независимо от размера и сферы деятельности), научно-исследовательских и образовательных учреждений вокруг совместных проектов с сильной инновационной составляющей и общей стратегией развития. Данное партнёрство тесно связано с рынком, привязано к определённому научно-технологическому направлению и нацелено на поиск той критической массы, которая ведёт к конкурентоспособности и международной значимости страны.

дународным эталоном кластерной политики, основанной на частной инициативе, Франция строит свою дирижистскую кластерную модель, где государство играет решающую роль в организации, управлении и финансировании ПК. В результате ПК как сетевые структуры, функционирующие по своей природе на основе логики горизонтального добровольного взаимодействия, включаются в иерархическую систему вертикальных связей стратегических программ.

Каждая фаза развития ПК, по сути, отражает эволюцию приоритетов государственной инновационной политики. Например, на новом четвёртом этапе развития ПК (2019–2022 гг.) – ставка на исследования и технологии прорывного характера, увязка национальных проектов с европейскими проектами в рамках «*Horizon 2020*». В ближайших планах Э. Макрона – провести кардинальную реформу в области ПК. Однако речь не идёт об уменьшении государственного вмешательства в развитие данных сетевых структур. Пока ясно проявляются такие направления: значительное сокращение числа ПК, расширение полномочий региональной власти в области их регулирования и финансирования.

Об укреплении дирижистской составляющей инновационной политики Э. Макрона свидетельствует и появление новых государственных институтов по её определению и осуществлению. В духе французских административных традиций 18 июля 2018 г. правительство создало специализированный межминистерский орган – Совет по инновациям (*Le Conseil de l'innovation*), возглавляемый Министром высшей школы, науки и инноваций и Министром экономики и финансов. Главная миссия Совета – координация усилий в области государственной инновационной политики и руководство «Фондом для развития инноваций и промышленности». Основной приоритет – поддержка прорывных технологий.

Э. Макрон хорошо понимает основные болевые точки сферы науки и инноваций современной Франции:

- недостаточный уровень коммерциализации результатов перспективных научных исследований;
- слабая степень взаимодействия промышленности со сфе-

рой науки и высшей школой;

- недостаточная включённость малых и средних предприятий в инновационный процесс;

- низкий уровень выживаемости молодых высокотехнологичных компаний – стартапов (start-up);

- и наконец, наличие серьёзных административных, институциональных, финансовых и экономических барьеров для инновационной деятельности частного бизнеса.

В духе неолиберальных идей Э. Макрон делает решительные шаги по созданию более благоприятных условий для инновационной деятельности в стране. В частности, облегчает налоговый режим для предпринимателей. Отменяется налог на состояние (ISF – Impôt sur la fortune), от которого отказалось большинство развитых индустриальных стран, сокращается традиционно высокая ставка налога на компании (IS – Impôt sur les sociétés) с 33,3 до 25% (к 2022 г.). Правда, отмена налога на состояние носит половинчатый характер – из предмета обложения выводятся только все движимые активы, а недвижимость остаётся.

Кроме того, правительство берёт курс на упрощение административного режима для предпринимательской и инновационной деятельности. Франция остаётся самым «зарегламентированным» государством среди развитых индустриальных стран. Согласно последним оценкам Всемирного экономического форума, в 2016 г. среди 137 стран Франция занимала 115 место по критерию «административная нагрузка на предприятия»¹⁰⁵. Один из пунктов программы Э. Макрона – ежегодное сокращение рабочих мест чиновников на 12000 ед., чтобы довести их общую численность к 2022 г. до 50000. Однако недаром Э. Макрона называют «Президентом чиновников». Пока за время его правления государственная служба потеряла только 4500 ставок¹⁰⁶.

В политике Э. Макрона на сегодняшнем этапе явно доминирует дирижистский подход. Насколько он оправдан и насколько

¹⁰⁵ The Global Competitiveness Report 2017–2018. Geneva: World Economic Forum, 2017. P. 121.

¹⁰⁶ Verhaeghe Eric. Budget: Macron sous la coupe des hauts fonctionnaires. URL: <https://www.contrepoints.org/2018/08/27/323525-budget-macron-sous-la-coupe-des-hauts-fonctionnaires> (дата обращения 23.12.2018 г.).

ко он окажется эффективным, пока сказать трудно. Как справедливо отмечал известный французский экономист в интервью журналу «Стимул» Жак Сапир: «Неолиберальный подход доминировал как в годы правления Николя Саркози, так и сменившего его Франсуа Олланда, и он оказал крайне негативное влияние на эффективность инновационной политики в этот период. Французское государство по своей воле приостановило дальнейшую реализацию многих масштабных национальных проектов, отказалось от общего регулирования финансовой системы, но не смогло взамен предложить никакие эффективные рыночные механизмы или инструменты, способные заполнить образовавшиеся в результате этих действий бреши в инновационной системе»¹⁰⁷.

Сегодня Франция занимает весьма скромные позиции по инновационному развитию относительно своих основных конкурентов и находится в группе «последователей» (innovation followers). Согласно последнему рейтингу «Мирового инновационного индекса» в 2017 г. среди 126 стран она занимает 16-е место по общему инновационному развитию, в том числе 58-е – по инвестированию в основной капитал, 49-е – по финансированию научных исследований иностранным капиталом, 34-е – по научному сотрудничеству промышленности с университетами, 79-е – по лёгкости получения кредита¹⁰⁸.

Страна продолжает жить в достаточно жёстких экономических условиях. Хронический значительный дефицит государственного бюджета¹⁰⁹, высокий уровень государственного долга (2017 г. – 98,9% от ВВП), по оценкам экспертов, представляет «серьёзный барьер для свободы действий правительства и угрожает суверенитету Франции»¹¹⁰.

¹⁰⁷ Ивантер А., Оганесян Т. Острый галльский смысл инноваций. URL: <https://stimul.online/articles/interview/ostryy-gallskiy-smysl-innovatsiy/> (дата обращения 01.12.2018 г.).

¹⁰⁸ The Global Innovation Index. Country/Economy Profiles. 2018. P. 255.

¹⁰⁹ Одно из программных целей Э. Макрона – доведение показателя дефицита государственного бюджета за период 2018–2022 гг. до нормального (ниже 3% от ВВП).

¹¹⁰ Dépense publique: quell(s) défi(s) pour la France. URL: <https://www.fondationconcorde.com/dépense-publique-quels-défis-pour-la-france/> (дата обращения 08.01.2019 г.).

РЕФОРМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ 2018 г.: ЗА И ПРОТИВ

У французов имеются весомые основания гордиться своей системой университетского образования: высшие учебные заведения Франции – одни из старейших в Европе, образование в стране бесплатно, широко доступно для всех граждан без различия дохода и социальной группы, и вместе с тем оно является качественным и престижным, эффективно соединяет в себе научные школы с мировым именем и методики преподавания. Образование для француза – не привилегия, а преподаватель – не поставщик услуг. Доступность образования – символ общества равных возможностей, созданного благодаря французским демократическим традициям. На сегодняшний день в университетах Франции созданы сильные профсоюзы преподавателей и студенческие организации, весьма требовательные, готовые себя защитить и всегда остро реагирующие на все действия правительства. Те привилегии, которыми сегодня обладают французские университеты, достались им в ходе долгих лет борьбы. Вторая половина XX и начало XXI в. прошли под знаком неоднократных глубоких реформ университетов, катализатором которых стали студенческие волнения «красного мая» 1968 г. После студенческих протестов в 1969 г. были проведены реформы бывшего премьер-министра Эдгара Фора, предоставившие автономии университетам и самоуправление факультетам, соединившие учебный процесс с научными исследованиями для большей применимости выпускников в профессии. Эта реформа была углублена в 1984 г. законами министра экономики Алена Савари. В 2007–2008 гг. президент Николя Саркози обнародовал скандально знаменитый закон об автономии университетов – ультралиберальный проект, согласно которому университеты могли получать финансирование и взаимодействовать с бизнес-

* Уварова Мария Александровна, к.и.н., доцент кафедры истории и географии зарубежных стран Московского государственного лингвистического университета.

структурами для повышения своей эффективности. Закон встретил отпор ряда левых студенческих и преподавательских сообществ, ибо они видели в нём путь к коммерциализации образования и передачи его в частные руки. В 2018 г. университетское сообщество Франции встретило новое испытание – проект радикальной реформы системы высшего образования.

Баланс демократичности и элитарности в университете остаётся предметом дискуссий и острым вопросом для государственной политики. И этот баланс сегодня стал частью неолиберально-центристской политической повестки президента Э. Макрона. Иными словами, новое законодательство стремится сделать университет менее доступным, более закрытым, и тем самым, по мнению нынешних и будущих студентов, превратить его в некий сословный институт для избранных.

В чём сущность нового закона? Он известен как «закон Видаль» (по имени министра высшего образования Фредерик Видаль). Закон предполагает принципиальную реформу системы поступления в университет и, соответственно, школьного аттестата. Французская система поступления в университет устроена следующим образом: после окончания средней школы (коллёжа) те, кто желает получить высшее образование, поступают в лицей, где ученики выбирают узко специализированное направление – интересующие их предметы, которые они будут углублённо изучать и сдавать на выпускных экзаменах. Предполагается, что по этому же направлению лицейст будет продолжать обучение в университете. После окончания лицея ученики сдают выпускные экзамены (baccalauréat, bac) и выбирают, какой тип высшего образования их интересует – университеты или высшие школы.

Высшие школы – национальная «кузница» элит политики и бизнеса, поступление туда и обучение сложнее, чем в университете, а диплом – престижнее. Все будущие студенты понимают кастовость высших школ: и для большинства из них университет становится намного более доступным – тем более что качество образования в нём не хуже. Имея диплом об окончании лицея, поступить в университет очень просто – нужно лишь прийти и записаться на интересующий курс и бесплатно учиться. Ус-

певаемость в лицее не имеет значения – следовательно, слабый студент может столкнуться с большими трудностями учебного процесса и добровольно отчислиться после первого же года. Слабая сторона такой системы («пришёл и записался») в том, что на первый курс зачастую попадают случайные, не мотивированные студенты, не выдерживающие требования к успеваемости, поэтому отсеб после первого курса составляет до 60%. Преподаватели также не любят преподавать на первом курсе, считают это для себя унижительным, ибо приходится иметь дело со случайными студентами, а не с избранными, прошедшими конкурс.

Ф. Видаль хочет изменить эту систему. Её закон создаёт платформу Parcoursup, которая является механизмом отбора учеников после окончания лицея, оценивает успеваемость выпускников и вносит некоторые корректировки в систему обучения в лицее. Завершающая часть Parcoursup – Sélection – непосредственный отбор поступающих в университеты. Именно такой принцип отбора вызывает возмущение у левых студентов и преподавателей. Однако нельзя сказать, что в университетах Франции отсутствует принцип отбора – он есть, но не на входе, а в процессе обучения. Левые студенты считают эту устоявшуюся традицию справедливой – ведь благодаря ей вход в университет свободен для каждого. Однако консервативная часть университетского сообщества уверена, что отбор на входе повысит качество обучения, облегчит преподавание, повысит престиж диплома: и ради этого стоит пожертвовать демократичностью. Университет, таким образом, станет привилегией, высшее образование утратить массовость. Левые на это возражают, что подобные ограничения лишат молодого индивида выбора: если раньше на первом курсе он мог попробовать и убедиться, что ему следует или не следует продолжать обучение по данному направлению или оставить университет вообще, то отныне перед ним ставят жёсткие условия – либо ты проходишь путь студента до конца, либо путь в университет для тебя закрыт. Ещё один момент, раздражающий лицеистов и студентов – это заложенная в реформе невозможность сменить специализацию при поступлении в университет: предлагается отныне брать на факуль-

теты студентов только по принципу их лицейской специализации (углублённо изучавших литературу – только на филологический факультет и т.п.).

Будущие студенты недовольны тем, что университеты будут «закулисно» определять достойных поступления¹¹¹. Требования к абитуриентам будут сформированы на национальном уровне, но по факту будут варьироваться в зависимости от университета, а значит, не будут едиными. Это, как считают профсоюзы, ещё один шаг в сторону приватизации университетов. При всём огромном количестве выпускников, они не могут найти работу в университете – сохраняется перенасыщение рынка высококвалифицированными специалистами. Левые активисты считают, что необходимо сосредоточить усилия на создании большего количества рабочих мест преподавателей, однако вместо увеличения финансирования университетов правительство лишь поспособствует росту неравенства между студентами. Тем самым высшее образование превратится в рынок, а не в право каждого.

Недовольство лицеистов вызывает и реформа бакалавриата, которую курирует министр народного образования Ж.-М. Бланкер. Цель реформы – упрощение получения диплома бакалавра. Большое количество экзаменов планируется сократить до четырёх (вместо 12) и устранить из их числа многие научные специальности, которые оказались бы полезными для поступления в университет. Таким образом, диплом бакалавра утратит свой престиж и снизится до уровня простого школьного аттестата, а студента будет ждать двойная экзаменация – на выходе из лицея и при входе в университет¹¹².

Преподаватели критически оценивают систему конкурсного отбора – они уверены, что она создаст им дополнительную бумажную работу, ведь им предстоит разделять заявки студентов на несколько групп. Кроме того, они считают такой принцип отбора необъективным: если раньше, в ходе непосредствен-

¹¹¹ Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/campus/article/2018/01/21/comment-les-universites-vont-trier-les-lyceens_5244766_4401467.html.

¹¹² Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/education/article/2018/01/31/refor-me-du-bac-ce-qu-en-pensent-les-lyceens_5249703_1473685.html.

ного обучения, оценивались конкретные навыки и способности студента-первокурсника, то отныне будут оцениваться лишь его «надежды, потенциал и стремление реализовать свои желания»¹¹³.

Кому выгодна эта реформа и кто её поддерживает? В первую очередь, руководство университетов: оно заинтересовано в отсеве неблагополучных студентов. Президенты университетов отметили, что эта реформа поможет слабым студентам подтянуться и повысит профессиональный уровень выпускников. Некоторые преподаватели, придерживающиеся право-либеральных взглядов, уверены, что система отсева на входе облегчит им работу – они будут уже с первого курса учить не всех подряд, не случайных слушателей, но будущих профессионалов, людей, осознанно и целенаправленно выбравших ту или иную специальность. Таким образом, уже не только высшие школы, но и университеты начнут формировать интеллектуальную и политическую элиту нации, а не просто дипломированных специалистов.

В итоге, реформу университетского образования её противники расценивают как часть общей либеральной политики Макрона, направленной на сокращение социальных гарантий со стороны государства и провоцирующей углубление неравенства. Мера грозит разрушением национального достояния Франции – системы бесплатного, доступного и вместе с тем качественного и престижного образования. Доступ к образованию станет привилегией, достоянием «избранных». Очевидно, что молодое поколение французов отворачивается от президента, политика которого, на взгляд протестующих, носит откровенно классовый характер. Протесты лицеистов и студентов влились в общее недовольство среднего класса социально-экономической политикой Макрона и стали частью массовых протестов «жёлтых жилетов» конца 2018 г. Ситуация на первый взгляд сильно напоминает столь же масштабные волнения 1968 г., коснувшиеся и студентов, и рабочих, и средний класс. Сумеет ли

¹¹³ URL: <https://francais.rt.com/france/49847-orientation-etudiants-pourquoi-loi-ore-souleve-opposition-decryptage?fbclid=IwAR2aHILjPyTKaKVEMK-i3yuzXVBw6TZCbERoE19tDqFgYw0wmMAKrbSvzQ>.

нынешний президент проявить такую же гибкость и готовность к компромиссам, показать столь же трезвое понимание положения, как президент де Голль полвека назад?

*А.С. Сидоров**

ЭРА МАКРОНА И ВРЕМЯ ДЕ ВИЛЬЕ?

Первым серьёзным политическим испытанием для новоизбранного президента Э. Макрона стал его конфликт с начальником Главного штаба Вооружённых сил Франции генералом П. де Вилье¹¹⁴. Конфликт, для многих неожиданный, сам Макрон хотел представить, как малозначимый эпизод, о котором стоит поскорее забыть. При этом он, сам не служивший в армии, не учёл, что этот институт Пятой республики был и остаётся во Франции наиболее уважаемым и пользуется устойчивой поддержкой в обществе, в отличие от политиков, которые сегодня такой поддержки не имеют.

Конфликт, однако, бросил тень на имидж Макрона. Генерала, отправленного в отставку в июле 2017 г., в ноябре 2018 г. упоминали в среде развернувшегося во Франции движения «жёлтых жилетов» как потенциального премьер-министра, вместо Э. Филиппа. Премьер-министр, в соответствии с традициями Пятой республики, в кризисный период во многом принял на себя раздражение гражданского общества, спровоцированное в данном случае экономическими реформами президента и правительства.

Обстоятельства разногласий генерала де Вилье с президентом Макроном в своё время получили широкую огласку. В ходе предвыборной кампании и уже став президентом, Макрон неоднократно заявлял о необходимости увеличить финансирование вооружённых сил, постепенно доведя его к 2025 г. до 2% ВВП.

* Сидоров Александр Сергеевич, н.с. Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН.

¹¹⁴ См. подробнее: Сидоров А.С. Оборона и безопасность: новый президент – старые вызовы. Франция при президенте Эммануэле Макроне: в начале пути. Отв. ред.: М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, Ю.И. Рубинский, П.П. Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 193-199.

Реализация такой задачи предполагала постоянное, нарастающее выделение средств. И это – на фоне поставленной им же другой задачи – сократить дефицит госбюджета до 3%, в соответствии с правилами Евросоюза (что позволяет, в частности, на выгодных условиях осуществлять нужные для страны займы на внешних рынках).

Для сокращения бюджетного дефицита (задачи, по мнению главы государства, более высокого порядка по сравнению с нуждами армии) было решено в рамках «межминистерской солидарности» в 2017 г. на 850 млн евро сократить и без того скудные, как считал начальник Главного штаба Вооружённых сил генерал П. де Вилье, военные ассигнования. Отметим, что проблемы в армии, масштабы которых хорошо представлял себе де Вилье, накапливались десятилетиями. Генерал неоднократно и откровенно говорил об этом на слушаниях в парламенте страны. При предыдущем президенте Ф. Олланде (и только после терактов 2015 г.) удалось лишь затормозить негативные тенденции хронического недофинансирования армии. Де Вилье тогда резко выступил против сокращения военного бюджета, поставив под сомнение обоснованность столь жёстких его ограничений.

Заочная полемика с президентом привела к скандальному решению об отставке авторитетного военачальника – случай беспрецедентный в истории Пятой республики. И хотя Э. Макрон подчёркивал, что меры экономии в 2017 г. коснулись *всех* министерств, а оптимизация государственных расходов законна и не подрывает боеспособности войск, его решение породило чувство насторожённости профессиональных военных в отношении политиков.

Отправленный в отставку после 43 лет службы в армии, популярный генерал П. де Вилье (потомственный аристократ, младший брат Ф. де Вилье, политика с консервативно-традиционалистскими взглядами, основавшего в 1994 г. правую партию суверенистского толка «Движение за Францию») получил редкую для военного возможность изложить свои мысли по поводу устройства общества, роли в нём армии. П. де Вилье использовал эту возможность, опубликовав с интервалом в один год две книги.

Уже первая его книга «Служить» (Servir), которая увидела свет в ноябре 2017 г., имела оглушительный успех и разошлась тиражом в 140 тыс. экземпляров. Вторая – «Каким должен быть руководитель» (Qu'est-ce qu'un chef?) – вышла в свет в ноябре 2018 г. И хотя, по утверждению автора, книга не направлена против Макрона или какого-либо другого политика, заголовок и содержание порождают у читателя определённые коннотации с действующей властью. Книга вызвала интерес аналитиков и прессы ещё и потому, что хронологически совпала с выступлениями «жёлтых жилетов», и внимание в ней обращено на необходимые качества и роль руководителя, прежде всего в кризисных ситуациях. Ситуация кризиса власти (crise de l'autorité) во Франции требовала, более быстрой реакции на события.

Де Вилье выделяет важность личного примера руководителя любого ранга или рода занятий и ссылается на маршала Франции Ю. Лиоте (1854–1934). Настало время, пишет П. де Вилье, оценивать общественную роль руководителя, начальника, прежде всего исходя из его умения руководить собой¹¹⁵. Ключевая мысль де Вилье – как восстановить потерянное сегодня доверие граждан к власти.

Подчёркивая, что остаётся военным человеком и не является политиком, генерал де Вилье в ряде интервью раскрывает свои представления о характере власти, о переходной эпохе, которую, по его мнению, переживает Франция. Что касается «жёлтых жилетов», они, с точки зрения де Вилье, представляют собой не общественное движение, а являются проявлением системного кризиса западного общества. В основе этого кризиса – глубокое недоверие между теми, кто принимает решения, и теми, кто их исполняет, и применимо это не только к Франции. Доверие, с его точки зрения, создаётся на промежуточных уровнях властной вертикали, путём разумного делегирования полномочий. Де Вилье считает чрезвычайно опасным то, что наблюдается у «жёлтых жилетов», которые не приемлют никаких ограничений. В целом понимая причины их возмущения, он решительно осуждает проявления насилия со стороны «жёлтых жилетов» в Париже и ряде городов Франции.

¹¹⁵ Villiers P. de. Qu'est-ce qu'un chef? P.: Fayard, 2018. P. 18.

Де Вилье констатирует, что граждане Франции задавлены налогами, бюрократией. Это углубляет пропасть между государством и обществом. Задачу власти де Вилье видит не в том, чтобы отдавать распоряжения, а в том, чтобы поддерживать порядок, не подменяя власть авторитаризмом. Власть для де Вилье – это, прежде всего, служба. Однако государство, представленное чиновничеством, «больше не находится на службе у Нации, это Нация – на службе у Государства. А должно быть наоборот»¹¹⁶, подчёркивает он в интервью влиятельной Ассоциации в поддержку французской армии (*L'association de soutien à l'armée française, ASAF*).

Власти не следует забывать, считает де Вилье, что в центре её внимания должен находиться человек, и это необходимо учитывать при формировании элит. Именно забота о человеке служит мерилom эффективности власти, а не только соображения экономического и финансового порядка. Большую опасность для власти де Вилье усматривает и в преобладании тактического, а не стратегического мышления, когда краткосрочные задачи заслоняют долгосрочные цели.

По признанию П. де Вилье, на формирование его мировоззрения и выбор военной карьеры оказали влияние мысли, изложенные в книге маршала Ю. Лиоте «Общественная роль офицера». Впервые опубликованная в 1891 г., работа Лиоте, по мнению де Вилье, по-прежнему сохраняет актуальность. Среди прочих, в ней Лиоте выдвигает «плодотворную идею» (*féconde idée*) об особой роли в современном обществе офицера как «воспитателя нации»; о необходимости обязательной воинской службы, которую не следует воспринимать как «достойный сожаления» перерыв в занятиях¹¹⁷.

Отметим как совпадение, что упомянутая идея маршала Лиоте перекликается с выраженным в предвыборной речи Макрона 18 марта 2017 г. намерением ввести для молодёжи в возраст

¹¹⁶ Autorité: «Le chef est toujours menacé par l'abus de pouvoir». URL: <https://www.asafrance.fr/archives/resultats-de-recherche-archives/item/autorite-le-chef-est-toujours-menace-par-l-abus-de-pouvoir.html>.

¹¹⁷ Maréchal Hubert Lyautey. Le rôle social de l'officier. *Theatrum Belli*, 2012. P. 16, 18.

те от 18 до 21 года обязательную и всеобщую воинскую службу (service national universel, SNU) продолжительностью 1 месяц. Реализация этого начинания столкнулась со значительными организационно-техническими и финансовыми проблемами.

Спровоцированный «жёлтыми жилетами» кризис, по различным оценкам, нанёс урон экономике страны на сумму от 2,2 до 4,4 млрд евро и сказался также на финансировании армии. Уже в ноябре 2018 г. министр обороны Ф. Парли не исключала секвестра текущего оборонного бюджета. У самого П. де Вилье наибольшее беспокойство вызывает судьба программы финансирования армии на 2019–2025 гг., в которой был предусмотрен прирост оборонного бюджета на 1,7 млрд евро в год до 2022 г., и на 3 млрд евро ежегодно – до 2025 г. Его опасения имеют под собой основания.

Преемник де Вилье на посту начальника Главного штаба Вооружённых сил Франции генерал Ф. Лекуэнтр столкнулся с прежними нерешёнными проблемами, в том числе касающимися финансирования внешних операций (opérations extérieures, OPEX), в которых армия Франции сверхзадействована с 2013 г. на ряде театров военных действий (ТВД) (Barkhane, Chammal и др.), а также с 2015 г. – внутренней операции (operation intérieure, OPINT) – Sentinelle.

Уже через два месяца после своего назначения, в сентябре 2017 г., и генерал Лекуэнтр высказался решительно против жёсткого урезания расходов на оборону. Он, как и де Вилье, прекрасно понимает, что сокращение расходов по определённой статье, например, на внешние/внутренние операции, не приведёт к их свёртыванию, но подорвёт финансирование армии в других важных областях: негативно скажется на подготовке войск, стимулирует затягивание сроков поступления на вооружение новой техники, и в конечном счёте – к снижению эффективности расходования государственных средств.

В конце 2018 г. опасения нового начальника Главного штаба материализовались: в рамках общей коррекции госбюджета было решено сократить расходы по статье «Оборона» на 404,2 млн евро. Из них 20 млн евро – по программе 144 (разведка и перспективное прогнозирование); 65 млн евро – по программе

212 (поддержка оборонной политики); но наиболее серьёзное сокращение в 319,2 млн евро предусмотрено по программе 146 (оснащение и поставка вооружений)¹¹⁸.

Правительство второй год подряд не может выполнить обязательства перед военными. Французские эксперты, описывая ситуацию с финансированием армии, употребляют выражение «раздеваем Пьера, чтобы одеть Поля» (в русском варианте – «Тришкин кафтан»). Реальные потребности финансирования, в частности, внешних операций, не уменьшаются и постоянно превышают запланированные бюджетные ассигнования. Отметим, что внешние операции недофинансировались ещё при прежнем министре обороны Ж.-И. Ле Дриане: затраты на проведение внешних операций при заложенных в военном бюджете 450 млн евро стабильно превышали 1 млрд евро¹¹⁹. В 2018 г. сумма, по оценкам, составила более 1,3 млрд евро.

Итак, фактически развивается ситуация, напоминающая ту, которая в июле 2017 г. привела к отставке генерала де Вилье. Генерал де Вилье – популярная фигура в армии, а теперь и в обществе, пока остаётся в тени Макрона, занимается консалтингом (*Boston Consulting Group, BCG*), пишет книги, но может, не желая того, вновь оказаться востребованным уже на политическом ТВД. В самом деле, один из представителей «жёлтых жилетов» с правыми взглядами призывал к отставке действующего премьер-министра и назначению на этот пост П. де Вилье.

Оценивая подобный вариант развития событий, не стоит забывать о специфике мировоззрения П. де Вилье как представителя военного сословия: привнести принципы управления в армии в организацию государственно-политической системы. Заметим, подход небезопасный и обоюдоострый. В случае его реализации существует риск для самих республиканских уровней французского общества.

¹¹⁸ Loi № 2018-1104 du 10 décembre 2018 de finances rectificative pour 2018. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000037789708&dateTexte=&categorieLien=id>.

¹¹⁹ Budget OPEX et Sentinelle: «un coup de poignard aux Armées»! Journal Le Conscrit. 08.11.2018. URL: <https://leconscrit.com/budget-opex-et-opint-un-coup-de-poignard-aux-armees/08/11/2018/>

Э. МАКРОН И ПРИБАЛТИКА

Географически Франция и страны Прибалтики находятся в разных концах Европы. Их политические традиции не схожи. Экономически Франция относится к ведущим экономикам Евросоюза, она производит 15% ВВП ЕС, прибалтийские же страны – малозаметны в европейских экономических процессах, их суммарный вклад в ВВП ЕС составляет 0,60%, то есть даже не дотягивает до 1%¹²⁰. В международной политике Франция – традиционно один из центров силы, а прибалтийские страны никогда таковыми не рассматриваются. Франция – один из учредителей Евросоюза, страны Прибалтики всё ещё считаются «новичками» и формально числятся членами ЕС лишь с 01 мая 2004 г.

Чем же может привлекать исследователей тема Э. Макрона применительно к Прибалтике, тем более что ни для Франции, ни лично для Э. Макрона, как ясно из выше изложенного, поведение прибалтийских политических сил не имеет в европейском пространстве существенного значения?

Прежде всего, Э. Макрон рассуждает о будущем Евросоюза, выдвигает концепции реформирования ЕС, в контексте которого собственно живут прибалтийские республики, будучи дотационными и избегающими самостоятельного функционирования. Другими словами, реформационная деятельность Э. Макрона в ЕС предопределяет перспективы Прибалтики. Здесь прибалтийские республики можно рассматривать расширительно как олицетворение в целом стран подобного масштаба в составе Евросоюза и НАТО.

Когда мы говорим о Э. Макроне, то имеем виду не только особенности его политического стиля, сколько идеи, которые он предлагает, прежде всего, применительно к Евросоюзу, глобаль-

* Оленченко Владимир Анатольевич, к.юр.н., с.н.с. Сектора экономики европейских стран Центра европейских исследований НИ ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

¹²⁰ Сайт Евростата. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=nama_10_gdp&lang=en (доступ 05.12.2018 г.).

ным тенденциям, будущему Франции, отношениям коллективного Запада к России.

Отметим, что в Прибалтике без энтузиазма восприняли победу Э. Макрона на президентских выборах во Франции 7 мая 2017 г. В Литве, наиболее крупной из трёх прибалтийских республик, оценили избрание Э. Макрона весьма индифферентно. Двусторонние литовско-французские отношения носят неинтенсивный характер и Франция не относится к ведущим инвесторам и торговым партнёрам Литвы. Литовские эксперты в связи с победой Э. Макрона сделали прогноз о том, что роль Франции в Евросоюзе будет нарастать, в том числе по причине выхода Великобритании из ЕС, и одновременно следует ожидать французских инициатив по реформированию ЕС¹²¹. Примерно в таком же ключе прозвучали оценки в Латвии и Эстонии, которые были обоснованы аналогичными причинами.

Французы и прибалты мало знают друг друга и не стремятся к взаимному сближению. Круг партнёров Латвии, Литвы и Эстонии, в основном в силу географических и исторических обстоятельств, предопределён, главным образом, странами бассейна Балтийского моря. В этой связи Франция не относится к тем странам, которые интересуются Прибалтикой, и франко-прибалтийские политические и экономические отношения развиты слабо. К примеру, торгово-промышленная палата Франции в Латвии учреждена лишь – в 2016 г.¹²² Другой пример – франко-эстонские отношения, в контексте которых Франция в Эстонии находится 16-м месте по объёму инвестиций. Всего в эстонском бизнес-пространстве представлено около 40 французских компаний¹²³. Аналогичная ситуация наблюдается и в Литве.

Укажем, что более или менее обстоятельное знакомство Э. Макрона с Прибалтикой состоялось почти через год после его избрания на пост президента на четырёхсторонней встрече в Париже (Франция) 9 апреля 2018 г., в которой приняли участие

¹²¹ Сайт новостного прибалтийского порта 24Lt. URL: <http://l24.lt/ru/politika-gu/item/188399-chto-oznachet-pobeda-makrona-dlya-litvy> (доступ 19.12.2018).

¹²² Сайт ТПП Франции в Латвии. URL: <http://ccfe.ee> (доступ 18.12.2018 г.).

¹²³ Сайт МИД Франции. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/estonia/france-and-estonia/> (доступ 27.12.2018 г.).

прибалтийские президенты Раймондас Вейонис (Латвия), Далья Грибаускайте (Литва) и Керсти Кальюлайд (Эстония). Поддержка французским президентом идеи создать собственные европейские вооружённые силы озадачила прибалтов. В частности, президент Литвы назвала такую идею неприемлемой¹²⁴, так как, по мнению прибалтов, идея дублирует НАТО, который в Прибалтике считают вполне достаточным для обороны стран. Та же Д. Грибаускайте публично поддержала польского президента Анджея Дуду в его споре с Еврокомиссией, допуская возможность применения Литвой права вето при голосовании о санкциях в связи польскими нарушениями нормативов ЕС¹²⁵. Скептически была воспринята европейская инициатива PESCO (Постоянное структурированное сотрудничество по вопросам безопасности и обороны), а также идея Э. Макрона об обособлении еврозоны за счёт формирования в рамках ЕС отдельного бюджета.

На четырёхсторонней встрече Э. Макрона с лидерами трёх прибалтийских республик роль лидера взяла на себя литовский президент Д. Грибаускайте. Несмотря на то, что по численности населения и размеру общего ВВП Литва превосходит Латвию и Эстонию, однако по темпам развития и другим экономическим показателям она им уступает. К примеру, Литва последней из стран Прибалтики была допущена в зону евро (01.01.2015 г.)¹²⁶. Литва до сих пор ведёт переговоры и стремится выполнить требования, позволяющие ей стать членом ОЭСР¹²⁷. Возможно, претензия на лидерство связана с тем, что Д. Грибаускайте считает себя профессиональным политиком, сложившимся ещё в период распада СССР. Ожидая вступления в Евросоюз и НАТО, Литва стала своего рода координатором прибал-

¹²⁴ Сайт новостного портала Rubaltic. URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/11052017-makron-porazhenie-pribaltiki/> (доступ 21.12.2018 г.).

¹²⁵ Сайт новостного портала Rubaltic. URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/12042018-emmanuel-makron-nakazhet-litvu-za-podderzhku-polshi> (доступ 17.12.2018 г.).

¹²⁶ Первой членом зоны евро стала Эстония – 1 января 2011 г., второй Латвия – 1 января 2014 г.

¹²⁷ Сайт новостного прибалтийского портала Delfi. URL: <https://ru.delfi.lt/news/politics/prezident-litvy-v-parizhe-vstretitsya-s-makronom-i-otkroet-vystavku.d?id=77648037> (доступ 18.12.2018 г.).

тийских республик. Не будет преувеличением сказать, что нынешние литовские амбиции на лидерство в Прибалтике носят большей частью инерционный характер и скорее всего будут сведены на нет после ухода Д. Грибаускайте с поста литовского президента в мае 2019 г.

Отметим и такой факт. В августе 2018 г. Э. Макрон побывал с визитом в соседних Дании и Финляндии, но не посетил страны Прибалтики¹²⁸, хотя прежде французские президенты не обходили их вниманием: там с визитами побывали Ф. Миттеран (1998 г.), В.-Ж. де'Эстен (2001 г.). Существенно изменились обстоятельства – они усложнились и в Евросоюзе, и в Прибалтике, и в мире. В частности, прибалтийские республики утратили свою экзотику для Европы и стали рутинным фрагментом. Евросоюз, олицетворявший в начале 2000-х гг. экономическую мощь, политическое единство, внутреннюю незыблемость, в настоящее время многие из перечисленных качеств растерял.

Факт встречи Э. Макрона с руководителями стран Прибалтики можно интерпретировать по-разному. Напрашивается мысль, что Макрон подражает Д. Трампу, который в начале апреля 2018 г. пригласил в США трёх прибалтийских президентов и совместно с ними обсудил международные и двусторонние отношения. По своему содержанию обсуждение концентрировалось на роли Прибалтики в американской внешней политике. Акцент был поставлен на укреплении евроатлантического сотрудничества, в частности, была подтверждена задача противостоять России. Э. Макрон последовал такому же алгоритму – получил заверения прибалтийских руководителей в верности идее европейского единства. Правда, здесь наблюдается некоторое различие. Д. Трамп фокусировал внимание на евроатлантизме, а Э. Макрон – на европеизме¹²⁹. Любопытно, что в обоих случаях прибалтийские руководители полностью солидаризовались с хозяевами переговоров.

¹²⁸ Сайт новостного портала Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/2471408.html>.

¹²⁹ Евро-атлантизм – концепция единства США и Европы при понимании безусловного американского лидерства в генерировании идей и практической деятельности. Евро-атлантизму противопоставляется европеизм, также исходящий из единства США и Европы, но предполагающий равные между ним права.

Самобытен ли подход Э. Макрона к странам Прибалтики? Просматривается некое копирование американской модели её восприятия. В частности, игнорирование национальных идентичностей каждой из республик. Предпочтение отдаётся модели прибалтийских республик как конгломерату стран одного региона.

Возможна, конечно, интерпретация переговоров Э. Макрона с балтийскими лидерами в том ключе, что страны невелики и по отдельности с ними трудно найти приемлемую для Франции тему для переговоров.

Можно добавить, что прибалтийские страны не только небольшие, но и проблемы у них схожие, так как речь идёт об однотипных и дотируемых экономиках. Возникает встречный аргумент – почему же в ЕС и США не объединяют Кипр и Мальту, они ведь географически и экономически близки – располагаются в Средиземном море и придерживаются схожих подходов во внешней политике. Вопрос скорее риторический для Кипра и Мальты, но практический для стран Прибалтики.

Встреча в Париже 9 апреля 2018 г. показала, что в ЕС именно Латвию считают проблемной страной с точки зрения состояния внутренней политики и с позиций возможного влияния на неё со стороны России. Роль стабилизатора, видимо, отводится Франции. В рамках четырёхсторонней встречи в Париже 09 апреля 2018 г. было подписано отдельное соглашение между министерствами иностранных дел Франции и Латвии¹³⁰ – план действий двустороннего стратегического партнёрства на 2018–2022 гг., представляющий собой «дорожную карту» совместного реагирования на вызовы в Европе. Другими словами Франция берёт на себя роль наставника Латвии.

Не исключено, что Э. Макрон отработывает на странах Прибалтики модель взаимоотношений в целом со странами Восточной Европы. В частности, вполне возможно, что с ними он будет общаться, в том числе, в формате групповых встреч.

В целом для европейских стран полезно присмотреться к че-

¹³⁰ Сайт МИД Франции. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/latvia/events/article/latvia-meeting-between-nathalie-loiseau-and-edgars-rink%C4%93vics-paris-09-04-18> (доступ 15.12.2018 г.).

тырёхсторонней встрече Э. Макрона с прибалтийскими лидерами. Скорее всего, французский президент так или иначе будет применять или следовать такому же алгоритму в отношениях с другими странами и большего размера, прибавляя национальные оттенки. Сегодня некоторые прибалтийские наблюдатели склонны трактовать формирующееся лидерство Э. Макрона даже как поражение стран Прибалтики в том смысле, что Э. Макрон – символ укрепления концепции многоскоростной, а пока двухскоростной Европы. В частности, речь идёт о разделении стран – членов ЕС на ведущие и ведомые, используя критерий экономических показателей. Страны Прибалтики, скорее всего, окажутся в роли ведомых, возможно за исключением Эстонии, то есть их голос при принятии стратегических решений в Евросоюзе получит факультативное значение¹³¹.

*М.В. Каргалова**

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА Э. МАКРОНА: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Деятельность любого главы государства складывается из внешней и внутренней политики. Франция – не исключение. Возможность результативно действовать в обеих областях в равной степени зависит от поддержки президента населением страны, его избравшим, и политической воли лидера. Во время президентских выборов Макрон неожиданно для многих получил такую поддержку, опередив известных политиков.

На руку ему сыграло то, что другие участники президентской гонки теряли доверие электората, а, следовательно, и голоса, вместе со своими организациями (партиями и профсоюзами).

Заявления Э. Макрона о намерении следовать в фарватере США на международной арене, в частности, в Сирии, на Ближ-

¹³¹ Новостной портал Rubaltic.ru. URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/12042018-emmanuel-makron-nakazhet-litvu-za-podderzhku-polshi/> (доступ 17.12.2018 г.).

Каргалова Марина Викторовна, д.и.н., г.н.с., руководитель Центра проблем социального развития Европы ИЕ РАН.

нем Востоке, в Северной Африке, Тихом и Индийском океане, а также поддержка русофобских настроений, достаточно характеризуют внешнеполитический курс президента.

Всё же центральное место в дипломатическом курсе Франции остаётся за Европейским союзом. В этом направлении у Макрона большие и неоправданные планы. Намерение провести масштабные реформы распространилось на всё Сообщество. Тем более что потребность в реформах общепризнана. Президент представил свой план масштабного реформирования, однако руководство ЕС план не приняло. Брюссель не согласился с его претензиями на роль идеологического лидера и осудил амбиции Макрона выступать европейским переговорщиком, т.е. от имени ЕС, в отношениях с Вашингтоном. Не нашли понимания и попытки козырять ролью Франции при создании Европейского союза.

Внешняя политика под влиянием США, поддержка НАТО ведут к дополнительным расходам, которые ложатся на государственный бюджет Франции. Резко отрицательно отреагировало население страны на обнародованное намерение президента увеличить взнос в НАТО (с 32,7 млрд евро в 2017 г. до 50 млрд евро в 2025 г.)¹³² В 2018 г. ²/₃ французов считали, что реформы, за которые энергично взялся президент, убыточны для страны, и объявили себя их противниками.

В плане Макрона – создать Единый европейский оборонный фонд с претензией на совместное с ФРГ руководство им. Однако экономический вес и ресурсы у предполагаемых партнёров различаются. Выступил Макрон и с идеей создания в ЕС механизма контроля над иностранными инвестициями.

Значительное место в плане Макрона отводится регулированию миграционной политики. Это сейчас острый и больной вопрос ЕС и почва для социальных конфликтов.

В своё время ему удалось убедить население в решимости продолжать курс, начатый де Голлем, т.е. традиционный, по восстановлению «величия Франции» и в своей способности реагировать на вызовы времени. Его поддержал национальный парламент, контроль над которым Макрон сохраняет. Это позволя-

¹³² Международная жизнь, 2018 г., № 10. С. 58.

ет продолжать масштабные социальные реформы, всё более непопулярные среди населения. Осложняет ситуацию законодательство ЕС: согласно положениям социального права, в отличие от сферы экономики и финансов, социальная политика остаётся в национальной компетенции. Однако очевидно, что ряд социальных проблем в эпоху глобализации и интеграционных процессов разных видов не могут быть решены на национальном уровне, а позиции государств-членов неодинаковы. Как неодинаковы их бюджеты и уровень жизни.

Решение любой проблемы связано с выработкой долгосрочной стратегии и постановкой промежуточных целей. Кроме того, необходимо наличие идеи, которую поддерживает большинство общества. ЕС переживает сложные времена и страдает от отсутствия чётко сформулированной цели, даже отдалённой. Успехи начального интеграционного периода в Европе во много объяснялись наличием такой цели, а трудности были порождены отставанием социальной интеграции от экономической и политической.

Внешняя и внутренняя политика решают одну и ту же задачу по упрочению существующей в стране системы общественных отношений, обеспечению стабильности и качества жизни людей. Если ещё рано говорить о реальных результатах внешней политики Франции, то, оценивая внутреннюю политику президента, особенно социальную, есть основания, опираясь на факты, делать вывод о её провале. Страна охвачена массовыми протестными движениями, и подобное не наблюдалось со времён «красного мая 1968 года». Выступления «жёлтых жилетов», начавшись в Париже, быстро распространились по другим регионам. По данным «Евробарометра», 66% французов высказались в их поддержку. Экономические и социальные требования недовольных из всех категорий населения; трудящихся, учащихся, служащих, интеллигенции сменились политическими лозунгами, вплоть до отставки президента.

Оказавшись перед лицом волнений, которые можно назвать всенародными, Макрон обязан был отреагировать на них. Он пошёл на уступки и объявил о повышении зарплаты на 100 евро в месяц с 2019 г. Однако сразу же появилась оговорка: реали-

зывать это удастся лишь в течение 5 лет. Макрона открыто стали называть «президентом богатых».

Современное общество предусматривает развитие конкурентоспособной экономики в условиях социальной и политической стабильности. Такая задача стоит перед Европейским союзом и Францией, как его государством-членом. Макрон как политический лидер и фигура вряд ли сможет, даже теоретически, внести реальный вклад в её решение.

Францию всегда считали наряду с Германией одним из столпов европейской интеграции. Сейчас французский президент находится в сложной и неопределённой ситуации. Желая утвердиться во что бы то ни стало в Европе, он не скрывает желания выступать единственным собеседником США. Готов ли Брюссель доверить ему эту роль? Некоторые политики в ЕС (евроскептики и другие оппозиционные теперешнему руководству силы) уже пустили в ход термин «Франкзит» по аналогии с брекзит, желая нанести ущерб репутации Макрона в ЕС. Вряд ли этот упрёк справедлив, но Макрону придётся отвечать на многие неудобные вопросы, касающиеся внутренней и внешней политики страны. Учёным и политикам также пора разобраться соответствует ли масштаб политики, проводимой одним из крупнейших государств Европы масштабу личности, которой доверено ею руководить.

*В.Я. Швейцер**

«МАКРОНИЗАЦИЯ»: ФРАНЦУЗСКИЙ ЭКСКЛЮЗИВ ИЛИ ЕВРОПЕЙСКАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

Смена элит на политическом Олимпе – процесс вполне закономерный и, как правило, связанный с возрастными обстоятельствами. Долголетие в политике имеет, однако, не только чисто биологические параметры, определяющие возможность соответствующих деятелей выполнять возложенные на них функ-

* Швейцер Владимир Яковлевич, д.и.н., г.н.с., руководитель Отдела социальных и политических исследований ИЕ РАН, сопредседатель НС «Партийно-политические системы Европы XXI века».

ции. Необходимость покинуть арену высокой политики возникает тогда, когда исчерпывается потенциал влияния на процессы, происходящие как в отдельной стране, так и за её пределами. Причём соответствующие лимиты касаются как лидеров тех или иных партий, так и самих субъектов политики. Партии страдают от старения даже ещё чаще, чем те, кто их представляет.

Подтверждением этой истины стало развитие Евросоюза в первые почти два десятилетия XXI в. От эйфории, якобы почти очевидных успехов в сфере экономики, наступило отрезвление в условиях разнообразных кризисов финансово-хозяйственной сферы. От энтузиазма, связанного с ожидавшимся притоком необходимой для ЕС рабочей силы, к тревоге от её слабо контролируемого потока в середине второго десятилетия. От теоретически обоснованных надежд, связанных с пополнением рядов сообщества, констатации проблем, вытекавших из разнородности новичков – участников ЕС. От веры в нерушимость основного ядра союза, сформированного ещё в последнее десятилетие века минувшего, к брекзиту и реальной возможности умножения таких «экзитов» за счёт стран, неуютно чувствующих себя в новом, практически необжитом доме. От обоснованной в начале надежды на взаимовыгодное партнёрство с США, Китаем, Россией, другими ключевыми игроками на мировой арене – к острому кризису взаимоотношений, и не только из-за смены лидеров в упомянутых государствах, но и вследствие изменившихся объективных обстоятельств современного мира.

В этих условиях традиционные европейские политические элиты должны были либо найти в ограниченном временном промежутке новые нестандартные решения обрушившихся на них проблем, либо уступить место тем, кто готов был хотя бы декларативно возглавить поиск новых путей продвижения к цели – всесторонне гармоничной Европе. Однако неизбежная в кризисных обстоятельствах смена элит протекала без какой-либо внутренней гармонии, скорее импульсивно, чем планомерно. Всё вышесказанное относится к странам, вступившим в Евросоюз до его расширения в начале нынешнего тысячелетия. Что касается стран, вступивших в ЕС в начале XXI в., то у них можно обнаружить тенденцию перехода власти от либерально-консер-

вативного к националистическому классу политиков.

Европейский избиратель, участвуя в последние годы в выборах различного уровня (президентских, парламентских, местных), в референдумах любого масштаба, учитывает при принятии решений весь комплекс сопутствующих этим мероприятиям обстоятельств. Здесь и итоги правления тех, кто уже находится у власти, и убедительность контраргументов оппозиции, и фактор скандальных разоблачений (подтверждённых документально либо достаточно сомнительных), касающихся главных действующих лиц политического процесса. Результаты выборов отражают двухмерность основной традиционной логики избирателей: опасения возможного ухудшения своего, прежде всего, социально-экономического положения либо слабую надежду на какие-либо перемены позитивного свойства.

Электоральные итоги политической борьбы являются, в конечном счёте, основным фактором, способствующим обновлению властных структур. При этом избиратель, в зависимости от национально-психологических особенностей и политических традиций той или иной страны либо группы стран, склонен или передоверить власть новым людям из числа традиционных субъектов политики, или же передать её новым политическим силам и их элите. Однако в странах Западной Европы второй половины нынешнего десятилетия проявился и неожиданный внешний фактор – нетипичная смена власти в США. На её вершине оказался человек, по существу не связанный с выдвинувшей его на высокий пост политической партией. Эта нетипичная подвижка оказала своё воздействие и на переформатирование верхнего этажа европейского партийного ареопага. В двух ведущих странах Старого Света – Франции и Италии у штурвала государства оказались новички политических баталий, поддержанные созданными по нетрадиционным политическим лекалам движениями – партиями особого свойства.

Перемены текущего десятилетия на партийном Олимпе Европы открыли нам многообразие вариантов обновления властных структур. Общим же для различных политических комбинаций стало то, что традиционный истеблишмент был серьёзно потеснён партиями и движениями политической альтернативы.

Их альтернативность в разных странах выглядит по-разному, однако в целом обозначились три основных отряда обновляемого партийного ландшафта Европы.

Наиболее сильными и влиятельными в электоральном отношении являются **националисты**. Политический курс партий этого спектра европейской партийной системы можно, в первом приближении, обозначить как национал-эгоизм. В сфере внешней политики и международных отношений эти партии отстаивают сугубо национальные интересы, отодвигая на второй план уже сложившуюся систему глобальных и интеграционных связей, пренебрегая реальным местом своих стран в системе мировой экономики и политики. Во внутренней политике национал-эгоизм проявляется в защите интересов исключительно коренных жителей своей страны, в негативном отношении к согражданам иной расы и вероисповеданий. Их альтернативность, прежде всего, касается нечёткой, не просчитанной в деталях иммиграционной политики власть предержащих. Они пропагандистски обыгрывали неготовность европейского социального государства «переварить» большое количество «новых европейцев», которым предоставлено убежище. Националисты набрали очки и на правовом поле, обратив внимание на очевидные просчёты властей в деле защиты своих граждан от криминально-террористической угрозы, во многом порождённой недостаточно контролируемым наплывом беженцев и иммигрантов.

Свою альтернативу очевидным пробелам в сфере региональных, а в отдельных случаях и межгосударственных проблем, выдвигают **регионал-сепаратисты**. Диапазон их претензий достаточно широк: от повышения статуса соответствующих регионов до требования образовать новые независимые государства. Коегде ставится вопрос и об изменении государственных границ, не устраивающих часть населения, тяготеющую к исторической родине. В своих требованиях сепаратисты делают акцент на несправедливом распределении экономических благ в традиционных многоэтничных государствах, а также на неудовлетворительное финансирование из центра. Недовольны сепаратисты и явно недостаточными, с их точки зрения, представительскими функциями регионов в различных структурах Евросоюза.

Современные **социал-популисты** политически эксплуатируют как уже упомянутые реперные точки европейской политики, так и другие темы, не оцененные должным образом в практике правящих партий истеблишмента. Они подменяют детальный анализ современной ситуации в Европе изощрённой политической демагогией. Это темы борьбы с бюрократизмом и коррупцией, несправедливого распределения национального дохода, роли и места своего государства в интегрируемой Европе. Они предлагают паллиативные, практически нереализуемые решения, адресат которых – политически разномастные слои населения. Особенность современного популизма заключается в его способности интегрировать в свои ряды сторонников радикальных взглядов, как правого, так и левого толка.

К партиям политической альтернативы можно с некоторыми оговорками причислить и **экологистов**. Правда, в их рядах наметилась определённая дифференциация тех, кто готов искать компромисс между экономическими доминантами и экологическими ценностями, и тех, кто считает последние альфой и омегой своего политического курса.

Географически весь обновляемый партийный ландшафт Европы может быть условно поделён на две основные части. В южноевропейском регионе лишились прежних властных полномочий консерваторы Греции, Италии, Испании и Португалии. Им на смену пришли ещё совсем недавно малозаметные игроки политического поля – СИРИЗА в Греции и «Движение 5 звёзд» в Италии. На Пиренеях ранее уже нарабоавшие политический капитал испанские и португальские социалисты существенно обновились и программно, и персонально, что позволило новым лидерам стать первыми фигурами на политической шахматной доске. Южноевропейский вариант смены власти характерен тем, что новички из партий и движений политической альтернативы не решились в одиночку осваивать малопредсказуемое политическое пространство. Отсюда и длившаяся несколько лет коалиция с правыми националистами в Греции. В Италии в роли партнёра выступают национал-сепаратисты, где партия «Лига Севера» из тактических соображений сняла из названия свою региональную ориентацию, став просто «Лигой».

На Пиренеях местные социалисты подстраховались слева, причём в португальском варианте в союзники были приглашены бывшие коммунисты, левые социалисты и экологи, а в Испании неустойчивые политические позиции ИСПП страховали до последнего времени леворадикалы из «Подemos» и умеренные сепаратисты ряда национальных автономий.

Иная ситуация в противоположной части Европы – в Скандинавии. В Дании партия либералов – фавориты местного политического истеблишмента – не без оснований рассчитывают в парламенте на голоса националистов из Датской народной партии. Аналогичная ситуация в соседней Норвегии, где антииммигрантская Партия прогресса уже прочно освоила места в коалиционном кабинете вместе с правыми либералами и демокристами. Поначалу складывалось межпартийное сотрудничество таких же политических сил в Финляндии. Однако местные националисты из «Истинных финнов» разошлись между собой во мнениях по иммигрантской тематике. В результате одна часть осталась в коалиции с либералами и консерваторами, а другая стала оппозиционной. В соседней Швеции националисты из «Шведских демократов» постоянно наращивают свой электоральный багаж. Это косвенно влияет на формирование правительства под угрозой создания коалиции буржуазных партий с националистами. Бесспорные лидеры шведской политики – социал-демократы вынуждены отказаться от своих традиционных социальных программ ради сохранения политического нейтралитета с частью либералов и центристами.

В таких небольших странах Европы, как Австрия, Нидерланды, Бельгия, Швейцария националистический тренд также способствовал укреплению партий политической альтернативы правого толка. В Австрии Партия Свободы вошла в правительство, возглавляемое консервативной Народной партией, которая по теме иммиграции явно сблизилась с АПС. В Нидерландах также наблюдается рост влияния националистов, постоянно укрепляющих свои позиции в местных органах власти, потенциально готовых вступить в коалицию с правыми партиями. В Бельгии очевидно усиление позиции Нового фламандского альянса, который совмещает в своей идеологии и политике сепара-

тистские и националистические воззрения. В Швейцарии национал-изоляционисты из Народной партии прочно занимают лидирующие позиции в центральных органах власти.

Процесс обновления властных структур не миновал Германию и Великобританию, наиболее стабильные в экономическом и политическом отношении европейские державы. Тема брекзита для Великобритании и иммиграционный вопрос для Германии стали катализаторами глубинных перемен в элитарных структурах местного истеблишмента. На туманном Альбионе суровые ветры брекзита не только способствовали реальному расколу в стане консерваторов, но и сделали достаточно неопределённой судьбу самой консервативной партии. Сегодня Т. Мэй не является её бесспорным лидером и вынуждена признать возможность своего скорого ухода с Даунинг-стрит. Самой партии консерваторов предстоит нелёгкий выбор между окончательным сползанием к национал-изоляционизму и поиском новых форм сотрудничества со своими прежними единомышленниками в континентальной Европе. В Германии, ещё не оправившейся от незапланированного наплыва иммигрантов в середине нынешнего десятилетия, лидер ХДС А. Меркель стремится обеспечить партии плавный переход власти к группе новых лидеров. Сроки ухода «канцлерин» в отставку с высшего государственного поста уже определены, а партийный пост номер один временно передан А. Крампф-Карренбаур. Однако под большим сомнением лояльность партнёра – Христианско-социального союза, – где сменились местные баварские лидеры.

На фоне персональных перемен в элите европейского истеблишмента достаточно нетипично выглядит то, что произошло в последние годы во Франции. Выборы 2017 г. показали, что в проигрыше оказались оба политических тяжеловеса – и неоголисты (республиканцы) и социалисты. Укрепили свои электоральные позиции, однако не приблизились к рычагам исполнительной власти их главные оппоненты – националисты (М. Ле Пен) и социал-популисты (Ж.-Л. Меланшон). В этой ситуации появление Э. Макрона и наспех собранного им движения – партии «Вперёд, Республика!» – выглядело вполне закономерно, ибо в политике никогда не бывает вакуума. Последующие со-

бытия подтверждают банальную истину: случайное стечение обстоятельств, без заранее апробированных, хотя бы декларативно, альтернатив, не сулит новым элитам спокойной жизни. Ведь сам нынешний президент Франции, в отличие от своих предшественников – лидеров Пятой республики – пришёл к власти, не имея ни солидного политического бэкграунда, ни сплочённой команды единомышленников, ни широкой массовой поддержки.

Появление «жёлтых жилетов» в качестве общественно-политической альтернативы нельзя не связать с отсутствием сложившейся оппозиции как справа, так и слева. Процесс формирования таковой ещё продолжается, сопровождаясь чередой внутренних расколов и размежеваний бывших соратников – М. Ле Пен и Ж.-Л. Меланшона. С другой стороны, к крайне правым и крайне левым начинают постепенно подтягиваться некоторые знаковые фигуры из стана неоголлистов и социалистов. Не исключено, что движение «жёлтых жилетов» может обрести вполне реальные партийно-политические формы. Как, кстати говоря, получилось в Италии, где «Движение 5 звёзд» стало не комическим, как казалось вначале, а вполне политическим оппонентом партийного пространства на Апеннинях. Опять-таки, этому способствовал разброд в прежних элитах, где до сих пор бушуют страсти в лагерях консерваторов-берлускониевцев и неосоциал-демократов.

Можно смело утверждать, что «макронизация» как синоним смены элит, безусловно, явление европейского, во всяком случае, в западной части континента, масштаба. Подтвердить или опровергнуть этот тезис смогут уже ближайшие выборы в Европейский парламент. Они не только определяют истинную политическую цену как основных, так и второстепенных (на сегодняшний день) игроков континентальной партийной арены, но, хотя бы в первом приближении, зафиксировать персональные симпатии или антипатии европейского электората. Как показывает пример Франции, фактор лидера имеет в нашем беспокойном, неустойчивом мире далеко не второстепенное значение. Сегодняшним европейцам важно кто именно занимается проблемами, чрезвычайно для них актуальными. Не менее важно и то, действует ли лидер страны в одиночку или же он является до-

стойным партнёром других грандов европейской политики, способным внести ясность в весьма туманные перспективы развития событий в Старом Свете и в мире в целом. Расхожее словосочетание «свет и тени» относится ко всему находящемуся в зоне политической турбулентности партийному сегменту современной Европы.

**В 2017–2018 гг. были выпущены следующие
доклады Института Европы**

344. Правительство Т. Мэй – год у власти. Итоги досрочных выборов 2017 г. Под ред. Е.В.Ананьевой (отв. ред.), Е.В.Дрожжиной. ДИЕ РАН № 344, М., 2017 г.
345. Экономические аспекты Брекзита. Под ред. А.И.Бажана (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 345, М., 2017 г.
346. Н.Б.Кондратьева. Европейский союз: становление единого рынка. Монография. ДИЕ РАН № 346, М., 2017 г.
347. Выборы во Франции 2017 г.: итоги и перспективы. Под ред. В.Я.Швейцера (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 347, М., 2017 г.
348. С.Н.Гончаренко. Черноморское экономическое сотрудничество: первые 25 лет. ДИЕ РАН № 348. М., 2018 г.
349. Современная Италия: старые проблемы, новые вызовы. Под ред. Е.А. Масловой (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 349. М., 2018 г.
350. Большое Причерноморье: на перекрёстках сотрудничества и конфликтов. Отв. ред. Д.А.Данилов. ДИЕ РАН № 350. М., 2018 г.
351. Будущее Европы: глобальные вызовы и возможные ответы. Отв. ред. Л.О.Бабынина. ДИЕ РАН № 351. М., 2018 г.
352. В.С.Циренщиков. Прогностическая деятельность европейских компаний. ДИЕ РАН № 352. М., 2018 г.
353. Европа 2017: партии, выборы, власть. Отв. ред. В.Я.Швейцер. ДИЕ РАН № 353. М., 2018 г.
354. Германия. 2017. Под ред. В.Б.Белова (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 354, М., 2018 г.
355. Ю.А.Борко. Восточное партнёрство: проект, реальность, будущее. ДИЕ РАН № 355. М., 2018 г.
356. Правительство меньшинства Терезы Мэй – год у власти. Отв. ред. Е.В.Ананьева. ДИЕ РАН № 356. М., 2018 г.
357. Партии и движения политической альтернативы в современной Европе. Отв. ред. В.Я.Швейцер. ДИЕ РАН № 357. М., 2018 г.
358. И.С.Гладков, Е.Ю.Горбатенко. Внешняя торговля Европейского союза: особенности на современном этапе. ДИЕ РАН № 358. М., 2018 г.
359. А.И.Бажан. Перспективы евроинтеграции: валютно-финансовые аспекты. ДИЕ РАН № 359. М., 2018 г.
360. Экономика и политика Германии: через год после выборов. Отв. ред. Е.П.Тимошенкова. ДИЕ РАН № 360. М., 2019 г.
361. Германия. 2018. Под ред. В.Б.Белова (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 361, М., 2019 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2017–2018

344. May's Government – a Year in Power. Snap General Elections-2017 Results. Ed. by E.V.Ananieva, E.V.Drozhzhina. Reports of the IE RAS, № 343, M., 2017.
345. Brexit economic aspects. Ed. by A.I.Bazhan and others. Reports of the IE RAS, № 345, M., 2017.
346. N.B.Kondratyeva. The European Union: shaping the single market. Monography. Reports of the IE RAS, № 346, M., 2017.
347. Elections in France – 2017: Results and Perspectives. Ed. by V.Ya.Shveitser and others. Reports of the IE RAS, № 347, M., 2017.
348. S.N.Goncharenko. Black Sea Economic Cooperation: the First 25 Years. Reports of the IE RAS, № 348, M., 2018.
349. Modern Italy: old problems, new challenges. Ed. by E.A.Maslova and others. Reports of the IE RAS, № 349, M., 2018.
350. The Wider Black Sea Region: at the Crossroads of Cooperation and Conflicts. Ed. by D.A.Danilov. Reports of the IE RAS, № 350, M., 2018.
351. The Future of Europe: global challenges and possible responses. Ed. by L.O.Babynina. Reports of the IE RAS, № 351, M., 2018.
352. V.S.Tsirenschikov. Prognostic Activities of European Companies. Reports of the IE RAS, № 352, M., 2018.
353. Europe 2017: parties, elections, power. Ed. by V.Ya.Shveitser. Reports of the IE RAS, № 353, M., 2018.
354. Germany. 2017. Ed. by V.B.Belov and others. Reports of the IE RAS, № 354, M., 2018.
355. Yu.A.Borko. The Eastern Partnership: project, realities, future. Reports of the IE RAS, № 355, M., 2018.
356. Th. May's Minority Government – a Year in Power. Ed. by E.V. Ananieva. Reports of the IE RAS, № 356, M., 2018.
357. Parties and Movements of Political Alternative in Contemporary Europe. Ed. by V.Ya.Shveitser. Reports of the IE RAS, № 357, M., 2018.
358. I.S.Gladkov, E.Yu.Gorbatenko. The foreign trade of the European Union: features at the present stage. Reports of the IE RAS, № 358, M., 2018.
359. A.I.Bazhan. Prospects for European integration: monetary and financial aspects. Reports of the IE RAS, № 359, M., 2018.
360. Economy and Politics of Germany – a year after the elections. Ed. by E.P.Timoshenkova. Reports of the IE RAS, № 360, M., 2019.
361. Germany. 2018. Ed. by V.B.Belov and others. Reports of the IE RAS, № 361, M., 2019.

Научное издание

**СВЕТ И ТЕНИ
«ЭРЫ МАКРОНА»**

Доклады Института
Европы № 362

Подписано в печать 17.06.2019. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 8
Тираж 200 экз. Заказ № 1758

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86